

Something About You

"Julie James rocks! You'll laugh out loud and wish you had an FBI agent of your own."

—New York Times bestselling author Sandra Hill

JULIE JAMES

Bestselling Author of *Practice Makes Perfect*

Судьба бросает двух заклятых врагов...

Помощнице федерального прокурора Камерон Линд довелось заночевать по соседству именно с тем из всех гостиничных номеров, снимаемых прелюбодействующими чикагскими политиками, где жаркий и шумный секс закончился смертью. И из всех сотрудников ФБР штата Иллинойс именно специальный агент Джек Паллас назначен расследовать данное резонансное убийство. Тот самый Джек Паллас, который до сих пор винит Камерон за разгромный провал трехгодичной давности — и свою едва не загубленную карьеру.

В объятия друг друга...

Работать с Камерон Линд? Они что, издеваются? Вероятно, думает Джек, тут какой-то розыгрыш, вроде радушного приветствия после ссылки за пределы Чикаго. Но это вовсе не шутка: парочке придется зарыть топор войны и сосредоточиться на общем деле. Разумеется, если они смогут удержаться от бритвенно-острых взаимных насмешек и притушить обжигающее пламя сексуального напряжения.

Перевод: lesya-lin

Редактура: codeburger

Джулия Джеймс

Кое-что о тебе

*Шутникам из соседнего номера в гостинице «Марриотт» в Сан-Франциско —
поскольку вы не давали мне спать вашими выходками,
эту книгу я написала в уме.*

В славном городе Чикаго тридцать тысяч гостиничных номеров, а Камерон Линд угораздило попасть именно в тот, по соседству с которым какая-то парочка устроила сексуальный марафон.

— Да! О, да! Да-а-а!

Камерон натянула подушку на голову, говоря себе — в энный раз за последние полтора часа — что финал *когда-нибудь* да наступит. Было уже три часа ночи, и хотя она ничего не имела против раунда бурного секса в номере отеля, но этот конкретный случай перешел из восхитительного в возмутительный примерно четырнадцать «О, боже-боже-божечки!» тому назад. Что еще важнее, даже при скидках, предоставляемых федеральным служащим, месячный бюджет помощника прокурора не был рассчитан на пятизвездочную «Пенинсулу», и Камерон уже по-настоящему бесила невозможность получить за немалые деньги хотя бы немного покоя и тишины.

Бух! Бух! Бух! Стена задрожала, ощутимо сотрясая изголовье королевской кровати, а Камерон принялась на чем свет стоит костерить полы из твердой древесины, из-за которых очутилась в таком положении.

Когда пару дней назад ремонтники заявили, что по свежешлакированному паркету нельзя будет ходить в течение суток, Камерон решила побаловать себя столь необходимым отдыхом. Как раз на прошлой неделе закончился изнурительный трехмесячный процесс по делу о рэкрете против одиннадцати подсудимых, обвиняемых в организованной преступной деятельности, в том числе семи убийствах и трех покушениях на убийство. Процесс оказался психически изматывающим для всех его участников, в особенности для Камерон и второго помощника прокурора, поддерживавшего обвинение. Поэтому, узнав, что придется оставить дом, пока сохнут полы, усталая труженица ухватилась за возможность превратить вынужденную отлучку в отпуск на выходные.

Вероятно, при подобной оказии кто-нибудь другой отправился бы в местечко более отдаленное и экзотическое, нежели гостиница в трех милях от дома. Но Камерон требовался всего лишь невероятно дорогой, зато фантастически восстанавливающий силы массаж, ночь безмятежного освежающего сна, а по пробуждении поздним утром — шведский не то завтрак, не то ланч (опять же по невероятно завышенным ценам), где можно набить живот до того состояния, когда вспоминаешь, почему обычно стараешься избегать подобных жранчей. И для всего задуманного «Пенинсула» была идеальнейшим местом.

По крайней мере так ей представлялось.

— О-о, какой большой гадкий мальчик! Только — о, да! — только не останавливайся!

Подушка на голове ничуть не помогала заглушить женские взвизги. Прикрыв глаза, Камерон вознесла молчаливое прошение: «Уважаемый мистер Большой-и-Гадкий, что бы вы там не делали, не сходите с места, пока не закончите». Так пылко она молила об оргазме лишь в тот первый — и последний — раз, когда спала с Джимом, менеджером по централизованным закупкам вина и заодно художником, который намеревался «искать собственный путь», но, как выяснилось, не имел ни малейшего понятия о путях к важнейшим точкам женского тела.

Камерон разбудили именно стоны, начавшиеся где-то в полвторого ночи. Поначалу она спросонку подумала, что кому-то по соседству стало плохо. Но за постаныванием тут же последовали охи и вздохи еще одного человека, стуки об стену, вскрики, а затем звуки, подозрительно напоминающие шлепки по мягкому месту, и примерно на этом этапе Камерон наконец-то сообразила, что на самом деле происходит в комнате 1308.

Виу-виу-виу-виу-виу...

В соседнем номере темп ударов кровати о стенку убыстрился, а скрип матраса перешел на новую, лихорадочную частоту.

Несмотря на раздражение, Камерон не могла не отдать должное поразительной стойкости парня, кем бы тот ни был. «А вдруг все дело в виагре?» — подумалось ей. Где-то она слышала, что одна крохотная таблеточка способна держать мужчину на взводе более четырех часов.

Сдернув подушку с головы, страдалица сквозь темень взгляделась в часы на прикроватной тумбочке — 3:17. Если придется терпеть это безобразие в течение следующих двух часов с четвертью, она точно кого-то прикончит — первым делом, служащего за стойкой регистрации, поселившего ее сюда. Кстати, разве в гостиницах не должны пропускать тринадцатый этаж? Как раз сию минуту постоялица жалела, что не слишком суеверна и не попросила другой номер.

Если честно, сию минуту Камерон вообще жалела, что повелась на идею с отпуском на выходные, вместо того чтобы просто переночевать у Колина или у Эйми. По крайней мере сейчас можно было бы спокойно спать, а не выслушивать какофоническую симфонию стонов и писклов — вот-вот, девица уже натурально пищала, — ставшую саундтреком нынешней ночи. Плюс, Колин сотворил бы свой фирменный омлет из яичных белков с чеддером и помидорами. Пускай это блюдо и не могло полностью заменить разнообразные

деликатесы гостиничного шведского стола, зато живо напоминало, почему Камерон обычно сваливала всю готовку на Колина, когда на старшем курсе колледжа они втроем жили вместе.

Виу-виу-виу-бэм! Виу-виу-виу-бэм!

Камерон села на кровати и посмотрела на телефон на тумбочке. Ей не хотелось попадать в категорию постояльцев, которые в пятизвездочной гостинице выдвигают претензии по каждому пустяку. Однако шум в соседнем номере слишком уж затянулся, и в какой-то момент Камерон пришла к убеждению, что за без малого четыреста долларов в сутки определенно имеет право на сон. Как она догадывалась, администрацию отеля до сих пор не завалили жалобами на затянувшуюся оргию по единственной причине: номер 1308 был угловым и соседей с другой стороны не имел.

Камерон уже почти сняла трубку, чтобы позвонить администратору, как вдруг мужчина за стенкой издал победный клич, возвещающий ее избавление.

Шмяк! Шмяк!

— О-о-о, ч-черт, я кончаю-ю-ю!

Громкий стон, а затем...

Долгожданная тишина. Наконец-то.

Камерон повалилась обратно на постель. «Благодарю, благодарю вас, боги гостиницы «Пенинсула», за эту малую милость. Никогда больше не назову цену здешнего массажа завышенной. Хотя ежу понятно, что втереть масло в спину никак не стоит ста девяноста пяти долларов. Только без обид».

Мученица заползла под простыни, натянула до подбородка кремовое пуховое одеяло и, утонув головой в подушках, полежала так пару минут, прежде чем погрузиться в благословенную дрему.

Тут из соседнего номера опять донесся шум — стук закрываемой двери.

Камерон напряглась

А потом...

Ничего.

Вокруг все оставалось благодатно тихим и спокойным, и последняя мысль Камерон перед тем, как уснуть, была о значимости услышанного звука.

У нее промелькнуло подозрение, что кого-то только что посетила пятизвездочная девочка по вызову.

* * * * *

Бэм!

Камерон как ужаленная подскочила на постели, выдернутая из глубокого сна шумом в соседней комнате. Приглушенные вскрики, очередной удар кровати о стенку — еще сильнее и громче, чем прежде, — словно парочка на сей раз нацелилась заняться делом *всерьез*.

Взгляд на часы — 4:08. Ей предоставили аж целых тридцать минут передышки.

Не теряя больше ни секунды — если честно, она и так подарила этим развратникам слишком много своего драгоценного времени, — Камерон включила торшер рядом с кроватью, немного поморгала, привыкая к яркому свету, схватила с тумбочки телефон и набрала номер.

После первого же гудка на другом конце провода любезнейшим тоном откликнулся мужчина:

— Добрый вечер, мисс Линд. Благодарим за звонок в отдел по обслуживанию клиентов. Чем можем помочь?

Камерон прочистила горло и охрипшим со сна голосом выпалила:

— Послушайте, мне бы не хотелось скандалить, но, пожалуйста, уговорите жильцов из номера 1308. Они постоянно стучат мне в стенку, а все эти стоны, крики и шлепки длятся уже два часа. Я за всю ночь почти не сомкнула глаз, а соседи, судя по звукам, заходят уже на двадцатый круг. Им-то, ясное дело, здорово, а мне вот не очень, и уже нет никаких сил терпеть, понимаете?

Голос в трубке оставался абсолютно невозмутимым, словно отделу по обслуживанию клиентов «Пенинсулы» было не привыкать улаживать неприятные последствия появления девочек по вызову.

— Конечно, мисс Линд. Извините за доставленное неудобство. Я сейчас же пришлю охрану, чтобы решить данную проблему.

— Спасибо, — буркнула Камерон, вовсе не намеренная так легко утихомириваться. Утром она собиралась пожаловаться администратору, но сейчас единственным ее желанием было хоть немного поспать.

Повесив трубку, она подождала. Прошла пара минут. Камерон глянула на стенку за изголовьем. В номере 1308 воцарилось странное затишье. Неужели его обитатели слышали звонок недовольной соседки в гостиничную службу? Стены здесь, конечно, тонковаты (как она сама убедилась), но не настолько же?

У соседей открылась дверь.

Сматывают, сволочи.

Камерон слетела с кровати, подскочила к своей двери, полная решимости хоть посмотреть на знойную парочку, и прильнула к глазку как раз в тот момент, когда дверь соседнего номера закрывалась. Какое-то мгновение никого не было видно. А затем...

В поле зрения появился мужчина.

Глазок несколько искажал быстро движущуюся фигуру. Незнакомец прошмыгнул мимо, повернувшись спиной, так что рассмотреть его особо не удалось. Камерон понятия не имела, каков типичный облик гигантов секса, но конкретно этот был довольно высоким и стильно одетым: джинсы, черный вельветовый блейзер и серая футболка с накинутым на голову капюшоном, что выглядело странновато. Когда мужчина пересек холл и толкнул дверь на лестницу, какая-то деталь его наружности показалась Камерон на удивление знакомой. Но он исчез на ступенях прежде, чем наблюдательница успела сообразить, какая именно.

Камерон отпрянула от глазка. В соседней комнате происходило что-то очень странное. Может, герой-любовник слышал телефонный разговор и улизнул со сцены, оставив партнершу расхлебывать последствия в одиночку? Женатый, наверное. Как бы там ни было, дамочке из номера 1308 предстоят серьезные объяснения, как только подоспеет гостиничная охрана. Камерон прикинула, что могла бы — раз все равно уже проснулась — просто поторчать у дверного глазка, и дожидаться заключительного акта представления. Не то чтобы подслушивать и все такое, но... ладно-ладно, действительно подслушивать.

Долго ждать не пришлось. Появившиеся буквально через минуту двое мужчин в штатском, явно из службы безопасности гостиницы, постучали в номер 1308. Камерон сквозь глазок видела, как охранники выжидающе уставились на дверь, затем недоуменно пожали плечами, словно не получили ответа.

— Попробуем еще раз? — спросил тот, что был пониже ростом.

Напарник кивнул и забарабанил снова:

— Служба безопасности!

Никакого отклика.

— Ты уверен, что комната та самая?

Первый, сверившись с блокнотом, кивнул:

— Ага. Пожаловавшаяся дамочка заявила, что шумят в тринадцать восемь, — и устремил взгляд на номер Камерон. Та отступила на шаг, будто сквозь дверь ее можно было увидеть, и внезапно очень обеспокоилась тем обстоятельством, что одета всего лишь в футболку с эмблемой родного Мичиганского университета и трусики.

Залегла пауза.

— Ну, я не слышу ни звука, — донесся до Камерон голос первого охранника. Он постучал в третий раз, еще громче: — Открывайте, охрана!

По-прежнему ничего.

Камерон вернулась к двери и снова прикипела к глазку, наблюдая, как мужчины раздраженно переглядываются.

— Скорее всего, они в душе, — предположил коротышка.

— И там опять принялись за дело, — развил мысль напарник.

Мужчины прикинули ушами к двери. Камерон со своей стороны тоже прислушалась, но никакого шума воды у соседей не уловила.

— Ты же знаешь процедуру — по-любому придется зайти, — вздохнул высокий охранник, вытащил из кармана, судя по всему, универсальную ключ-карту, щелкнув замком, приоткрыл дверь и окликнул: — Эй, есть кто-нибудь? Служба безопасности!

Оглянувшись через плечо, высокий покачал головой. Значит, ничего. Продвигаясь дальше, он жестом позвал напарника за собой. Оба исчезли из поля зрения Камерон, войдя в номер и со стуком захлопнув за собой дверь.

Минутная тишина, и вдруг из-за стенки донесся вскрик одного из охранников:

— Твою мать!

Желудок Камерон ухнул вниз. Теперь стало ясно, что в номере 1308 не произошло ничего хорошего. Не зная, что предпринять, она прижалась ухом к стене и прислушалась.

— Попробуй искусственное дыхание, а я позвоню девять-один-один!

Камерон, умевшая оказывать первую медицинскую помощь, рванулась к двери и распахнула ее как раз в тот момент, когда коротышка выскакивал в коридор.

Завидев постоялицу, он вытянул руку, призывая остановиться:

— Мэм, пожалуйста, вернитесь в свою комнату.

— Но я слышала... подумала, что могу помочь, я же...

— Мэм, мы сами обо всем позаботимся. Пожалуйста, зайдите в номер, — бросил охранник и умчался прочь.

Повинуясь приказу, Камерон осталась стоять на пороге. Оглянувшись по сторонам, она заметила, что и другие жильцы из ближайших номеров услышали суматоху и теперь выглядывают в коридор со смешанным выражением тревоги и любопытства.

Через отрезок времени, показавшийся наблюдательнице вечностью, но в действительности длившийся не более нескольких минут, коротышка вернулся во главе двух медиков из бригады скорой помощи, толкавших каталку.

Когда троица пробежала мимо Камерон, та расслышала скороговорку охранника:

— Мы обнаружили пострадавшую на кровати без сознания, начали делать

искусственное дыхание, но, похоже, дело плохо...

К этому времени на место происшествия подоспели другие работники отеля, и дама в сером костюме, представившаяся администратором, попросила всех гостей оставаться в комнатах. Камерон уловила отданное служащим распоряжение освободить коридор и лифтовую площадку. Жильцы тринадцатого этажа приглушенно переговаривались между собой, и до Камерон доносились обрывки фраз соседей, интересующихся друг у друга, что происходит.

Когда из дверей номера 1308 показались медики скорой помощи, проворно вытаскивающие каталку, в толпе воцарилось молчание.

Теперь на носилках кто-то был.

Врачи промчались мимо, и Камерон лишь мельком глянула на пациента, но беглого взгляда хватило, чтобы рассмотреть, что это женщина, чьи рассыпавшиеся длинные рыжие волосы резко контрастировали с белизной простыней и гостиничного банного халата. И пострадавшая не шевелилась.

Один из медиков толкал тележку, второй бежал сбоку, придерживая закрывающую лицо жертвы кислородную маску. Оба охранника неслись впереди, обеспечивая беспрепятственное продвижение по коридору. Камерон — а с ней, судя по всему, и еще несколько постояльцев — расслышала, как коротышка бросил напарнику, что полиция уже выехала.

Упоминание о полиции вызвало легкий ажиотаж. Гости отеля потребовали объяснений.

Над шумом возвысился голос дамы в сером костюме.

— Я, конечно, понимаю вашу встревоженность и приношу наши глубочайшие извинения за беспокойство, — спокойно и мягко обратилась она к постояльцам, разительной напоминая своим тоном сотрудника отдела по обслуживанию клиентов, с которым Камерон говорила по телефону. Интересно, а когда поблизости нет жильцов, между собой персонал гостиницы тоже так общается? Или они отбрасывают эти обходительные манеры и неуловимый типа-европейский-хотя-я-родом-из-Висконсина акцент, как только выходят на обеденный перерыв?

— К сожалению, на данный момент я могу сообщить только, что ситуация, по всей видимости, крайне серьезная и может оказаться криминальной по характеру, — продолжала администратор. — Мы передаем дело в руки правоохранительных органов и просим всех гостей оставаться в своих номерах, пока сотрудники полиции не придут и не оценят положение вещей. Вполне возможно, что детективы захотят побеседовать с некоторыми из вас.

Вперившись взглядом в Камерон, дама направилась к ней, пока остальные вернулись к перешептыванию и шушуканью.

— Мисс Линд?

— Да, — утвердительно кивнула та.

Администратор указала на дверь:

— Не возражаете, если я провожу вас обратно в номер?

Под этой пятизвездочно-отельно-вежливой фразой подразумевалось: «Можете устраиваться поудобнее, потому что ваша любопытная задница не тронется с места».

— Пожалуйста, — пробормотала Камерон, все еще в легком шоке от событий последних минут. Как помощник прокурора штата, она сталкивалась с криминалом многократно, но сейчас все было иначе. Данный случай не рассматривался бесстрастным оком обвинителя,

здесь не было папок с доказательствами, обстоятельно собранными ФБР, или полицейских фотоотчетов с места происшествия. В этот раз она своими ушами *слышала*, как совершалось преступление, одной из первых видела жертву и вполне вероятно — если вспомнить мужчину в блейзере и футболке с капюшоном, — что и злоумышленника тоже.

От этой мысли по спине пробежал холодок.

А может, к пробравшему ознобу имело некоторое отношение то обстоятельство, что она стоит посреди охлаждаемого кондиционерами коридора в одной футболке и трусиках?

Высший класс.

С максимально возможным при отсутствии лифчика и штанов достоинством Камерон одернула футболку на дополнительные полдюйма и прошествовала за администратором в свой номер.

Что-то тут было не так.

Вот уже два часа Камерон маялась в заточении гостиничной комнаты, пока чикагский департамент полиции предположительно занимался расследованием. Помощница прокурора имела достаточное представление об осмотре места преступления и опросе свидетелей, чтобы понять: дело движется не по стандартному регламенту.

Начать хотя бы с того, что ей никто ничего не сообщил. Полиция прибыла вскоре после водворения Камерон обратно в номер. Немолодой, слегка лысоватый и чрезвычайно раздраженный детектив Слонски представился, занял кресло в углу и принялся расспрашивать об услышанном минувшей ночью. И хотя за предоставленные несколько секунд уединения Камерон успела нацепить бюстгальтер и штаны, ей все равно было как-то неловко давать показания, сидя на застеленной наспех гостиничной кровати.

Первое, что бросилось в глаза полицейскому — полупустой бокал вина, заказанный в номер и до сих пор стоявший на столе, где был оставлен несколько часов назад. Это наблюдение, разумеется, тут же породило ряд предварительных вопросов об употреблении свидетельницей крепких напитков в течение вчерашнего вечера. После того как детектива, похоже, удалось убедить, что нет, она не злостная алкоголичка, и что да, ее словам можно хоть отчасти верить, тема выпивки наконец-то осталась позади. Камерон заметила, что Слонски представился не офицером, а детективом, и поинтересовалась, означает ли это его принадлежность к убийному отделу. Немаловажный момент, ведь ей очень хотелось знать, что случилось с девицей из номера 1308.

Единственным ответом стал строгий взгляд и краткое:

— Мисс Линд, вопросы здесь задаю я.

Камерон как раз заканчивала свой рассказ, когда еще один детектив в штатском просунул голову в дверь:

— Слонски, давай-ка лучше сюда, — и кивнул в сторону соседней комнаты.

Тот встал и смерил свидетельницу очередным строгим взглядом. Интересно, это он перед зеркалом в ванной так натренировался?

— Буду очень признателен, если вы побудете в номере, пока я не вернусь.

— Разумеется, детектив, — улыбнулась Камерон, раздумывая, не воспользоваться ли своим служебным положением, чтобы добиться хоть какой-то определенности, но решила этого не делать. Пока что. Всю жизнь она была окружена работниками правоохранительных органов и уважала их труд. Однако эта улыбочка должна дать детективу понять, что его шутки на нее не действуют. — Рада помочь, чем только смогу.

Слонски с подозрением зыркнул на собеседницу, вероятно, решая, не прозвучал ли в ее тоне намек на сарказм. Та выдержала острый взгляд на ура.

— Просто оставайтесь в своей комнате, — буркнул полицейский и вышел.

Следующая встреча с детективом состоялась через полчаса, когда тот заглянул в номер и сообщил, что ввиду некоторых «непредвиденных обстоятельств» свидетельнице придется не только пробыть здесь дольше, чем ожидалось, но возле ее двери еще и охранника поставят. Слонски также добавил, что мисс Линд «убедительно просят» не звонить никому ни по мобильному, ни по внутреннему гостиничному телефону, пока «они» не закончат с ней беседовать.

Тут помощница прокурора впервые заперевивала, не угодила ли сама в переплет.

— А что, меня рассматривают в качестве подозреваемой?

— Я этого не говорил.

Камерон обратила внимание, что «нет» сказано не было, и пальнула в повернувшегося уходить детектива следующим вопросом:

— Кто такие «они»?

Слонски покосился через плечо:

— Прошу прощения?

— Вы заявили, что я не могу никуда звонить, пока «они» не закончат меня опрашивать, — пояснила Камерон. — Кого вы имеете в виду?

Выражение лица Слонски свидетельствовало, что отвечать он по-прежнему не намерен.

— Мы признательны за ваше желание и дальше помогать следствию, мисс Линд. Это все, что я могу сейчас сказать.

Через пару минут после его ухода Камерон посмотрела в глазок и, само собой, узрела только чей-то затылок — по-видимому, приставленного снаружи охранника. Пленница отошла от двери и вернулась на кровать. Взгляд на часы сообщил, что уже почти семь утра. Она включила телевизор — в конце концов, о запрете на телевидение ни слова не прозвучало — надеясь, что сможет хоть что-то узнать о происшествии из новостей.

Камерон все еще нажимала кнопки на пульте, пытаясь понять, как убрать с экрана эту чертову гостиничную заставку «Добро пожаловать», когда дверь номера в очередной раз распахнулась и в проем просунулась голова детектива:

— Извините, телевизор тоже нельзя.

Дверь закрылась.

— Дурацкие бумажные стены, — пробурчала Камерон себе под нос. Не то чтобы ее кто-то мог слышать. Хотя, с другой стороны...

— А хотя бы книжку читать мне разрешается, детектив Слонски? — спросила она пустую комнату.

Тишина.

Затем из коридора донесся голос:

— Разумеется.

Да, стены тут и вправду тонкие. В ответе можно было расслышать даже намек на усмешку.

* * * * *

— Это становится просто нелепым. У меня есть права, понимаете? — Камерон уставилась в лицо своему сторожу, решительно настроенная получить кое-какие ответы.

Молоденький полицейский сочувственно кивнул:

— Понимаю, мэм, и прошу извинить, но я выполняю приказ.

Наверное, сказывалось недовольство от сидения взаперти в течение вот уже пяти — да-да, целых пяти! — часов, но Камерон готова была придушить мальчишку, если тот еще хоть раз «мэмнет». Ей же не шестьдесят, а всего-навсего тридцать два. Хотя, пожалуй, она утратила право называться «мисс» примерно в то время, когда начала думать о двадцатидвухлетних полицейских, как о юнцах.

Рассудив, что наезжать на рядового копа не лучший маневр, когда предположительно еще десятка два околачиваются сразу за дверью (уверенности не было, ведь ей не разрешили

даже выглянуть в коридор, не то что ступить за порог), Камерон попробовала применить другую тактику.

— Послушайте, может, ранее об этом не упоминалось, но я — помощник федерального прокурора, работаю в чикагском офисе...

— Если вы живете в Чикаго, то почему ночуете в гостинице? — перебил парнишка.

— У меня сейчас покрывают лаком пол. Дело в том...

— Правда? — собеседника, казалось, очень заинтересовало ее сообщение. — А я как раз ищу кого-нибудь, чтобы привести в порядок свою ванную комнату. А то этот кошмарный черный с белым мрамор и позолоченные краны, оставшиеся от прежних жильцов, смахивают на «Плейбой-мэншн». Не против, если спрошу, как вам удалось найти бригаду для такого небольшого объема работ?

Камерон насмешливо склонила голову набок.

— Пытаетесь меня отвлечь или вам действительно взбрело на ум заняться обустройством дома?

— Скорее, первое. У меня сложилось впечатление, что вы собираетесь вредничать.

Камерон пришлось спрятать улыбку. А паренек-то вовсе не так зелен, как ей показалось.

— Дело в том, — уведомила она, — что полиция не имеет права удерживать меня здесь против моей воли, особенно после того, как я уже дала показания детективу Слонски. Вы прекрасно это знаете и, что еще важнее, я тоже прекрасно это знаю. Данное расследование явно какое-то особенное, и хотя я желаю помочь и предоставила из профессиональной солидарности вам, ребята, небольшую отсрочку, однако намерена получить определенные объяснения, если хотите, чтобы я и дальше здесь дожидалась. Если лично вы не можете ответить на мои вопросы, ничего страшного, но тогда позовите мистера Слонски или кого там еще, с кем можно побеседовать.

Коп не был черствым.

— Послушайте, я понимаю, что вы торчите здесь уже долгое время, но парни из ФБР обещали, что поговорят с вами, как только закончат в соседнем номере.

— Ага, значит, данным случаем занимаются федералы?

— Пожалуй, мне не следовало упоминать об этом.

— А почему дело попало в ведение ФБР? — наседала Камерон. — Произошло убийство верно?

Второй раз полицейский на наживку не клюнул.

— Извините, мисс Линд, но у меня связаны руки. Руководящий расследованием агент особо отметил, что с вами обсуждать случившееся запрещено.

— Тогда мне, пожалуй, следует поговорить с этим руководителем. Кто он? — Как обвинитель по Северному округу штата Иллинойс, Камерон работала со многими ФБРовцами из Чикаго.

— Какой-то специальный агент — имени я не расслышал, — сообщил охранник. — Хотя он, похоже, вас знает. Когда ставил меня у двери, то очень извинялся, что мне придется так долго находиться в непосредственной близости от вас.

Камерон постаралась не выказать никакой реакции, но почувствовала себя уязвленной. Да, сотрудничая с федералами, помощница прокурора не слишком панибратствовала: многие из них продолжали винить ее в инциденте трехлетней давности. Однако она и подумать не могла, что какой-либо сотрудник Бюро (за исключением одного конкретного

агента, находившегося нынче за многие мили отсюда, в Неваде или Небраске) недолюбливает ее настолько, чтобы говорить о ней гадости в открытую.

— Как бы там ни было, я не считаю, что вы такая уж противная, — виновато глянул сторож.

— Спасибо. А этот неизвестный агент, который будто бы меня знает, говорил еще что-нибудь?

— Только чтобы я позвал его, если вы начнете беситься, — насторожился полицейский. — А вы как, уже начинаете?

— По-моему, да, — Камерон скрестила руки на груди и нахмурилась без всякого притворства. — Пойдите-ка, найдите этого агента, кто бы он ни был, и скажите, что нервной дамочке из номера 1307 надоело, что ей морочат голову. А еще передайте, что я буду очень признательна, если он прекратит упиваться своей мелкой властью и снизойдет побеседовать со мной лично. Потому что я желаю знать, как долго мне еще сидеть и ждать.

— Так долго, как я попрошу вас, мисс Линд, — прозвучало с порога.

Она стояла спиной к двери, но этот голос — низкий и гладкий, как бархат, — узнала бы где угодно.

Быть такого не может.

Обернувшись, Камерон уткнулась взглядом в мужчину на другом конце комнаты. Он выглядел точно так же, как и три года назад, в их последнюю встречу: высокий, мрачный и злой.

Камерон не потрудилась скрыть враждебность своего тона:

— Агент Паллас... Не знала, что вы вернулись. Как там Невада?

— Небраска.

Из его ледяного взгляда стало понятно, что сегодняшний день, и без того имевший зловещее начало, только что сделался хуже раз этак в пятьдесят.

Камерон настороженно наблюдала, как Джек, он же специальный агент ФБР Паллас покосился на полицейского:

— Спасибо, офицер, дальше я сам.

Охранник поспешно ретировался, оставив ее наедине с женщиной, чьи глаза были холодными, словно камень.

— Да уж, в хорошенькое дельце вы вляпались.

Камерон выпрямилась. Прошло целых три года, а этот субъект все равно вынуждает ее сразу же занимать оборонительную позицию.

— Неужели? Благодаря вам я понятия не имею, во что именно вляпалась, — она помолчала, злясь, что совершенно не в курсе ситуации. — Что случилось с женщиной из соседнего номера?

— Мертва.

Камерон кивнула. Это было и так понятно по присутствию детективов из департамента полиции, но подтверждение все же выбило ее из колеи. Она внезапно ощутила безудержное желание выбраться из этих стен, однако заставила себя не обнаруживать никаких чувств перед Джеком и сказала только:

— Очень жаль.

ФБРовец указал на стул возле письменного стола:

— Может, присядете? Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Намерены устроить допрос, агент Паллас?

— Намерены отказаться от сотрудничества, мисс Линд?

— И что тогда? — деланно усмехнулась Камерон. — Примените ко мне жесткие меры?

Взгляд собеседника оставался суровым и мрачным. Упрямица сглотнула и мысленно сделала себе пометку поаккуратнее дразнить мужчину, который носит оружие и винит ее в крушении своей карьеры.

Ей припомнился день, когда три года тому назад они с Джеком впервые встретились для обсуждения дела Мартино. Прежде им не доводилось сотрудничать: на ту пору Камерон всего лишь год пробыла обвинителем, а Паллас длительное время работал под прикрытием. Камерон восприняла с удивлением — хотя и с энтузиазмом — что именно ей начальство поручило расследование из числа тех, что привлекают наибольшее внимание. Как в Бюро, так и в федеральной прокуратуре отлично знали, что Роб Мартин (он же Роберто Мартино) является главой одного из крупнейших преступных синдикатов Чикаго. Извечная проблема состояла в том, чтобы собрать достаточно доказательств для предъявления обвинения.

Специальный агент Паллас как раз этим и занимался. Перед встречей Камерон узнала от своего шефа, что Джек два года работал под прикрытием, внедрившись в организацию Мартино, пока ФБР не было вынуждено отозвать сотрудника, когда его легенда оказалась раскрыта. Прокурор не стал распространяться об операции федералов — сказал только, что на каком-то складе десять бандитов взяли Палласа в кольцо, тот пробился из окружения и в перестрелке был ранен. И кое-что еще: до прибытия подкрепления агент умудрился в одиночку разделаться с восемью молодчиками Мартино.

В первый же визит со своим напарником в офис помощника прокурора Джек произвел на Камерон немалое впечатление. Она подозревала, что все, кто сталкивался с агентом

Палласом, испытывали сходную реакцию: с этими хищными карими глазами, почти черной шевелюрой и темной щетиной он был похож на парня, встречи с которым в ночном переулке женщинам — да и мужчинам — следует избегать. Правая рука на косыночной повязке — должно быть, из-за ранения; вместо стандартного костюма с галстуком — темно-синяя футболка и джинсы. Увидев Палласа, Камерон несколько не удивилась, что именно его Бюро выбрало для внедрения в преступный синдикат.

И вот теперь, три года спустя, этот мужчина стоит напротив нее в гостиничном номере, который внезапно сделался слишком тесным, сверкает глазами, медленно закипающими гневом, и даже в офисном костюме и при галстуке выглядит ничуть не менее опасным.

— Я хочу поговорить с юристом, — заявила Камерон.

— Вы же сами юрист, — заметил ФБРовец. — А поскольку вас не рассматривают в качестве подозреваемой, адвокат вам все равно не положен.

— А в каком качестве меня рассматривают?

— Интересующего нас лица.

Чушь собачья.

— Значит, так: я устала и не настроена играть в ваши игры. Или выкладываете, в чем дело, или я ухожу.

Паллас обзрел ее штаны для йоги и университетскую футболку с подчеркнутым безразличием к высказанным угрозам. Слава богу, что она стоит перед ним не в одном нижнем белье.

— Никуда вы не уйдете. — Джек пододвинул стул и мотнул головой: — Садитесь.

— Нет уж, спасибо. Пожалуй, буду придерживаться собственного плана. — Прежде чем собеседник успел раскусить ее блеф, Камерон сгребла свою сумочку и направилась к двери. Черт с ними, с вещами, заберет потом. — Приятно было поболтать, агент Паллас. Рада убедиться, что за три года, проведенные в Небраске, меньшим козлом вы не стали.

Камерон дернула ручку и чуть не налетела на возникшего на пороге мужчину в хорошо сшитом сером костюме и галстуке. Он выглядел моложе Джека и был темнокожим. Рискованно удерживая обеими руками три стаканчика из «Старбакс», незнакомец одарил Камерон сногшибательной улыбкой:

— Спасибо за открытую дверь. Что я пропустил?

— Я в бешенстве покидаю номер. И только что обозвала агента Палласа козлом.

— Похоже, вы неплохо провели время. Кофе будете? — вошедший протянул ей стаканчик. — Агент Уилкинс.

Камерон бросила понимающий взгляд через плечо:

— Злой коп — добрый коп? Это все, на что вы способны, Джек?

Тот размашисто пересек комнату, встал в дверях, возвышаясь над собеседниками, угрюмо бросил:

— Вы понятия не имеете, на что я способен, — и взял у коллеги стаканчик с кофе.

Камерон мысленно сделала себе вторую пометку поаккуратнее дразнить мужчину, который носит оружие, винит ее в крушении своей карьеры и к тому же выше на целую голову. В душе она назвала себя парочкой нехороших слов за принятое ранее решение обуть спортивные тапки. Чтобы противостоять агенту Палласу лицом к лицу, требовались как минимум восьмисантиметровые каблуки. Хотя и на таких она достала бы ему только до подбородка. Не говоря уж о том, что на шпильках от Маноло^[1] и в штанах для йоги имела бы вид полной идиотки.

— Так вы знакомы? — выразительно повел стаканчиками новоприбывший агент.

— Мы с мисс Линд имели сомнительное удовольствие работать вместе по одному делу, — обронил Джек.

— Сомнительное? И как это понимать? Погодите... Камерон Линд? — с озарением на лице повернулся к ней Уилкинс. — То-то, думаю, фамилия знакомая. Ну да, из федеральной прокуратуры. — Светло-карие глаза зажглись весельем. — Так это про вас Джек сказал...

— Думаю, мы все прекрасно помним, что сказал агент Паллас, — перебила Камерон. Три года назад злополучную фразочку Джека почти неделю транслировали во всех новостных программах. Нет ни малейшего желания слышать эти слова снова, да еще в его присутствии: достаточно натерпелась стыда и в первый раз.

— Конечно, без проблем, — кивнул ФБРовец, переводя взгляд со свидетельницы на напарника и обратно. — Да-а... неловко получилось.

Меняя тему, Камерон указала на кофе:

— Обычный или без кофеина?

— Обычный. Я слышал, у вас выдалась долгая ночь.

Камерон, которая уже почти сутки была на ногах, так что никакой адреналин больше не мог справиться с усталостью, потянулась за стаканчиком.

— Спасибо, — отпив кофе, благодарно выдохнула она.

Агент тоже отхлебнул глоток.

— Ну вот, видите, мы втроем просто пьем кофе и беседуем. Так что скажете — может, останетесь и поболтаете с нами о случившемся?

Камерон чуть не улыбнулась. Уилкинс, во всяком случае, казался приятным и здравомыслящим человеком. Жаль, что при назначении напарника ему достался наихудший жребий.

— Очень даже неплохо, — заметила она.

— Кофе или образ доброго копа? — ухмыльнулся собеседник.

— И то, и другое. Агент Уилкинс, если *вы* хотите задать мне пару вопросов, буду рада помочь. — Развернувшись, Камерон проскользнула мимо Джека и направилась обратно в номер. Мужчины потопали следом. Устроившись на стуле возле стола, она скрестила ноги и в упор посмотрела на двух федеральных агентов: — Ну что ж, давайте поговорим.

* * * * *

Окажись свидетельницей кто угодно, кроме Камерон Линд, Джек, вероятно, счел бы ее замашки забавными.

Но поскольку это была именно Камерон Линд, он не веселился. По правде сказать, в сложившейся ситуации агент Паллас не находил ничего хотя бы отдаленно смешного.

Он решил уступить напарнику право играть первую скрипку при опросе. Не потому, что дамочка ясно выразила нежелание иметь дело с ним самим — плевать ему на прихоти мисс Линд — а скорее из-за того, что она (не странно, учитывая историю их отношений) гораздо лучше шла на контакт с Уилкинсом. Расследование для Джека стояло во главе угла, и он не собирался допускать, чтобы личные проблемы препятствовали делу.

Когда агенты только прибыли в гостиницу и детектив Слонски назвал имя свидетельницы из номера 1307, Джек на какую-то долю секунды подумал, что все это — розыгрыш, своего рода дружеское приветствие в честь его возвращения в Чикаго. И по-прежнему не исключал такую возможность, когда напарники поднялись на место

происшествия. В конце концов, ведь тела там не оказалось — Слонски сообщил, что бригада скорой помощи, пытаясь реанимировать пострадавшую, увезла ее в больницу «Нортвестерн Мемориал».

А затем Паллас увидел видеозапись.

После просмотра Джеку стало предельно ясно, что звонок от шефа в пять часов утра с просьбой проверить, действительно ли полицейские из чикагского департамента натолкнулись на то, о чем заявляют, вовсе не часть некоей замысловатой шуточки. И в настоящий момент агенту Палласу первым делом требовалось определить, относится ли данный случай к юрисдикции ФБР.

Ключом к ответу на данный вопрос была Камерон Линд. Если верить ее рассказу, Бюрс ничего не остается кроме как начать собственное расследование. Именно по этой причине, сколь бы сильно ни хотелось Джеку сплавить свидетельницу коллеге, как руководитель оперативной группы он понимал, что такой вариант не катит.

Со своего места в углу комнаты Паллас наблюдал за опрашиваемой. Выглядит измотанной — оно и не удивительно. И почему-то кажется ниже ростом, чем ему запомнилось. Вероятно, потому, что все их встречи три года тому назад происходили в рабочее время и помощница прокурора выступала на каблуках.

Да-а, он помнит Камерон Линд и ее высоченные шпильки... Если честно, Джек даже удивился, что, несмотря на прошедшее время, его воспоминания о ней оказались настолько четкими и подробными: длинные каштановые волосы, прозрачные зелено-голубые глаза и повадки, которые он когда-то — очень недолго — находил очаровательными.

С другой стороны, ничего удивительного. В конце концов, он агент ФБР, и запоминать детали — его работа.

И пожалуй, не грех признать, что Камерон Линд — как выражались другие мужики — офигительная красотка.

Тем досаднее, по мнению Палласа, было то обстоятельство, что девица оказалась полнейшей стервой.

К счастью, сегодня длинные каштановые волосы были стянуты в конский хвост, а зелено-голубые глаза из-за недосыпа потускнели. Правда, штанишки для йоги и футболка Мичиганского университета выглядели очень симпатично, но из-за вышеупомянутого переизбытка стервозности Джек их проигнорировал.

— И вот когда они разбудили меня во второй раз, — продолжала свидетельница, — я и позвонила в гостиничную службу.

— Мне бы хотелось вернуться немного назад. — От реплики Джека, притаившегося в углу комнаты, Камерон вздрогнула: он заговорил впервые с начала ее рассказа.

— Уточните, что вы слышали прежде, чем заснули. До того, как шум в соседнем номере возобновился, — велел Паллас.

Камерон замялась. Джек понимал, что ей не хочется отвечать на *его* вопросы — вероятно, вообще не хочется с ним разговаривать — однако теперь, когда мисс Линд уже начала давать показания, особого выбора у нее не было.

— Я слышала звук закрывающейся двери, словно кто-то вышел из комнаты.

— Вы уверены, что это была именно дверь в коридор? — переспросил Паллас.

— Да.

— Но в тот раз вы не посмотрели, выходил ли кто-то на самом деле?

— Нет, — покачала головой Камерон. — Потом у соседей стало тихо. Приблизительно

на полчаса.

— Опишите звуки, которые вас разбудили.

Поскольку теперь вопросы задавал Джек, Камерон развернулась к нему лицом и с насмешливой вежливостью поинтересовалась:

— И что конкретно вам хотелось бы знать, агент Паллас?

— Я уже сказал. Мне хотелось бы знать, что конкретно вы слышали.

— Примерно то же самое, что и в первый раз, — с некоторым вызовом заявила мисс Линд.

— Неужели? — насмешливо склонил голову Джек. — Вы сказали, что в первый раз слышали, как соседи занимаются сексом.

— По-моему, шлепки по мягкому месту и вопли «Я кончаю» явственно указывали на это.

— Значит, когда вы проснулись во второй раз, то снова услышали шлепки по мягкому месту?

— Нет.

Судя по выражению лица помощницы прокурора, ей не нравилось подвергаться перекрестному допросу.

— А как насчет воплей «Я кончаю»?

— Я слышала вскрики.

— Но не объявления о скором оргазме?

— Доходчивей изложите свою мысль, агент Паллас, — сердито зыркнула Камерон.

Пододвинувшись ближе, Паллас пристально уставился на свидетельницу.

— Моя мысль, мисс Линд, состоит в том, что ваша очевидная усталость не извиняет вашей небрежности.

Глаза Камерон злобно блеснули, однако после минутной паузы она кивнула:

— Справедливо, — и перевела взгляд на стену, смежную с номером 1308. — Проснувшись позже, я слышала, что кровать стукнула об стенку даже громче, чем раньше. Но всего пару раз. Затем, как уже было сказано, я слышала вскрики.

— Мужские, женские?

— Женские. Звук был приглушенным, как будто из-под одеяла или подушки, — Камерон повернулась к собеседнику с выражением внезапного озарения и негромко спросила: — Ее задушили, да?

Джек колебался, отвечать или нет, однако было понятно, что рано или поздно все равно придется ввести мисс Линд в курс дела.

— Да.

Камерон закусила губу:

— Я подумала, что парочка просто старается вести себя потише. Мне и в голову не пришло... — и глубоко вдохнула, чтоб успокоиться.

— Вы же не могли знать, — поспешил утешить ее Уилкинс.

Джек стрельнул взглядом в напарника — хватит уже «доброе копа». Помощница прокурора большая девочка, справится.

— Вы уже рассказали детективу Слонски, что затем позвонили в службу безопасности, и в соседнем номере снова все стихло, так?

— А потом я слышала, как открывается дверь, и выглянула в глазок.

— Решили засунуть нос поглубже?

Подначка Палласа, похоже, вдохнула в свидетельницу новые силы.

— И слава богу, что решила, — огрызнулась она. — Иначе вы бы не получили информацию, которой я сейчас обладаю, хотя до сих пор не вполне разобралась, что же мне известно. Кроме того, агент Паллас, — ележно улыбнулась ей, — не окажись я такой любопытной, у нас с вами не появилось бы столь приятной возможности свидеться снова.

Прихлебывавший кофе Уилкинс зашелся кашлем, подозрительно напоминая смешок.

Джеку колкости собеседницы показались жалкими. До того как перейти в ФБР, он служил в спецназе и вел допросы вражеских шпионов, лиц, подозреваемых в терроризме, и членов всевозможных повстанческих отрядов. Так что запросто справится с одной нахальной помощницей федерального прокурора.

— Приятно видеть, что кофе вас немного взбудрил, — сухо заметил Паллас. — Почему бы теперь не изложить, что вы увидели, когда проявляли свою активную гражданскую позицию, подсматривая в глазок?

— Гм! — поднял руку Уилкинс. — Может, с этого места задавать вопросы продолжу я?

— Да все нормально, — в один голос отозвались Камерон с Джеком.

— Уверена, вам уже известно, что я увидела выходящего из номера мужчину, — заявила свидетельница.

— Опишите его.

— Я уже описывала его детективу Слонски.

— Сделайте это еще раз.

Джек заметил, как вспыхнули зелено-голубые глаза. А красоте-то не нравится, когда ей указывают, что делать. Жаль, очень-очень жаль.

— Рост метр восемьдесят — метр восемьдесят три, — начала Камерон. — Среднего телосложения. Одет в джинсы, черный блейзер и серую футболку с накинутым на голову капюшоном. Все время держался ко мне спиной, так что лица я не видела.

— И надетый капюшон не показался вам немного странным? — поинтересовался Джек.

— Если честно, агент Паллас, после услышанных смачных шлепков и таких ударов об стенку, что у меня аж зубы стучали, вся минувшая ночь показалась мне странноватой.

Краем глаза Джек уловил, как Уилкинс уставился в потолок, пытаясь скрыть очередную улыбку.

— Насчет роста вы уверены? — продолжал Паллас.

Камерон на миг задумалась:

— Да.

— А что скажете о весе?

— Вот вес по внешнему виду я совсем не умею определять, — вздохнула свидетельница.

— Попробуйте. Внушите себе, что это очень важно.

Очередной сердитый взгляд в его сторону, затем Камерон покосилась на Уилкинса:

— Какой у вас вес?

— Эй, погодите, а почему это вы Джека не спрашиваете?

— Тот мужчина телосложением больше походил на вас.

— А-а, так он из мелких? — услужливо подсказал Паллас.

Уилкинс развернулся к напарнику:

— Из мелких?! Да я на целый дюйм выше среднего роста по стране! Кроме того, я очень подвижный.

— Давайте попробуем сузить возможные рамки, — перестроился Джек. — Мой вес — восемьдесят четыре килограмма, Уилкинса — примерно семьдесят три. С учетом этого, сколько, по-вашему, мог весить тот парень?

Камерон, прикидывая, перевела глаза с одного агента на другого.

— Где-то семьдесят семь.

ФБРовцы обменялись взглядами.

— И что? — любопытствовала Камерон. — Это вам о чем-то говорит?

— А теперь еще раз, для пущей ясности: мужчина, которого вы видели выходящим из соседнего номера перед самым появлением гостиничной охраны, был ростом примерно метр восемьдесят — метр восемьдесят три и весом около семидесяти семи килограммов? Я правильно понимаю?

— Вы правильно понимаете, — подтвердила мисс Линд. — А я понимаю, что из меня уже выудили все необходимые сведения. И хотела бы взамен получить некоторую информацию, — посмотрела она на Уилкинса. Тот в свою очередь посмотрел на Джека.

После минутного раздумья Паллас прислонился к стене:

— Ну ладно. Вот что я могу вам сообщить.

* * * * *

— Во избежание недоразумений: все, что я скажу, является строго конфиденциальным, — предупредил Джек. — Если честно, не работай вы в федеральной прокуратуре, я бы и рта не раскрыл.

Камерон поняла намек: ФБРовец ничегошеньки не хотел ей говорить, но их начальник распорядился поделиться информацией в знак профессиональной солидарности.

— Предельно ясно, агент Паллас, — заверила она.

— Очевидно, у вас уже сложилось представление об общей картине, так что вступление я опущу, — начал тот. — После вашего звонка в гостиничную службу безопасности охранники нашли в соседнем номере мертвую женщину и вызвали скорую помощь и полицию. Прибывшие полицейские обнаружили следы борьбы и завели уголовное дело.

— Какие следы борьбы?

— Для экономии времени уясните себе на будущее, что если я умалчиваю о некоторых деталях, то делаю это осознанно.

Камерон прикусила язык и перевела взгляд на потолок. Это же надо, чтобы из всех мест убийства и понятия-не-имею-какого-еще-требующего-вмешательства-ФБР преступления во всех гостиницах всего города Чикаго Джека Палласа прислали именно сюда.

— Во время обыска комнаты полицейские обнаружили напротив кровати, за телевизором, скрытую видеокамеру.

— На пленке снято убийство? — вскинулась помощница прокурора. Эх, если бы все преступления попадали в руки обвинителям с такой исчерпывающей доказательной базой.

— Нет, — покачал головой Джек. — На пленке то, что происходило до убийства.

— До убийства? — Камерон припомнила звуки бурного секса, доносившиеся из-за стенки. — Горячее должно быть кинцо.

— Так и есть, — согласился Паллас. — Особенно учитывая, что запечатленный мужчина — женатый американский сенатор.

Не ожидавшая подобного поворота Камерон вытаращила глаза и выпалила следующий напрашивающийся вопрос:

— Какой такой сенатор?

Агент Уилкинс вытащил из внутреннего кармана пиджака фотографию и передал свидетельнице.

Та взглянула на снимок, затем на Джека:

— Это же сенатор Ходжес.

— Так вы его знаете?

— Конечно, знаю. — Билл Ходжес уже больше четверти века представлял штат Иллинойс в Сенате. А в последнее время лицо политика мелькало в новостях еще чаще, чем прежде: Ходжеса недавно назначили главой комитета по делам банков и жилищному хозяйству.

Камерон вернулась мыслями к рыжеволосой женщине, увиденной на медицинской каталке:

— Но женщина из номера 1308 не доводилась сенатору супругой, верно?

— Не доводилась.

— А кто она такая?

— Скажем коротко: минувшей ночью мистер Ходжес заплатил за кое-что поинтереснее, нежели отлакированные полы.

Мило.

— Проститутка?

— Профессионалки ее уровня, кажется, предпочитают называть свое занятие «эскорт-услугами».

— Откуда вы об этом узнали?

— Располагаем сведениями из эскорт-агентства. Сенатор почти год регулярно встречался с этой девицей.

Камерон вскочила со стула и принялась расхаживать взад-вперед перед кроватью, прорабатывая возможные варианты, словно в переданном ей очередном деле.

— Ну, и что там с камерой? Только не говорите, будто Ходжес был настолько глуп, что рассчитывал сохранить порнофильм в секрете. Нет... — Помощница прокурора запнулась, быстро соображая. — Ну конечно. Шантаж. Вот почему полиция вызвала вас, ребята.

— Изучение пленки явственно доказывает, что сенатор не подозревал о съемке, — пояснил Уилкинс.

— Так это вам пришлось несколько раз просматривать фильм? Повезло, — поддела Камерон.

— Не так чтобы слишком. Просто Джек был занят, представляя «злого копа» перед мистером Ходжесом.

— А я-то полагала, что эту роль он разыгрывает исключительно для меня.

— Не-а, — ухмыльнулся Уилкинс, — эту роль он разыгрывает со всеми. Обычно срабатывает, кстати, особенно в сочетании с его постоянно мрачным и набыченным видом.

Камерон украдкой глянула на Джека, вернувшегося на свой наблюдательный пост в углу комнаты. «Набыченный» — меткое определение. Дает об агенте Палласе гораздо лучшее представление, чем используемое ею в последние три года заурядное «козел».

Она задалась вопросом, улыбается ли Джек Паллас в принципе.

А потом вспомнила, что ей это, вообще-то, до лампочки.

— В свете содержимого пленки сенатор Ходжес мог стать для убойного отдела главным подозреваемым, — обратился к свидетельнице Паллас. — По правде говоря, его бы давно

взяли под стражу, если бы не вы.

— Почему?

Джек оттолкнулся от стены, стремительно приблизился, выдернул из пальцев мисс Линд фотографию и поднес прямо к ее глазам:

— Хватит уже пороть ерунду. Разве возможно, что мужчина, которого вы видели за пять минут до того, как охрана обнаружила девицу мертвой, — этот человек на снимке?

Камерон колебалась, на миг застигнутая врасплох внезапностью, с которой агент перешел в нападение.

Паллас сунул снимок еще ближе:

— Ну же, Камерон, — разве возможно, чтобы это был он?

Услышав из уст Джека собственное имя, Камерон почувствовала, как в желудке что-то странно перевернулось. Когда-то, очень недолго, они уже обращались друг к другу на «ты». Отмахнувшись от воспоминаний, она сосредоточилась на фотографии. Если честно, всматриваться не требовалось. Ходжес был не только ниже ростом, чем неизвестный в капюшоне. Доведись Камерон угадывать, она бы предположила — и, вероятно, не сильно бы ошиблась — что сенатор весит по меньшей мере килограммов сто.

— Это не он.

— Уверены? — переспросил Паллас.

— Уверена.

Джек отступил.

— В таком случае сенатор обязан вам по гроб жизни. Ваши показания — единственное, что спасает его от ареста по обвинению в убийстве.

В комнате залегла тишина.

— А разве у него нет никакого алиби? — поинтересовалась Камерон.

Агент хранил молчание. Этот вопрос явно попадал в категорию «я-не-отвечаю-на-всякие-глупости».

— Расцениваю это как «нет», — заключила она. — А давайте я вместо того, чтобы задавать вопросы, попробую восполнить пробелы. Итак, эта девица из эскорт-агентства, регулярно спавшая с мистером Ходжесом, старшим сенатором штата Иллинойс и женатым человеком...

— К тому же недавно назначенным главой сенатского комитета по банкам, — добавил Уилкинс и, поймав на себе убийственный взгляд напарника, пожал плечами: — А что? У меня с мисс Линд никаких неурядиц. Кроме того, я слышал указание Дэвиса — «делиться информацией», забыл?

В ответ последовало еще более обыденное выражение.

— Итак, девица решает заснять политика на видео, чтобы затем шантажировать, — продолжала Камерон. — Прошлой ночью Ходжес с его пассией встречаются, занимаются сексом, причем неоднократно, — кстати, я все больше склоняюсь к версии с виагрой, — и сенатор уходит. Через двадцать минут появляется наш загадочный незнакомец. Завязывается борьба, и он убивает женщину. А поскольку нет никаких следов проникновения со взломом, можно предположить, что жертва знала убийцу и сама его впустила. Как у меня получается?

— Неплохо, — кивнул впечатленный Уилкинс.

— А по-моему, — подытожил Джек, — у вас выдалась долгая ночь, и нам не хотелось бы и дальше отнимать ваше время. Мисс Линд, Бюро признательно вам за сотрудничество. В случае необходимости мы свяжемся с вами.

Камерон смотрела, как ФБРовец поворачивается и направляется к двери, по-видимому, самонадеянно полагая, что им больше нечего обсуждать.

— Вообще-то, агент Паллас, у меня есть еще один вопрос.

Тот оглянулся:

— Какой именно?

— Могу я наконец покинуть этот номер?

Когда агент Уилкинс сказал, что они с напарником могут отвезти свидетельницу из отеля домой, та, скрепя сердце, согласилась. Как бы Камерон ни стремилась держаться от Джека подальше, однако не хотела, чтобы Паллас решил, будто она задета его отношением.

Устроившись на заднем сиденье машины Уилкинса, — по крайней мере предположительно машины Уилкинса, раз тот был за рулем, а Джека владельцем «Лексуса» — она себе не представляла, — Камерон откинула голову на прохладную кожаную спинку и выглянула в окно. Она так долго проторчала в гостиничном номере, что при выходе на улицу яркий дневной свет показался сюрреалистичным и раздражающим. Близился полдень, а значит, она не спала почти тридцать часов. Сомнительно, чтобы кофе из «Старбакс» мог помочь при таком недосыпе.

Сопrotивляясь убаюкивающему ходу автомобиля, пассажирка отвернулась от окна и, не поднимая головы с подушки сидения, сквозь полуприкрытые веки посмотрела на сидевшего впереди мужчину.

На Джека Палласа.

Камерон посмеялась бы над иронией ситуации, если бы не собачья усталость. Кроме того, рассудила она, благоразумнее воздержаться от спонтанных смешков, когда едешь в машине с двумя агентами ФБР, один из которых уже и без того настолько сильно тебе не доверяет, что это физически ощутимо.

Не то чтобы ее удивляло, что Джек по-прежнему испытывает такие чувства. Камерон слишком хорошо помнила выражение его лица после своего сообщения, что прокуратура не намерена начинать судебный процесс по делу Мартино.

Это произошло три года назад, под вечер пятницы. Немногим раньше в тот же день Сайлас Бриггс, федеральный прокурор Северного округа штата Иллинойс, вызвал помощницу к себе. Шеф предупредил, что хочет поговорить о деле Мартино, и Камерон ожидала, что предстоит обсуждение обвинений, которые будут предъявлены многочисленным членам преступного синдиката. Однако слова начальника оказались для нее полной неожиданностью.

— Я решил не выдвигать обвинений, — сразу же, как только подчиненная села, заявил прокурор, словно желая побыстрее закончить разговор.

— Против самого Мартино или против кого-то из его людей? — уточнила помощница, подумав поначалу, что Сайлас заключил с одним из подследственных — а то и с несколькими — досудебное соглашение в обмен на свидетельские показания.

— Ни против кого, — будничным тоном ответил шеф.

Камерон откинулась на спинку стула. Ей требовалось время переварить услышанное.

— Вы не хотите предъявлять вообще никаких обвинений?! Никому?

— Я понимаю, ты удивлена таким решением.

Удивлена?! Да это преуменьшение года!

— Но ведь ФБР вело расследование в течение двух лет! С информацией, собранной агентом Палласом за время работы под прикрытием, у нас достаточно доказательств, чтобы упечь Мартино за решетку до конца его дней. Почему мы не будем возбуждать дело?

— Ты молода и полна рвения, Камерон, что очень мне импонирует. Это одна из причин, почему я увел тебя из «Хэтчер и Торн», — Сайлас упомянул юридическую фирму, где

Камерон трудилась до того, как перейти в федеральную прокуратуру.

Помощница подняла руку. Да, действительно, она здесь новичок и горит энтузиазмом, однако, прежде чем стать обвинителем, четыре года участвовала в судебных баталиях в качестве адвоката. Тем не менее, если шеф считает, что Камерон не готова, она наступит на горло собственной гордости.

— Подождите, Сайлас. Если это потому, что вы полагаете меня недостаточно опытной для такого процесса, просто передайте материалы кому-нибудь другому. Я, конечно, немного побрызжу и даже денек-другой послоняюсь по офису с обиженным видом, но переживу. Черт, я даже помогу назначенному вами человеку войти в...

— Никто из нашей прокуратуры возбуждать дело не будет, и точка, — перебил ее начальник. — Я сижу в этом кресле достаточно долго, чтобы понимать, что подобное разбирательство неизбежно закончится, во-первых, балаганом в средствах массовой информации, а во-вторых, позором для федерального правительства. Сейчас ты уверена, что у тебя достаточно улик, но погоди: стоит открыто объявить Мартино войну, как свидетели один за другим начнут менять показания, — а еще хуже, таинственно исчезать или погибать. И прежде чем сообразишь, в чем дело, через две недели процесса у тебя не останется ни крупицы веских доказательств, чтобы подкрепить обещания, заявленные во вступительной речи перед присяжными.

Камерон понимала, что, вероятно, на этом следовало перестать упрямитесь, но ничего не могла с собой поделать.

— Свидетельских показаний одного агента Палласа достаточно...

— Агент Паллас действительно видел много чего, но, к сожалению, его легенда развалилась слишком рано, — перебил прокурор. — И хотя я, разумеется, способен оценить два года, потраченных им на расследование, но если мы возбудим дело и не добьемся обвинительного приговора, провал повесят на нас — а не на агента Палласа или кого другого из ФБР. Я не желаю подвергать нашу контору такому риску.

Вот тут у Камерон буквально отнялся язык. Роберто Мартино и его приспешники контролировали почти треть торговли наркотиками в Чикаго. Они отмывали преступные деньги через два десятка подставных компаний, они шантажировали, подкупали и запугивали всякого, кто становился им поперек дороги. Не говоря уж о том, что убивали.

Стремление покарать преступников, подобных Мартино, и было той первостепенной причиной, по которой Камерон перешла в федеральную прокуратуру. В черные дни, последовавшие за гибелью отца, это решение — а еще поддержка Эйми и Колина — давало силы оставаться собранной и целеустремленной.

Вообще-то ей нравилось на прежнем месте работы. Отец Камерон служил в полиции, а мать трудилась судебным секретарем (пока не развелась с отцом и не вышла замуж за летчика, с которым познакомилась, протоколируя очередное слушание — не иначе, о *его* разводе), так что семья имела достаточный доход. Но богатыми они, ясное дело, не были. Поэтому Камерон высоко ценила независимость и уверенность, сопутствующие зарплате в двести пятьдесят тысяч долларов, которую заработала на четвертом году частной практики.

Мистер Линд гордился успехами дочери. Судя по словам полицейских, выразивших соболезнования на отпевании и похоронах, он без конца хвастался и напарнику, и другим приятелям достижениями своей малышки.

После развода родителей — особенно после того, как мать со своим новым мужем, ушедшим из авиакомпания вскоре после поступления Камерон в юридическую школу,

переехали во Флориду — Камерон еще больше сблизилась с отцом и родней с его стороны.

Его смерть стала для дочери тяжелейшим ударом.

Однажды поздним вечером, на четвертом году работы Камерон в юридической фирме, капитан, под началом которого дежурила смена отца, позвонил ей с мрачным сообщением, которого опасается всякий, у кого близкие служат в правоохранительных органах: что нужно срочно приехать в больницу. Но к тому времени, когда дочь влетела в отделение неотложной помощи, было уже поздно. Камерон оцепенело стояла посреди одноместной палаты, пока капитан объяснял, что мистер Линд поехал на вызов, представлявшийся обычным случаем семейного насилия, и там погиб от пули наркоторговца.

Первые пару недель после смерти отца Камерон чувствовала себя... «невесело» — именно этим словом она обычно описывала свое состояние, когда Колин интересовался, как у нее дела. Но затем взяла себя в руки и вернулась к работе. Во многом помогло сознание того, как гордился ее упорным трудом отец, как хотел, чтобы дочь продолжала двигаться в том же направлении, чтобы достигла высот на избранном поприще. Только теперь ей чего-то не хватало.

Через месяц после похорон, сидя в зале суда, Камерон наконец поняла, чего именно ей не хватает. Она дожидалась своей очереди, чтобы подать ходатайство об исключении доказательств. Когда-то подобные действия казались ей чрезвычайно важными, но после смерти отца удручали своей незначительностью. И тут секретарь суда объявил следующее слушание: «Соединенные Штаты против Марковица».

Простой случай: бывший уголовник, попавшийся на незаконном ношении огнестрельного оружия. Обычная явка в суд, никаких ярких моментов. Ходатайство об исключении доказательств, представленное подсудимым, в процессуальном плане очень напоминало то, которое должна была подавать Камерон, поэтому она и обратила внимание на происходившее, желая определить настроение судьи. После кратких прений судья вынес решение в пользу правительства, и наблюдательница увидела во взгляде помощника федерального прокурора удовлетворение.

С момента смерти отца Камерон ни разу не ощущала себя довольной.

Но в то утро, глядя, как преступника уводят из зала суда в наручниках и оранжевой робе осужденного, она почувствовала, что результат, пускай небольшой, достигнут: правосудие восторжествовало. Стрелявший в ее отца тоже был рецидивистом. Может, если бы стражами законности было сделано больше, если бы на улицах не оказалось того пистолета, если бы на свободе не оказалось того уголовника...

Камерон осознала, что способна помочь правому делу.

На той же неделе она подала заявление на соискание должности помощника федерального прокурора.

Однако энтузиастка не ожидала, что одной из сторон деятельности обвинителя окажется политика, часто замешанная в играх с правительственными постами. В тот день, сидя напротив начальника и обсуждая причины, вынуждавшие отказаться от дела Мартино, Камерон поняла, что федеральная прокуратура не стала исключением из прочих госструктур. Действительная забота Сайласа легко просчитывалась: он просто-напросто не хотел подставлять свою голову и рисковать проиграть процесс, который будут освещать все национальные газеты, радио и телевидение.

Камерон была удивлена решением шефа. И расстроена. И возмущена, что Роберто Мартино позволят безнаказанно продолжать преступать закон. Но к сожалению, у нее были связаны руки — если только она не намеревалась расстаться со своим значком помощника федерального прокурора здесь и сейчас. Камерон проработала в прокуратуре всего лишь год. Открыто выступить против начальника в подобном вопросе — не лучший ход, если хочешь остаться трудоустроенным борцом с преступностью. Поэтому она придержала свои мысли при себе.

— Хорошо. Никаких обвинений. — От проговаривания этих слов вслух у Камерон засосало под ложечкой.

— Рад, что ты понимаешь, — одобрительно кивнул шеф. — И последнее: у меня не было возможности поговорить по этому поводу с кем-либо из Бюро. Нужно сообщить агенту Палласу и остальным, что мы отказываемся от дела Мартино. Поскольку вы с ним неплохо ладите, думаю, лучше, чтобы новость преподнесла ты.

А вот на *это* Камерон не подписывалась.

— Полагаю, будет уместнее, если агент Паллас услышит о решении от вас. Особенно с учетом всего, что ему пришлось пережить за время расследования.

— Он выполнял свою работу. А работа агента ФБР порою оборачивается и неприятной стороной.

Почувствовав по тону начальника, что обсуждение закончено, Камерон кивнула. В любом случае она не была уверена, не ляпнет ли лишнего, если откроет рот.

Сайлас сверлил подчиненную взглядом.

— И, раз уж мы пришли к единому мнению, учти: все, что следует знать ФБР — против Мартино и его людей не будут выдвигаться никакие обвинения. И только. У нас строго соблюдается политика конфиденциальности внутренних процессов принятия решений.

Помощница снова промолчала, и Бриггс вскинул голову:

— Мне нужно, Камерон, чтобы ты показала умение работать в команде. Понимаешь?

О, она прекрасно понимала. Ее сделали козлом отпущения: ответственность за свое решение оставить в покое Мартино прокурор взвалил на подчиненную. Но таковы правила игры. Сайлас Бриггс — ее начальник, а кроме того — очень влиятельный и располагающий обширными связями член сообщества юристов Чикаго. Это означало, что Камерон могла ответить только одно:

— Считайте, что дело сделано.

* * * * *

Джек заметил, как Уилкинс посматривает в зеркало. Вот уже какое-то время пассажирка на заднем сиденье не издавала ни звука.

— Она что, уснула? — поинтересовался Паллас.

Напарник кивнул:

— Долгая ночь.

— И то правда. Давай перед возвращением в контору завернем за кофе. Тот, что в офисе, совершенно дерьмовый на вкус.

— Я имел в виду, что у мисс Линд выдалась долгая ночь.

Джек с самого начала прекрасно понял, что имел в виду Уилкинс. Но он старался, как только мог, избегать мыслей о *ней*.

— Как-то неловко, что вы снова встретились при таких обстоятельствах.

Похоже, коллега не уловил его не-трогаем-эту-тему сигнала.

Джек покосился в зеркало со своей стороны, перепроверяя, действительно ли Камерон спит, и приглушенным голосом отозвался:

— Наша встреча была бы неловкой при любых обстоятельствах.

Уилкинс отвел взгляд от дороги:

— Сожалеешь?

— О том, что сказал тогда?

— Угу.

— Только о том, что рядом оказалась камера.

Напарник мотнул головой:

— Напомни мне, чтобы я никогда не портил с тобой отношений.

— Никогда не портить со мной отношений.

— Спасибо за предупреждение.

Джеку нравилось работать с Уилкинсом. Когда шеф решил дать ему в напарники мальчишку, только закончившего академию, Паллас поначалу засомневался. И засомневался еще больше при виде дорогого костюма, в котором паренек явился на их первую встречу. Но под ухмылочками и шуточками Уилкинса скрывалось гораздо больше ума, чем Паллас сперва ему приписал, и Джек уважал коллегу — даже если по большинству вопросов мнения напарников расходились настолько, что дальше некуда. Кроме того, он был рад человеку, с которым действительно можно поговорить. Приятное разнообразие после агента из Небраски, произносившего в среднем шесть с половиной слов за день и обладавшего интеллектом дверной ручки. Дежурить с тем парнем было зеленой тоской. Впрочем, в Небраске все дежурства оказались такими. Последние три года Джек на стенку лез от скуки — в чем, несомненно, и заключался смысл дисциплинарного взыскания, наложенного на Палласа министерством юстиции.

Он снова глянул в зеркало на спящую сзади Камерон.

Заявив Уилкинсу, что не сожалеет об инциденте трехлетней давности, Джек лукавил. Конечно, он раскаивался: брошенные им в сердцах слова были незаслуженными. Паллас понял это буквально через пару секунд, едва реплика слетела с его языка.

Узнав о переводе обратно в Чикаго, Джек дал себе клятву оставить эту историю в прошлом, но, к сожалению, не учел возможности столкнуться с Камерон Линд в первую же неделю после своего возвращения. Ее присутствие всколыхнуло множество воспоминаний.

Начать хотя бы с того, что Паллас до сих пор не мог забыть, как она избегала смотреть на него, сообщая о решении по делу Мартино.

Три года назад, под вечер пятницы, помощница прокурора позвонила и сообщила, что направляется к ним в офис, чтобы поговорить с Джеком и его тогдашним напарником, Джо Доббсом. Услышав стук в дверь и увидев на пороге мисс Линд, Паллас улыбнулся. Он отчетливо помнил это — вероятно, потому, что в те дни крайне редко улыбался. В течение двух лет, проработанных у Мартино, не с чего было особо веселиться. Джек все еще, откровенно говоря, хреново себя чувствовал после такого долгого пребывания постоянно настороже и с трудом привыкал к спокойному течению нормальной жизни. А еще, до полного счастья, не спал по ночам.

Но как бы тяжело не давалось возвращение к офисной работе, против определенной ее части — сотрудничества с Камерон Линд — агент не возражал. Вообще-то, Паллас даже забеспокоился, не слишком ли охотно он не возражает. Они с Камерон всегда говорили только о деле — о Роберто Мартино, — но в те немногие минуты, когда оставались наедине, Джек ощущал между ними какие-то скрытые флюиды. Он не знал, как описать эти чувства, но твердо мог сказать: чем бы они ни являлись, они заставили его пожалеть, что он до сих пор выбит из колеи.

— Проходите, — пригласил посетительницу Паллас.

Появившись в его кабинете в ту пятницу, мисс Линд впервые не ответила на улыбку.

— А мистер Доббс присоединится к нам?

— Он сейчас придет. Может, присядете, пока ждете? — указал Джек на кресло возле стола.

Камерон покачала головой:

— Все нормально, спасибо.

За месяц сотрудничества агент изучил помощницу прокурора достаточно хорошо, чтобы понять, что как раз сегодня не все нормально. Что-то было не так: гостья пропустила обмен острыми-как-коготки-но-не-слишком-ехидными полукокетливыми любезностями, которого Паллас привык ожидать и от которого получал удовольствие как от обязательной части их бесед. Не говоря уже о том, что Камерон выглядела какой-то дерганой.

У Джека появилось плохое предчувствие.

— Вы сказали, что хотите поговорить о Мартино. Какие-то проблемы с делом? — поинтересовался он и увидел, что собеседница замялась.

В яблочко.

Мисс Линд перевела взгляд на дверь:

— Думаю, нам следует дождаться агента Доббса.

Камерон озабоченно прикусила нижнюю губу, и Джеку оказалось непросто определить, что беспокоит его больше: внезапное проявление ее уязвимости или тот факт, что теперь невозможно оторвать взгляд от ее губ.

Он встал из-за стола, закрыл дверь кабинета и остановился перед Камерон.

— Вы чем-то расстроены.

— Агент Паллас, мне кажется...

— Просто Джек, ладно? — перебил он. — Думаю, нам уже пора перейти на «ты».

Когда ее взгляд снова метнулся к двери, Джек сделал нечто, удивившее их обоих: протянул руку, нежно дотронулся до ее подбородка и повернул лицом к себе.

— Поговори со мной, Камерон. Расскажи, что случилось.

И когда эти невероятные аквамариновые глаза встретили его взгляд, Паллас почувствовал что-то вроде удара током, которым молодчики Мартино пытали его в течение двух дней после разоблачения. Только бесконечно более приятного.

— Джек, — прошептала она, — мне так...

Их прервал стук.

Дверь отворилась, и собеседники отпрянули друг от друга. Вошедший Джо удивился, обнаружив их посреди комнаты.

— О, привет, извините за опоздание. — Доббс устроился на одном из стульев возле стола: они с Палласом были напарниками в течение четырех лет и в кабинетах друг у друга чувствовали себя как дома. Скрестив ноги, агент посмотрел на Камерон: — Джек сказал, вы хотите поговорить с нами о Мартино?

— Хочу, — голос Камерон снова звучал натянуто и нервно, а еще она как-то странно сосредоточила свое внимание на Джо. — Хочу сообщить, что мы приняли решение. Прокуратура не будет предъявлять обвинения Роберто Мартино. И, раз уж на то пошло, никому из его окружения тоже.

В кабинете воцарилось молчание.

Тишину нарушил Джек.

— Вы не можете заявлять такое всерьез.

Камерон по-прежнему не смотрела в его сторону.

— Понимаю, это не тот результат, которого вы ждали.

— Что значит, вы не будете предъявлять никаких обвинений?! — возмутился Доббс. Агент был связным Джека в течение двух лет работы напарника под прикрытием и отлично знал, сколько компромата удалось нарыть на Мартино.

— Прокуратура решила, что доказательств недостаточно для передачи дела в суд, — объяснила Камерон.

Паллас пытался — изо всех сил — удержать свой гнев в узде.

— Чушь собачья. Кто принял такое решение? Бриггс?

Джо схватился со стула и зашагал по комнате.

— Вот гад, — с отвращением бросил он. — Только о своей шкуре и заботится.

— Я хочу поговорить с ним, — потребовал Джек.

— В этом нет необходимости, — Камерон наконец-то повернулась к нему лицом. — Это... это мое дело. И это мое решение.

— Черта с два! Я вам не верю.

— Дже-е-к, — предостерегающе покосился на напарника Доббс.

Камерон оставалась спокойной.

— Я понимаю, какое для вас разочарование...

— Разочарование?! — шагнул к ней Паллас. — То, что я чувствую сейчас, словом «разочарование» и близко не передать. Вы же изучали материалы расследования! По крайней мере еще минуту назад я предполагал, что изучали, — теперь-то я уже не уверен,

чем там вы и все остальные занимаетесь в вашей конторе. Вам прекрасно известно, кто такой Мартино и какие дела он творит. Что, черт подери, вы себе, ребята, думаете?!

— Мне очень жаль, — невыразительным голосом отозвалась помощница прокурора. — Я понимаю, как много усилий вы вложили в данное расследование. К сожалению, мне больше нечего вам сказать.

— Еще как есть чего! Вы можете сказать, кому, мать его, из федеральной прокуратуры Мартино отстегнул, чтобы это чудо случилось. Если решение принимал не Бриггс, то... — Джек сделал паузу и окинул собеседницу критическим взглядом. — Как считаешь, Джо, а не покопаться ли нам немного в счетах мисс Линд? Давай проверим, не появилось ли у нее за последнее время больших-пребольших вкладов?

Камерон приблизилась и глянула на него прямо в упор:

— Агент Паллас, вы переходите всякие границы.

— Ладно-ладно, — вклинился между спорщиками Доббс, — думаю, нам всем следует сделать шаг назад и немного остыть.

Джек проигнорировал напарника.

— Мне нужны объяснения, — снова потребовал он.

— Отлично, — Камерон не сдавала позиций, сердито уставившись на Палласа. — Вы слишком рано вышли из-под прикрытия. Надеюсь, этот ответ вас удовлетворит, поскольку он единственный, который я могу вам дать.

Джека захлестнула ярость. И чувство вины. Ее слова ударили по больному месту — хотя у него не было выбора, Паллас по-прежнему каждый день казнил себя за то, что его легенда оказалась провалена.

— Убирайтесь из моего кабинета, — ледяным тоном процедил он.

— Я уже и так ухожу, — отрезала Камерон. — И напоследок, агент Паллас — если у вас когда-нибудь возникнут какие-либо сомнения насчет моей порядочности или моей преданности делу, можете лично изложить свои вопросы мне. Но если станете рыться в моих банковских счетах, вам лучше обзавестись либо постановлением суда, либо чертовски хорошим адвокатом. Агент Доббс, — кивнула она на прощание Джо, а затем развернулась и вышла, не сказав больше ни слова.

Джо посмотрел ей вслед.

— Знаю, Джек, ты сердит, да и я тоже зол как черт, но будь поосторожнее. Может, Камерон Линд и новичок, но она как-никак помощник федерального прокурора. И голословно обвинять ее в коррупции, пожалуй, не слишком хорошая идея.

Едва слыша слова напарника, Джек ничего не ответил. Он мог думать только об одном: два года жизни псу под хвост.

Доббс начал действовать.

— Ну ладно, я, пожалуй, схожу, потолкую с Дэвисом, — заявил он, имея в виду их непосредственного начальника. — Посмотрю, не удастся ли разведать, что происходит на самом деле. — Подойдя к Палласу, Джо положил руку ему на плечо. — А тебе тем временем надо остыть. Отправляйся домой, напейся, — что угодно, только дуй из этого офиса подальше, прежде чем ляпнешь такое, о чем потом пожалеешь.

Джек кивнул.

Два года...

Спускаясь к выходу, он оцепенело смотрел на двери лифта, задаваясь вопросом: имеет ли Камерон Линд хоть малейшее понятие, через что он прошел, чтобы заполучить все те

доказательства, которые она только что превратила в пшик? Да, его легенда была раскрыта, но только потому, что в результате на две трети банальной глупости и на треть — бессмысленной драчки за юрисдикцию, управление по борьбе с наркотиками подослало к Мартино собственного тайного агента. Паллас раскусил парня за пять секунд. Мартинс потратил десять.

И приказал Джеку убить лазутчика.

Для поддержания своей легенды Джек и так совершил немало всякого-разного, но до того момента хотя бы убийства ухитрялся избегать. Только на этот раз Мартино захотел, чтобы тело жертвы привезли ему обратно. Мафиози задумал отправить в управление посылочку — и никакая хитрость не могла спасти Палласа от необходимости предъявить всамделишный труп. Вот тогда он и спалился. Джек отправился на встречу с разоблаченным агентом, чтобы предупредить его и вдвоем побыстрее выбраться из передраги, когда их схватили молодчики Мартино.

Парня из управления прикончили на месте. Мартино придерживался намеченного плана, и его люди той же ночью подбросили труп к двери чикагского бюро по борьбе с наркотиками.

А вот к Джеку проявили меньшее снисхождение.

Этим все сказано.

Однако на вторые сутки истязаний плененного Палласа люди Мартино совершили роковую ошибку.

Вообще-то, ошибку допустил конкретный человек: Винсент, один из мафиозных специалистов по проведению допросов, пожелал применить пытки степенью выше и решил развязать пленнику руки. Разумеется, он тут же обездвигил одну, пригвоздив предплечье к стулу двадцатисантиметровым мясницким ножом. Однако вторая рука агента на мгновение осталась свободной.

За такую дурость Мартино, конечно, и сам порешил бы подчиненного. В смысле, если бы Паллас сначала левой рукой не придушил садиста, а затем не прирезал, выдернув нож из собственного предплечья.

К счастью для Джека, у Винсента, кроме ножа, оказался также и пистолет. А еще ФБРовцу повезло, что за время службы в спецназе он научился одинаково метко стрелять с обеих рук.

А вот для подручных Мартино эти обстоятельства оказались роковыми. Правда, одному из молодчиков посчастливилось зацепить Палласа в завязавшейся перестрелке, только бандит прожил недостаточно долго, чтобы успеть похвастаться этим достижением.

В отличие от своих приспешников сам Мартино, по-видимому, обладал всей удачей в мире. Его не только не нашлось среди восьми трупов, подобранных на складе прибывшей в конце концов подмогой из ФБР, но, похоже, госпожа Фортуна улыбнулась мерзавцу с небес во второй раз, когда вручила его дело в трусливые ручонки помощницы федерального прокурора Камерон Линд.

Два года жизни псу под хвост.

Джек не хотел этому верить. Но Камерон заявила, что отказ от возбуждения дела был ее решением. И если это правда, то... черт с ней.

Лифт остановился на первом этаже, двери распахнулись. Паллас ступил наружу, и на него тут же набросилась толпа репортеров. К сожалению, это стало обычным явлением. После перестрелки на складе агент невольно оказался в центре внимания средств массовой

информации — восемь мертвых гангстеров разожгли любопытство публики, — и с тех пор журналисты являлись сюда всякий раз, стоило имени Мартино мелькнуть в новостях.

— Агент Паллас! Агент Паллас! — перекрикивали друг друга журналисты, пытаясь пробиться к нему.

Игнорируя их, Джек направился к выходу. Женщина-репортер из местного филиала «Эн-би-си», чей интерес к Палласу в последнее время, похоже, перешагнул за рамки чисто профессионального, пристроилась рядом, таща на буксире оператора.

— Агент Паллас, мы только что услышали новость о деле Мартино. Какое ваше мнение как ответственного за расследование о том, что Роберто Мартино будет и дальше ходить по улицам Чикаго свободным человеком? — дама сунула микрофон прямо ему в лицо.

Возможно, все произошло из-за кошмарного недосыпания. А может (как выразился психолог, которого приказали посещать еженедельно), в результате затяжных эмоциональных проблем, связанных с работой под прикрытием и пленом. Или — чисто предположительно — сказались двухдневные пытки. Только прежде, чем он понял, что делает, Джек выпалил в ответ на вопрос журналистки:

— Похоже, помощница федерального прокурора вместо головы думает задницей, вот какое мое мнение. На это дело следовало назначить кого-нибудь с крепкими яйцами!

Все до единого телевизионные каналы в Чикаго начали шестичасовые вечерние выпуски новостей гневной тирадой Палласа.

И опять пустили запись в эфир, уже в десятичасовых новостях. Конечно, к тому времени и центральные агентства узнали, что специальный агент ФБР в Чикаго публично оскорбил помощницу федерального прокурора США. А затем его выпад прогремел повсюду: на «Си-Эн-Эн», «Эм-эс-Эн-би-си», в «Тудей-шоу», в «Найтлайн», у Ларри Кинга и в прочих разных передачах. Не говоря уже о том, что ролику выпала сомнительная честь побыть самым популярным видео на Ютубе в течение целой недели.

Само собой, шеф Джека оказался недоволен.

— Ты что, совсем рехнулся?! — взорвался Дэвис, затащив на следующее утро подчиненного к себе в кабинет. — Это ты, Паллас, думаешь вместо головы своей треклятой задницей, если позволяешь себе подобные комментарии на национальном телевидении!

С этого момента дела стремительно покатались под откос. Некая феминистская организация подняла шум в средствах массовой информации, утверждая, что заявление Джека о передаче дела кому-нибудь с «яйцами» было сексистским, поскольку однозначно подразумевало, что с таким масштабным судебным процессом мог справиться только обвинитель-мужчина.

Вот тут-то и вмешалось министерство юстиции.

Несмотря на предшествующую гневную вспышку, Дэвис два дня пытался умаслить министерских чинов. Он всячески подчеркивал, что Джек — самый способный и преданный делу агент во всем Чикаго, и предложил в качестве дисциплинарного взыскания, чтобы подчиненный принес официальные извинения мисс Линд и федеральной прокуратуре и получил полгода испытательного срока. Юристы министерства пообещали принять рекомендации Дэвиса к сведению.

В то понедельничное утро Паллас явился в офис рано, чтобы поработать над извинительной речью. Он понимал, что преступил границы дозволенного как в откровении репортерше, так и в своих предыдущих высказываниях в адрес Камерон. Следовало признать, у него неважно получилось совладать с ситуацией. Просто отвратно. В довершение

потрясения и разочарования, испытанных после услышанной невероятной новости, тот факт, что он начал было доверять Камерон, лишь распалил его гнев. Но Джек надеялся, что найдется способ преодолеть эту непростую ситуацию и двигаться дальше.

Оставив дверь кабинета открытой, Паллас принялся за дело. Через несколько минут пяления в пустой экран — извинения никогда не давались ему легко — он с удивлением услышал доносившиеся из кабинета Дэвиса голоса. Джек думал, что в такую рань в офисе совсем один.

Тон Дэвиса был сердитым. Через весь коридор из разговора нельзя было разобрать почти ничего, кроме возгласов шефа «чушь собачья» и «принимать близко к сердцу». Так как Джек не слышал ответов второго человека, то подумал, что начальник общается по телефону. Но независимо от того, с кем беседовал Дэвис, Паллас с большой долей уверенности догадывался, о ком речь. Он встал из-за стола, подошел к порогу и тут...

Дверь кабинета Дэвиса распахнулась и появилась Камерон Линд.

Увидев Джека, она остановилась как вкопанная.

На лице помощницы прокурора промелькнуло хорошо знакомое агенту выражение. За годы своей работы он видел его множество раз.

Выражение пойманного с поличным правонарушителя.

Камерон быстро совладала с виноватым видом и невозмутимо встретила взгляд Палласа. А затем повернулась и ушла, не проронив ни слова.

Вышедший следом из кабинета шеф тоже заметил Джека и угрюмо покачал головой.

В тот же день министерство юстиции выдало распоряжение о немедленном переводе специального агента Палласа из Чикаго в Небраску.

И у Джека сложилось впечатление, что он знает, кого следует за это благодарить.

* * * * *

— О чем бы ты там не думал, лучше оставить эти мысли в прошлом.

Паллас оглянулся на пристально смотревшего напарника.

— Ни о чем я не думаю.

— Да ну? Просто машина уже три минуты как остановилась, и мы торчим без движения перед домом.

Джек осмотрелся, чтобы сориентироваться. Черт, и правда торчат перед домом. Приятно убедиться, что с твоими натренированными наблюдательными способностями спецагента ничего не случилось. Это все свидетельница на заднем сидении виновата. Она его отвлекает. Пора положить этому конец.

— Мисс Линд, можете выходить, — окликнул он через плечо.

Никакого ответа.

Паллас повернулся.

— Дрыхнет без задних ног, — доложил Уилкинс.

— Ну так сделай что-нибудь.

Напарник уставился в зеркало заднего вида:

— Э-ге-гей, Камерон...

— Э-ге-гей? Очень по-фэбээровски.

— Слушай, я добрый коп. У меня это срабатывает. Камеро-он, мы уже приехали, — вернулся к выполнению задания Уилкинс, а затем покосился на Палласа и шепотом спросил: — Как думаешь, мисс Линд не станет возражать, что я зову ее по имени?

— По-моему, в настоящий момент ты можешь назвать ее как угодно и остаться безнаказанным. — У Джека на этот счет даже имелось несколько отличных предложений.

— Ладно, пора применить план «Б», — решил Уилкинс. — Одному из нас придется выйти, открыть заднюю дверь и разбудить мисс Линд.

— Звучит неплохо. Надеюсь, у тебя все получится.

— Но я имел в виду тебя. — Увидев выражение лица Палласа, напарник невинно развел руками: — Извини, я должен оставаться за рулем.

Недовольно бурча, Джек выбрался из машины и впервые мельком глянул на жилище Камерон Линд. По крайней мере на место, которое предположительно было ее жилищем.

— Ты уверен, что это здесь? — Паллас сунул голову обратно в салон.

— Она сказала: Норт Хендерсон, 3309. Это и есть Норт Хендерсон, 3309.

— Да, но это же... — Джек обернулся, раздумывая, как лучше описать открывшееся зрелище.

— Чертовски славный домик, — одобрительно подсказал Уилкинс.

Это была довольно точная характеристика. Перед стоявшим на тротуаре Джеком величественно возвышался элегантный трехэтажный особняк с арочным портиком, обрамленным колоннами. Разросшийся плющ живописно укрывал стены, справа к дому примыкал сад, тянувшийся вглубь до самого гаража. Да и участок, прикинул Паллас, был размером раза в полтора больше обычного.

Первым делом у агента возник вопрос, откуда у обвинителя, получающего зарплату государственного служащего, такие хоромы.

Похоже, рассуждения напарника текли по тому же руслу. Перегнувшись через сиденье, Уилкинс выглянул в окно со стороны пассажира:

— Что скажешь? Богатый муженек?

Джек пораздумал над подобной возможностью. Кто-то богатенький точно присутствовал, поскольку самой помощнице прокурора такой дом был явно не по средствам. Либо же три года тому назад Паллас оказался недалеко от истины, съязвив о полученной от Мартино взятке.

— И не думай даже, — прочел его мысли напарник. — Именно на такой ерунде ты в прошлый раз крупно навернулся.

Паллас указал на Камерон, спавшую как сурок на заднем сидении.

— Единственное, о чем я думаю — это как можно скорее уладить дело здесь и вернуться в офис. — Открыв дверцу, он повелительно скомандовал: — Пройдемте, мисс Линд.

— Она хоть жива? — забеспокоился Уилкинс, оборачиваясь.

Джек наклонился к лицу пассажирки, прислушиваясь к дыханию:

— Живехонька, — и легонько подергал ее за плечо. — Ну давайте же, просыпайтесь.

По-прежнему никакого ответа.

— Может, спящую красавицу надо поцеловать? А что? — поймав насупленный взгляд напарника, лукаво ухмыльнулся Уилкинс. — У чувака из сказки сработало.

Паллас повернулся обратно к Камерон, перебирая варианты. Можно отвесить ей пару тычков. Заманчиво. Или облить ледяной водой. Очень заманчиво. Только знает он эту дамочку — съездит ему по роже зарядкой для телефона, и Джек еще до захода солнца опять окажется в Небраске. Поэтому остается единственный выход.

Пошарив рядом с засоней, он бросил на переднее сиденье ее сумочку и велел:

— Давай, поищи ключи.

— Шутить?! А что, если она откроет глаза и увидит, как я тут роюсь? Сумочку не трожь. Женская сумочка — это святыня.

— Или ищи ключи, или иди сюда и сам ее вытаскивай.

Уилкинс пару секунд пристально разглядывал неприкосновенную сумочку, затем взял ее в руки.

— Дело того стоит. Посмотрим, как у тебя получится. Ставлю десять баксов, что мисс Линд проснется и начистит тебе физиономию, прежде чем доберешься до крыльца.

Джек оценивал шансы такого поворота примерно семьдесят к тридцати. Скомандовав напарнику открыть багажник, он вытащил чемодан, отволок его под входную дверь, вернулся к машине, взял дамскую сумочку и пристроил ее хозяйке на колени. Затем забрал у Уилкинса ключи, положил себе в карман, без дальнейших проволочек подхватил пассажирку на руки и осторожно снял с заднего сиденья.

Спящая Камерон прижалась к нему, положив голову на плечо. Паллас понес ее к дому, размышляя, что среди всех его воображаемых сценариев нечаянной встречи с Камерон Линд такого точно не было. Джек задавался вопросом, что подумают окрестные жители, завидев, как среди бела дня какой-то мужчина тащит на руках их соседку к парадному входу. Конечно, если у кого-то из любопытствующих найдется чертов телескоп, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть в этом скромненьком поместье посреди города.

Он бросил взгляд на Камерон, выглядевшую сейчас удивительно умиротворенной, и на какую-то долю секунды поймал себя на мысли, что сочувствует ее бессонной ночи. Как бы там ни было, девица держалась молодцом.

Открыв одной рукой кованую калитку, Паллас поднялся по ступеням на крыльцо. Судя по размерам дома, можно было с уверенностью предположить, что помощница прокурора живет здесь не одна, и Джек раздумывал, не выскочит ли сейчас на порог какой-нибудь обеспокоенный мужик, чтобы отобрать его ношу.

Ничего подобного не произошло.

Паллас выудил из кармана ключи и отпер входную дверь. По-прежнему никакого полуобезумевшего от тревоги друга-мужа-любовника. Джек посмотрел на приникшую к его груди Камерон. Не то чтоб ему небезразлично, но этот парень просто придурок, если не заметил, что с ней почти полдня нельзя было связаться.

— Камерон, проснитесь, — голос почему-то звучал необычно мягко, пришлось прокашляться. — Вы уже дома.

На этот раз она пошевелилась. Паллас поставил ее на крыльцо и поспешно отодвинулся. Мисс Линд немного постояла, пошатываясь спросонку, и пристально прищурилась на спутника, словно видя его впервые.

— Вы...

— Я.

Она сморгнула, затем махнула рукой, устало бормоча:

— Давайте. Валите отсюда.

Джек с удовольствием свалил бы отсюда, но сперва следовало убедиться, что дамочка в безопасности. В конце концов, она — главный свидетель по делу. Он сунул мисс Линд сумочку, которую та едва не выронила, и втащил через порог чемодан.

— Ключи в замке — не забудьте забрать. Вы тут одна живете? — Последний вопрос был задан исключительно из профессионального долга. — Тяжелая выдалась ночька — вам,

наверное, не захочется оставаться одной.

Паллас наблюдал, как хозяйка дома вынула ключи из замка, вставила их обратно и с недоумением воззрилась на уже открытую дверь.

— Да-а... По-моему, вам точно пока не следует оставаться одной.

Несмотря на то, что мисс Линд еще не совсем пришла в себя, она без особых усилий враждебно зыркнула на агента, пробормотала:

— Я позвоню Колину, — шагнула в дом и захлопнула дверь прямо у Джека перед носом. Вот оно как.

Значит, имеется некий Колин.

Паллас быстренько осмотрелся, чтобы убедиться, что дом выглядит надежно, затем вернулся к машине и забрался в салон.

— Ну? — вопросительно развел руками Уилкинс

— Можно ехать.

— Ты уверен, что разумно оставить свидетельницу здесь одну?

— Она собирается позвонить Колину.

— Какое облегчение. Кто такой Колин?

— Понятия не имею, — пожал плечами Джек. — Все, что я знаю: мисс Линд теперь его забота, не моя.

— Ого. Резковато.

— Собирался выразиться порезче, но, должно быть, потерял форму. Долгая выдалась ночь, — обронил Паллас. — Не забудь по дороге про кофе.

Трогая с места, Уилкинс ухмыльнулся:

— Знаешь, Джек, мне кажется, я многому у тебя научусь.

Паллас не был уверен, к чему клонит напарник, хотя его слова, конечно, были правдой.

— Спасибо.

— Ты всегда говоришь начистоту — я такую черту уважаю. Уверен, ты тоже уважаешь откровенность в других людях.

Ага, вот откуда ножки растут...

— Давай уже, выкладывай, что ты там собираешься сказать.

Уилкинс остановил машину на перекрестке.

— Ваши проблемы с мисс Линд — твое личное дело. Я просто хочу услышать, что эти проблемы не скажутся на нашем расследовании.

— Не скажутся.

— Вот и хорошо. А еще лично мне на заметку — ты намерен впадать в раздражительность и бессловесность всякий раз, как упомянут ее имя?

Джек молча уставился на напарника.

— Я что, перегнул палку? — ухмыльнулся тот.

— Обычная ошибка новичка. Одним вопросом больше, чем надо.

— Буду работать над собой.

— Смотри уж, старайся, — Джек отвернулся и выглянул в окно, наслаждаясь знакомым пейзажем, которого не видел с тех пор, как три года тому назад уехал из Чикаго. Немного погодя он нарушил молчание: — И еще: не вздумай больше распинаться перед свидетелями о моей обыченности. Портишь эффект.

— Так ты делаешь это намеренно?

— О, свое умение бычиться я совершенствовал долгие годы.

Уилкинс с удивлением оторвал взгляд от проезжей части:

— Неужели это была шутка?

— Нет. И смотри на дорогу, салага. А то я страшно разозлюсь, если ты разобьешь машину прежде, чем доберемся до кофе.

— Поверить не могу, что ты не позвонила из гостиницы никому из нас!

Судя по тону, Колин колебался между тревогой за подругу в свете событий минувшей ночи и досадой, что впервые услышал о них только сейчас.

К оправданию Камерон, после того, как ФБРовцы высадили ее у дома, она первым делом собиралась связаться и с Колином, и с Эйми. Их троица была неразлучна с колледжа, и обычно Камерон делилась с друзьями всеми новостями. Но потом вспомнила, что сегодня суббота, а значит, Колин работает, а Эйми по уши занята предсвадебными хлопотами, поскольку до знаменательнейшего события ее жизни осталось всего две недели. Поэтому вместо звонка Камерон послала каждому из друзей коротенькое сообщение с предложением вечером встретиться и поужинать в «Фраска»^[2]. А затем заползла в постель и на шесть часов отключилась.

В ресторане, как только их провели к столику, Камерон принялась описывать ночное происшествие — избегая любого упоминания о причастности сенатора Ходжеса, поскольку ФБР держало этот факт в секрете. По мере развертывания истории рассказчица видела, что расположившийся напротив Колин приходит все в большее волнение. Несколько минут назад друг провел пятерней по песочно-русые волосам и скрестил руки на груди — как делал обычно, когда был чем-то обеспокоен.

Эйми, сидевшая слева от Камерон и выглядевшая так же изысканно, как и всегда, в строгом коричневом платье-рубашке и со светлыми волосами до плеч, подстриженными под ассиметричный боб, отреагировала более дипломатично:

— Похоже, Кэм, у тебя выдалась напряженная ночь. Не следовало переживать такое в одиночку.

— Я бы позвонила, если бы ФБР не запретило контакты с внешним миром, — язвительно бросила Камерон через стол, затем повернулась налево: — Да, ночь оказалась чрезвычайно напряженной. Спасибо за сочувствие, Эйми, — и потянулась за бокалом с вином.

— Перестань, ты же знаешь, я тоже беспокоюсь, — поймал ее за руку Колин.

Камерон сверкнула на него свирепым взглядом, но руки не отняла:

— Тогда прекрати ныть, что я не позвонила.

Нахал выдал ей одну из своих фирменных невинных улыбочек. За последние двенадцать лет Камерон наблюдала этот трюк бесчисленное количество раз, и все равно он на нее действовал. Как правило.

— Прости. Слушая твой рассказ, я разнервничался и непозволительно выплеснул эмоции через раздражение. Мужские заморочки, — извинился Колин, пожимая подруге ладонь. — Не нравится мне, Кэм, что ты очутилась через стенку от убийства. Странные звуки, подсматривание в глазок за таинственным незнакомцем в капюшоне — этот сценарий чересчур хичкоковский на мой вкус.

— А я ведь еще не сообщила вам о главной фишке, — спохватилась Камерон. — Один из агентов, расследующих дело со стороны ФБР — Джек Паллас.

Эйми понадобился какой-то миг, чтобы сообразить, о ком речь.

— Постой — тот самый агент Красавчик?

— Тот самый агент Козел, — поправила подругу Камерон. «Красавчик» было прежним

прозвищем для Джека, выброшенным из употребления давным-давно. С тех самых пор, как федерал обвинил ее в получении взятки от Роберто Мартино.

— Вот это действительно фишка. И как там нынче агент Козел? — сухо поинтересовался Колин. Как лучший друг Камерон он де-факто был обязан относиться к Палласу с такой же враждебностью.

— Что важнее, каково было увидеть его после стольких лет? — уточнила Эйми.

— Милая получилась встреча. Все время обменивались колкостями и язвительными выпадами.

— Но он по-прежнему все такой же знойный парень? — Эйми с Колином переглянулись. — Ну, хоть кто-то из нас должен был спросить.

— Вам не кажется, что это к делу не относится? — Камерон напустила на себя невозмутимо-пренебрежительный вид и отпила вино. Вот только глотнула чересчур поспешно, чуть не захлебнулась и закашлялась, судорожно хватая воздух.

— Расцениваю ответ как положительный, — ухмыльнулась подруга.

Камерон промокнула салфеткой слезящиеся глаза и повернулась к Колину за поддержкой.

— Не смотри на меня — я в такие дела не вмешиваюсь, — заявил тот.

— Хотелось бы напомнить вам обоим, что этот кретин опозорил меня на всю страну.

— Нет, — возразила Эйми, — этот кретин опозорил *себя* на всю страну.

Камерон фыркнула, но немного смягчилась.

— А еще хочется обратить ваше внимание, что из-за Палласа последние три года каждый федерал в Чикаго смотрит на меня волком. Ужас как весело, учитывая, что я чуть ли не ежедневно работаю с ФБР.

— Тебе же не придется опять с ним встречаться? — поинтересовался Колин.

— Если Бог есть, не придется. Хотя не знаю, — Камерон поразмыслила над ситуацией более трезво, — вдруг им потребуются задать какие-то дополнительные вопросы... Но вот что я вам скажу: если все-таки увижусь с Джеком Палласом снова, это будет на *моих* условиях. Минувшей ночью он смог застать меня врасплох, но в следующий раз я приготовлюсь. По крайней мере оденусь прилично случаю.

— А что, ты была как-то не так одета? — удивилась подруга.

— В штанах для йоги и спортивных тапках, — вздохнула Камерон. — С тем же успехом могла стоять голышом.

— Опрос точно прошел бы гораздо интереснее.

— Вечно ты со своими высокими каблуками, — с истинно мужским высокомерием откинулся на спинку стула Колин. — Повезло еще, что не оказалась раздетой. Сидеть перед ФБРовцами в спортивных тапках или в нижнем белье — что предпочтительнее?

Камерон задумалась:

— А вариант с нижним бельем предусматривает туфли на шпильках?

— Вопрос был риторическим. У тебя комплекс, — подытожил Колин.

— Да, я стремлюсь возвыситься... — усмехнулась Камерон. — Сделайте поблажку судебному юристу ростом метр шестьдесят.

* * * * *

Эйми убежала сразу после ужина, оправдываясь, что ей на следующее утро рано вставать для встречи с флористом. Камерон и Колин остались в ресторане выпить еще по

рюмочке, а затем прошлись пешком пять кварталов до ее дома.

Стоял прохладный октябрьский вечер. Камерон теснее запахнула курточку и завязала пояс.

— Не уверена, что Эйми удастся дотянуть до свадьбы без нервного срыва. И никак не могу упрямить позволить мне побольше ей помочь.

— Ты ведь знаешь — она с пятилетнего возраста планировала это событие, — отозвался Колин. — Кстати, о планировании — как движется дело с девичником?

— Ее кузины настаивают, что нужен стриптизер, — Камерон имела в виду двух других подружек невесты. — Но Эйми заставила меня поклясться чуть ли не на крови: никаких голых мужиков, никакой вульгарной фаты и категорически никаких побрякушек в виде пенисов. Так что я устрою у себя дома дегустацию вин и десертов, а затем пойдём в какой-нибудь бар. Надеюсь, ей понравится. Сам знаешь, если Эйми даст мне отставку, должность свидетельницы придется занять тебе.

— Ни за какие коврижки, детка, — приобнял ее за плечи Колин.

Камерон улыбнулась и прислонилась к другу, успокаиваясь от твердой надежности его груди. Колин в свою очередь притянул ее ближе и посерьезнел:

— Ты же понимаешь, что в ресторане мы просто подшучивали?

— Понимаю.

— Мы оба беспокоимся за тебя.

— И это я тоже понимаю.

Спутники остановились перед особняком Камерон. Колин повернулся лицом, и в его ореховых глазах она разглядела тревогу.

— Без шуток, Кэм, ты стала очевидцем — или ухослышцем, называй, как хочешь, — настоящего убийства. И видела уходящего преступника. Мне жуть как не хочется предполагать такое, но... вдруг убийца догадался, что ты за ним наблюдала?

В течение последних двенадцати часов Камерон и сама неоднократно задавалась этим вопросом.

— Я все время стояла за дверью. Даже если он услышал меня или как-то иначе заподозрил, что я подсматриваю, то не может узнать, кто я такая. Ни ФБР, ни полиция не разглашают моего имени.

— Ночка была не ахти, правда?

— Это еще мягко сказано.

Колин кивнул в сторону дома.

— Ну, тогда... хочешь, я составлю тебе компанию?

Камерон призадумалась. После пережитых злключенияй идея ночевать одной в огромном особняке как-то не вдохновляла. Но если Колин останется, возникнут проблемы.

— Спасибо за предложение. Только Ричард и без того уже считает, что ты проводишь со мной слишком много времени. Я спокойно обойдусь без компании.

Глаза спутника блеснули.

— Вообще-то, мы с ним решили передохнуть друг от друга.

Камерон была потрясена новостью. Она знала, что у парней проблемы, и винила в основном Ричарда: тот всегда немного заносился и до странности не ценил Колина, которого половина мужского населения Чикаго буквально боготворила. Но они жили вместе уже три года, и Камерон предположила, что все наладилось.

— Когда это случилось?

— Вчера вечером. Он заявил, что передумал ехать к Эйми на свадьбу. Выдвинул стандартную отговорку «буду чувствовать себя неловко», а на самом деле просто не захотел жертвовать целым уикендом ради *Мичигана*, — с карикатурным презрением процедил собеседник последнее слово. — Я объяснял, что свадьба пройдет в приличном отеле, но ты же знаешь Ричарда — любую гостиницу не из «Четырех сезонов» он не глядя считает дырой без каких-либо удобств. В общем, мы поспорили по этому поводу, а затем по многим другим, и теперь... имеем, что имеем.

— Как по-твоему, есть шанс, что через несколько дней все утрясется? — мягко спросила Камерон.

— Если Ричард не готов поехать ради меня, то нет никакого шанса, — покачал головой Колин. — Ему известно, какое значение имеет для меня эта свадьба, и, по-моему, суть именно в этом. Очередной этап его бессмысленного соревнования с тобой и Эйми. Так что сегодня вечером он забирает свои вещи из квартиры. Возможно, в эту самую минуту.

— Мне жаль, солнышко, — легонько сжала друга в объятиях Камерон. — Тогда, наверное, вопрос стоит так: хочешь, я составлю тебе компанию?

— Хочу, — Колин придержал перед ней открытую калитку. — Только обещай, что хорошенько меня накачаешь.

Камерон пошла вверх по ступеням.

— При условии, что ты пообещаешь все равно приготовить утром завтрак.

— Детка, я в любом случае готовлю завтрак. Тебе даже замороженные вафли не под силу разогреть.

— Так вышло один-единственный раз. — Давным-давно, еще на последнем курсе, но Колин постоянно припоминал ей тот случай. — В дурацкой инструкции на упаковке было написано: один-два цикла. Я и поставила на два. И для меня до сих пор большая загадка, почему тостер загорелся.

* * * * *

Полицейские Фелпс и Камин, сидевшие через дорогу в машине без опознавательных знаков, наблюдали, как парочка поднимается на крыльцо особняка

— И больше их тем вечером никто не видел, — удовлетворенно прокомментировал Камин и принялся складывать свою «Сан-Таймс»^[3], пока Фелпс заводил мотор. — На какой-то момент я засомневался, получит ли парень «зеленый свет». Но, похоже, теперь у него все в шоколаде.

Фелпс прищурился, пытаясь получше рассмотреть заходивших в дом.

— Ты уверен, что Слонски велел присматривать за девушкой?

— Угу.

— А то ее провожатый кажется мне очень знакомым. Вот только не могу вспомнить, откуда.

— Тут я тебе не помощник, — пожал плечами напарник. — Слонски приказал проехать к этому дому и удостовериться, что хозяйка в безопасности. Больше мне ничего не известно.

— Может, посидим еще чуток, просто чтобы убедиться, что все чисто?

Камину, который не очень-то торопился попасть на какое-нибудь более опасное задание, предложение коллеги пришлось по душе.

— Согласен, убедиться не лишнее.

Следующие двадцать минут они провели в молчании, нарушаемом только периодическим шелестом газеты Камина. Читая спортивную рубрику, полицейский вдруг загнулся:

— Вот, глянь-ка сюда, — и повернул газету так, чтобы напарник мог рассмотреть. — Разве не этого парня мы только что видели?

Фелпс наклонился к странице и с довольным выражением откинулся обратно на спинку водительского кресла:

— Говорил же я тебе, выглядит знакомо.

* * * * *

На другом конце города Джек сидел в своем кабинете, снова слушая отдаленные крики Дэвиса. По крайней мере на этот раз Паллас был уверен, что к нему самому поднятый начальником гвалт отношения не имеет. Во всяком случае, не напрямую.

Учитывая, что время близилось к одиннадцати часам субботнего вечера, других агентов, кроме них с Уилкинсом, в конторе не было. Напарник, расположившийся в одном из кресел возле стола, махнул рукой в сторону кабинета шефа:

— Он всегда такой?

— Привыкай, — посоветовал Джек. Если честно, он не обращал внимания на периодические гневные вспышки Дэвиса: в спецназе довелось служить не под одним командиром со взрывным характером. Подобно прежним начальникам Палласа, нынешний был довольно прямолинейным — и горой стоял за своих сотрудников. Он упорно сражался за перевод Джека обратно в чикагский офис, как только освободилась вакансия.

Через несколько минут шум поутих, дверь Дэвиса распахнулась, тот высунул голову и оглядел подчиненных:

— Паллас, Уилкинс — зайдите.

Напарники чинно расселись в кабинете, который был не намного больше отведенных остальным агентам, и Джеку это всегда казалось странным. Он считал, что за все то дерьмо, которое приходится разгребать руководящему спецагенту, Бюро могло обеспечить ему вид из окна получше, чем на площадку для парковки. Хотя с другой стороны, зная Дэвиса, тот мог нарочно выбрать себе это помещение, чтобы отслеживать приходы и уходы сотрудников. От внимания шефа мало что ускользало.

— Только что беседовал по телефону с одним из адвокатов сенатора Ходжеса, — начал Дэвис. — Он «попросил», чтобы их держали в курсе всех и всяческих новостей, имеющих отношение к расследованию.

— И что вы ему ответили? — поинтересовался Уилкинс.

— Что я пожилой человек и склонен к забывчивости. И что если мне сегодня еще хоть раз позвонит кто-нибудь из стана сенатора, могу и забыть о своем обещании соблюдать конфиденциальность. Ругань после этого поднялась будь здоров, зато пока... — шеф махнул на притихший телефон на письменном столе. — Итак, давайте определяться, как будем расхлебывать эту кашу. Что там с полицейским расследованием?

— Контактное лицо — детектив Тед Слонски, двадцать лет службы в полиции, из них десять — в убийном отделе. По его сведениям, все отпечатки пальцев, найденные в номере, принадлежат жертве и сенатору. Полицейские обнаружили следы спермы на постели, на письменном столе и на туалетном столике в ванной и несколько использованных презервативов в мусорном ведре. Одного и того же мужчины.

— По крайней мере мы знаем, что, изменяя супруге, сенатор Ходжес практикует безопасный секс, — заметил Дэвис. — Что еще?

— На обоих запястьях жертвы есть синяки, предположительно, оставленные убийцей, когда он удерживал руки женщины при удушении.

— Следы крови? Волосы? Волокна одежды?

— Никаких следов крови. Насчет остального ожидаем результатов из лаборатории, — доложил Паллас. — С гостиничной службой безопасности повезло не больше. Ни в коридорах, ни на лестничных клетках видеокамеры не установлены. И хотя в вестибюле, на стоянке и в других местах общественного пользования камеры имеются, но ни на одной из записей нет и следа нашего незнакомца. Таким образом, показания мисс Линд — единственное свидетельство существования загадочного второго мужчины.

При упоминании мисс Линд начальник поднял бровь, но от комментариев воздержался. По крайней мере на данный момент.

— Ну что ж, наша позиция такова, — подытожил Дэвис. — Официально юрисдикция Бюро распространяется только на аспекты расследования, касающиеся подозрений в шантаже. Неофициально тем не менее, мы не можем оставаться в стороне, имея видеозапись секса американского политика с девицей по вызову, которую через несколько минут задушили в том же гостиничном номере. Как по-вашему, этот Слонски не создаст проблем?

— Вряд ли. В свете причастности крупной шишки детектив, похоже, с облегчением принял нашу помощь, — откликнулся Джек.

— Хорошо, — кивнул шеф. — Версии?

Паллас промолчал, позволяя перехватить инициативу напарнику.

Уилкинс выпрямился:

— На данный момент мы отработываем две версии, обе базируются на предположении, что жертва, Мэнди Робардс, была замешана в попытке шантажировать мистера Ходжеса.

— Какие основания для подобного предположения? — поинтересовался Дэвис.

— Видео пленку нашли в ее сумочке. Как свидетельствует запись, именно Робардс выключила камеру после ухода сенатора. Если только дамочка не готовила памятный фильм в качестве заблаговременного рождественского подарка любовнику, думаю, можно с уверенностью утверждать, что она преследовала неблагоприятные цели.

Начальник глянул на Джека с ошеломленной ухмылкой:

— Неблаговидные. Вот что получаешь, когда берешь на работу выпускника Йеля.

— Это вы еще пропустили «святыню». И «бессловесность», и «набыченный», — сообщил Паллас.

— Как это «набыченный»?

— Вроде как я.

— А вот это уже точно была шутка, — ткнул пальцем в напарника Уилкинс и повернулся к шефу: — Вы же слышали, Паллас только что пошутил, правда?

Не ответив, Дэвис развернулся на стуле к компьютеру и что-то набрал:

— Посмотрим, что скажет Гугл... Ага — вот оно. «Набыченный — хмурый, выдающийся дурное расположение духа». Знаешь, Джек, думаю, толковый словарь прав — ты именно так и выглядишь, — начальник повернулся обратно и благосклонно кивнул Уилкинсу: — И это действительно была шутка. Чтобы безошибочно распознавать скромные потуги агента Палласа на юмор, обычно требуется около года, но, уверен, вы справитесь.

К этому моменту Джек уже силился припомнить, какого лешего ему так не терпелось

вернуться в Чикаго. В Небраске, по крайней мере, человеку позволено хмуриться в свое удовольствие.

— Может, вернемся к рассмотрению версий? — буркнул он.

— Ладно. Итак, первая: Мэнди Робардс задумала шантаж — возможно, с соучастником, возможно, в одиночку, — а кто-то из окружения сенатора узнал об этом и убил ее, чтобы избежать огласки порочащей связи, — продолжил Уилкинс.

— Но видеозапись убийца не забрал, — указал начальник.

— Вероятно, не знал, что пленка в номере. Или после убийства запаниковал. Или его что-то спугнуло, вроде телефонного звонка мисс Линд в службу безопасности.

Дэвис поиграл ручкой, взвешивая подобную возможность.

— А вторая версия?

— Вторая: все подстроено, и девицу задушили, чтобы повесить на политика убийство. Только не учли, что мисс Линд увидит, как настоящий преступник выходит из гостиничного номера.

— Исходя из этих двух версий, кто попадает в список подозреваемых? — поинтересовался шеф.

— Практически каждый, кому по душе или не по душе сенатор Ходжес.

— Рад слышать, что круг сужается. — Дэвис откинулся на спинку кресла, раздумывая вслух. — Имеет ли к этому отношение недавнее назначение Ходжеса председателем сенатского комитета?

— Данную сторону дела мы как раз изучаем, — сообщил Джек. — Что мне не дает покоя, так это нестыковки. На месте преступления чисто — не оставлено никаких физических следов. Можно предположить, что действовал профессионал, который знал, что делает, или по крайней мере кто-то, продумавший все заблаговременно. Но само по себе убийство выглядит как дилетантское. Совершенное со злостью. Удушение вовсе не такое обезличенное, как пуля в голову. Что-то не сходится. Полагаю, наш первый шаг — побеседовать с окружением Ходжеса и выяснить, кто знал о его интрижке.

— Не уверен, что идея придется по душе сенатору. Или его адвокатам, — заметил начальник.

— Может, если ясно дадим понять, что дальнейшее сотрудничество — единственное, что спасает Ходжеса от ареста за убийство любовницы, он станет сговорчивее.

— Хорошо, если потребуется моя помощь в усмирении сенаторских адвокатов — дайте знать. И последнее: как там наша свидетельница? Похоже, Ходжесу здорово подфартило, что его соседкой оказалась мисс Линд.

— Начнем с того, что помимо присутствующих в этой комнате очень немногим известно о существовании свидетельницы, — вступил Уилкинс. — Мы пока умалчиваем об этом факте. Детектив Слонски любезно послал к ее дому наряд, хотя в подробности полицейских не посвящали. Несколько минут назад они перезвонили и доложили, что мисс Линд вернулась домой в сопровождении мужчины и все спокойно.

— Есть причины считать, что ей грозит опасность?

— Пока личность мисс Линд держится в секрете — нет, — заявил Уилкинс.

Дэвис заметил, что Паллас колеблется.

— Ты думаешь иначе, Джек?

— Мне не нравится, когда безопасность главного свидетеля строится на предположении, что его личность никто не раскроет. Попахивает ненужным риском.

— Согласен, — кивнул начальник. — Учитывая должность мисс Линд, лучше перебдеть, чем недобдеть. Случись что с помощником федерального прокурора в рамках расследования ФБР, с политической точки зрения это обернется сущим кошмаром.

— Установим защитное наблюдение, — предложил Паллас. — Можно скоординировать действия с полицейским департаментом.

— Хорошо, — подытожил Дэвис. — А еще я дважды в день жду от вас отчетов. В понедельник утром у меня плановый звонок директору Бюро по новостям в расследовании — рассчитываю, что вы оба будете при этом присутствовать. Теперь, Уилкинс, если не возражаете, я хотел бы переговорить с агентом Палласом сам на сам.

Джек не удивился. С момента упоминания о Камерон у него возникло предчувствие неотвратно надвигающегося нравоучения.

Шеф подождал, пока за молодым агентом закроется дверь.

— Мне следует беспокоиться, Джек?

— Нет.

Дэвис уставился на подчиненного пронизательными серыми глазами:

— Как я понимаю, мисс Линд любезно сотрудничает со следствием.

— Да.

— Надеюсь, мы взаимно любезны.

— Конечно.

На мгновение залегло молчание. Паллас знал, что начальник оценивает отвердевшую линию его челюсти и волной прокатившееся по телу напряжение.

— Я не пытаюсь самодурствовать, — беззлобно пояснил Дэвис. — Если тебе сложно иметь с ней дело...

— Не будет никаких сложностей, — Джек посмотрел шефу прямо в глаза. Может, когда-то Камерон Линд и представляла для него проблему, но подобной ошибки он не повторит. — Это всего-навсего очередное расследование, и я проведу его, как всякое другое.

— Следует предупредить мисс Линд о защитном наблюдении. Хочется, чтобы она комфортно себя чувствовала. Как-никак вмешательство в личную жизнь.

— Никаких проблем. С утра первым делом обсужу с ней этот вопрос.

Поизучав Джека какой-то миг, Дэвис, по-видимому, остался доволен:

— Хорошо, договорились, — и кивнул в сторону кабинета Уилкинса: — А теперь расскажи, как справляется наш новобранец.

Распаковывая продукты, Колин услышал, как наверху, в хозяйской ванной, Камерон включила душ. Из опыта это означало, что до появления купальщицы в его распоряжении примерно двадцать две минуты. Вагон времени, чтобы спроворить какой-нибудь завтрак.

Его не переставало забавлять (вот как сегодня утром при инспекции холодильника), сколь мало изменились кулинарные таланты подруги — вернее, их отсутствие — со времени учебы в колледже. По правде, больше всего Колина веселила ее предсказуемость. После двенадцати лет знакомства он точно знал, что увидит, открыв дверцу: одну-единственную нетронутую пачку «Эгг Битерз»^[4], срок годности которой истек месяц назад, кулек с бубликами и три разные коробочки с остатками сливочного сыра, причем в каждой на самом доньшке. А в морозилке — две дюжины упаковок полуфабрикатов марки «Лин Кюизин»^[5], аккуратно рассортированных по четырем основным кулинарным культурам: итальянская, азиатская, мексиканская и макарон с сыром.

Вот почему, чтобы сдержать свое обещание и приготовить завтрак, Колин спозаранку в срочном порядке наведася в «Хол Фудз». К счастью, продуктовый супермаркет находился всего в двух кварталах от берлоги Камерон. Что еще удобнее, магазин располагался как раз через дорогу от кофейни «Зе Фикс». Их фирменный «шестизарядный» латте «Смит-энд-Вессон» был достаточно крепок, чтобы облегчить похмелье даже самым жалким полуночным выпивохам. Если честно, Колин знал, что осилит не больше пяти глотков этого пойла, прежде чем с отвращением выбросит остальное. Но что тут скажешь — он просто тащился, заказывая напиток с оружейным названием. Наверное, еще одна мужская заморочка.

Тридцатисантиметровая сковородка отыскалась в шкафчике над плитой. Вообще-то, найти кухонную утварь было совсем несложно: она оказалась именно там, куда Колин убрал ее в свою последнюю ночевку. Плеснув на сковороду немного масла, кулинар поставил обжариваться цуккини и грибы, а сам тем временем включил духовку. Вместо классического омлета, заказанного Камерон вчера вечером, когда друзья расходились по спальням, он решил приготовить фриттату, рассудив, что остатки этого блюда лентяйка всегда сможет разогреть и таким образом хоть два раза за день поест не из пластиковой коробки.

Колин ощущал даже большее желание опекать подругу, чем обычно. Ради ее спокойствия он старался не подавать виду, однако до сих пор тревожился позавчерашним практически столкновением Камерон с убийцей. Конечно, она всю игру роль железобетонного работника прокуратуры — это было частью защитной стены, воздвигнутой после смерти отца, — но, как подозревал Колин, нервничала сильнее, чем показывала. Само собой, то обстоятельство, что ФБР поручило дело пресловутому Палласу, ситуации не улучшало. В свете истории их отношений, участие Джека в данном расследовании наверняка взметнуло постоянные опасения Камерон «дать слабину» на зашкаливающий уровень.

Неожиданное возвращение опального ФБРовца в город и впрямь было интересным поворотом. Колин помнил, как разъярилась Камерон, причем совершенно справедливо, из-за злополучного высказывания насчет задницы вместо головы. А еще помнил — будучи одним из немногих, кто знал о данном примечательном факте, — какие усилия, несмотря на негодование, она приложила, чтобы убедить чиновников Минюста не отсылать проштрафившегося агента из Чикаго.

Такая противоречивость всегда казалась Колину весьма странной.

Он как раз посыпал фриттату сыром, когда прозвучал звонок в дверь. Принимая во внимание, что дом не его, а Камерон не упоминала, что кого-то ждет, Колин проигнорировал сигнал. Но только стал засовывать сковородку в жарочный шкаф, как позвонили снова. Дважды.

— Ну ладно, ладно, — проворчал Колин, захлопнул духовку и пошел через столовую с гостиной к входной двери. Уже потянувшись к задвижке, он заметил, что остался в варежках-прихватках. Сняв одну из них, кулинар отпер дверь и увидел на крыльце двоих удивленно уставившихся на него мужчин.

Взгляд Колина пробежался по темнокожему незнакомцу в строгом костюме и остановился на втором, повыше ростом, в джинсах и блейзере.

Ну и ну... Неужто специальный агент Джек Паллас собственной персоной?

Колин подобрался. Хотя и прошло три года, официального представления ему не требовалось. Он отлично помнил ФБРовца по широко освещаемому в средствах массовой информации делу Мартино и последующему скандалу с Камерон. Не говоря уж о том, что Джек Паллас был не из тех, кого легко забыть. Колин предпочитал — в буквальном смысле — парней другого типа, но это не означало, что он не мог отдать должное стоявшему перед ним чертовски привлекательному экземпляру. Паллас, с его гибким, мускулистым телом и лицом, которое от чрезмерной красоты спасала щетина, начинавшая уже в девять утра смахивать на вечернюю, был из тех, кто заставляет другого мужчину сожалеть, что он выперся на порог в клетчатых красных кухонных рукавицах.

Однако начинавший оборонительно наеживаться Колин заметил, что агент точно так же изучающе разглядывает его самого. Возможно, скрупулезный осмотр каждого встречного был просто инстинктивной реакцией сотрудника ФБР, но человек, как правило, чувствует, когда его оценивают.

Ощущая себя хозяином положения, Колин вежливо улыбнулся:

— Чем могу помочь, джентльмены?

Взгляд Джека задержался на прихватках. Какой вывод он сделал из увиденного, трудно было сказать.

— Специальный агент Джек Паллас, — достал из кармана значок ФБРовец, — а это агент Уилкинс. Мы бы хотели поговорить с Камерон Линд.

— Она принимает душ. А поскольку отправилась в ванную довольно давно, думаю, ожидание не затянется. У меня там кое-что в духовке, — махнул Колин внутрь дома. — Зайти не желаете?

Оставив дверь нараспашку, он развернулся и направился на кухню проверить фриттату. Вытащил сковородку из духовки, пристроил ее на кухонную стойку и боковым зрением уловил, что агенты закрыли за собой дверь и прошли в гостиную.

Было видно, что Паллас бегло осматривается, наверняка примечая относительную нехватку мебели в двух первых комнатах. Колин знал, что из-за ограниченности бюджета подруга обставляет дом поэтапно. Столовая и гостиная находились на нижних позициях в списке ее приоритетов, поскольку, как объяснила однажды сама Камерон, она редко устраивала торжественные приемы.

Частенько сюда навещаясь, Колин уже привык к скудности обстановки. Единственными предметами мебелировки в гостиной были обычное кожаное кресло и лампа для чтения возле камина, а скромный четырехместный стол и стулья в просторной столовой

с многоуровневым потолком казались лилипутскими. Колин рискнул предположить, что как раз в эту минуту ФБРовец гадает, по каким причинам владелица такого большого особняка оставила дом полупустым.

— Парни, — стянул с себя кулинар веселенькие рукавицы, — ваше топтание на периферии меня нервирует. Идите сюда — а я схожу, проверю, как там Кэм, и дам ей знать, что вы здесь.

Поднимаясь по широкой лестнице, ведущей наверх, Колин чувствовал на себе цепкий взгляд агента. На втором этаже он свернул в первую комнату направо — хозяйскую спальню. Душ все еще шумел, поэтому Колин постучался и чуть приотворил дверь.

— К тебе гости, детка, — объявил он, стараясь не повышать голос. — С тобой хотят побеседовать из ФБР.

Закрыв дверь, он спустился обратно и обнаружил агентов, ожидавших уже на кухне.

— Еще немного обождите. Кому принести что-нибудь выпить?

— Спасибо, мне не надо, мистер... — Джек вопросительно вскинул голову. — Простите, не расслышал, как вас зовут.

— Колин.

Очевидно, Палласу имя ничего не сказало. А вот на лице Уилкинса промелькнуло узнавание:

— Ну конечно! Вы Колин Маккенн!

Опознанный расплылся в улыбке. О-о, поклонники... Встречаться с ними никогда не надоедало.

— Виновен по всем пунктам.

— Вы показались мне знакомым, еще когда открыли дверь, просто до меня не сразу дошло, — возбужденно качнулся на каблуках Уилкинс. — В газете вы выглядите немного по-другому.

— Это из-за эспаньолки. Неудачный выбор, сделанный под конец третьего десятка. Все пытаюсь убедить издателей поменять фото, но, похоже, оно имеет хороший отклик у аудитории возрастом от восемнадцати до тридцати четырех.

Джек стрельнул в собеседников взглядом:

— Я что-то упускаю?

— Это же *Колин Маккенн*, — подчеркнул напарник. — Тот самый спортивный журналист.

Паллас покачал головой. Ни малейшего понятия. Колин попытался определить, насколько его задело это дремучее невежество.

— Он ведет еженедельную рубрику в газете «Сан-Таймс», в которой обращается непосредственно к командам — ну, знаешь, «Уважаемый менеджер» или «Уважаемый тренер такой-то» — и дает рекомендации, какого игрока приобрести, кого вводить в начале игры, как улучшить стратегию и всякое такое, — объяснил Уилкинс и повернулся к журналисту: — На прошлой неделе вы написали Лу Пинелле^[6] до чертиков обидное послание.

Колин хмыкнул. Его последняя статья разозлила множество фанатов «Чикаго Кабс»^[7].

— Это давно следовало высказать. Может, когда люди перестанут платить тысячи долларов за сезонные абонементы на игры клуба, который не побеждал в Мировой серии с 1908 года, у владельцев и менеджеров наконец-то появится стимул собрать бейсбольную команду, достойную своих болельщиков.

Уилкинс окинул коллегу озадаченным взглядом:

— Серьезно, Джек, ты, наверное, единственный в этом городе, кто не читал его статей.

Колин Маккенн — это же как Кэрри Брэдшоу среди чикагских мужчин.

— Ты хотел сказать, Терри Брэдшоу^[8], — поправил Джек.

— Нет, Кэрри, — упрямылся Уилкинс. — Ну эта, Сара Джессика Паркер. Из сериала «Секс и город».

В комнате воцарилась тишина. Колин с Джеком уставились на Уилкинса, серьезно опасаясь за судьбу сильной половины человечества.

Тот нервно заерзал.

— Да это моя бывшая девушка заставляла меня смотреть всякую ерунду, когда мы встречались.

— Ага, конечно, ври так и дальше. Извините, что не узнал вашего имени, — повернулся Паллас к журналисту. — Слегка отстал от жизни.

— Да? А что, в Небраску «Сан-Таймс» не доставляют? — не подумав, съязвил Колин. Упсс...

Он заметил огонек в глазах собеседника и мог прочесть мысли агента так четко, словно те были нарисованы в мультяшных пузырьках над головой бывшего ссыльного. «Ага... этот тип в курсе, где я провел последние три года. Значит, Камерон рассказывала ему обо мне. Кто он такой и как много знает? Помимо спортивных вопросов, на которых явно собаку съел?»

— Вообще-то, я имел в виду, что в свое прошлое пребывание в этом городе работал под прикрытием и не располагал временем читать газеты. — Прислонившись спиной к стойке, Джек осмотрел кухню, находившуюся в иерархии Камерон на одной из высших ступеней и поэтому недавно отремонтированную. Взгляд ФБРовца опустился на свежеотлакированный паркет. — Классные получились полы. У вас тут славно.

— Непременно передам ваши комплименты хозяйке, — уверил Колин.

— О, я думал, вы тоже здесь живете.

— Нет, только навещаю.

— И, судя по всему, впускаешь в дом кого ни попадя, — вклинился в разговор бархатный женский голос.

* * * * *

Все трое мужчин обернулись и увидели возникшую на пороге хозяйку дома, одетую в джинсы и плотно обтягивавшую грудь серую футболку. Длинные волосы были собраны во что-то наподобие конского хвоста, завернутого в узел. Посвежевшая и отдохнувшая, она замечательно выглядела.

Стоявшему дальше всех от двери Колину открывался отличный обзор. И он был почти уверен, что Джек исподтишка пробежал взглядом по Камерон, прежде чем вернуть себе прежний безучастный вид.

Интересненько...

— Агент Паллас, — скрестила руки на груди Камерон, — вот так сюрприз. Не знала, что у нас сегодня утром назначена встреча. — Затем осмотрелась по сторонам, и выражение ее лица потеплело. — Здравствуйте, агент Уилкинс. Приятно увидеть вас снова. Извините, что заставила ждать.

— Да все нормально, мы тут как раз беседовали с вашим Колином, — отозвался

Уилкинс.

Камерон переключила внимание на друга:

— Можно тебя на минутку?

— Конечно, дорогая. — Колин последовал за ней в гостиную. Когда ФБРовцы остались вне пределов слышимости, Камерон ткнула спутника кулаком в грудь и шепотом поинтересовалась:

— Что этот тип делает в моем доме?

— Он предъявил значок. И парочку умеренно устрашающих взглядов. Я посчитал, что лучше пойти на сотрудничество.

— Мне он здесь не нужен, — снова раздраженный тычок.

— Извини, не знал, что Джек Паллас так тебя нервирует.

— Никак он меня не нервирует, — презрительно фыркнула Камерон. — Я просто предпочитаю общаться с ним на моих условиях. А именно, в моем рабочем кабинете и в то время, когда я больше готова к деловой беседе.

Колин опустил взгляд на ее босые ноги, припоминая торжественное обещание для следующей встречи с ФБРовцем одеться более соответствующе.

— Каждый раз, встречая Палласа, ты теряешь предметы одежды. Если так пойдет дальше, боюсь, глазом не моргнешь, как окажешься перед ним и вовсе без ничего.

И тут произошла престраннейшая вещь.

Камерон залилась краской.

— Я очень даже в состоянии оставаться в его присутствии одетой, благодарю за заботу, — отрезала она с порозовевшими щеками.

Колин был заинтригован. Он не мог припомнить, когда в последний раз подруга покраснела из-за мужчины.

Ситуация становилась все запутаннее.

— Вживую этот парень еще симпатичнее, — заметил журналист, пользуясь возможностью копнуть поглубже. — Не удивительно, что ты прозвала его «Красавчиком».

— Он в соседней комнате, — сердито зыркнула собеседница. — Поэтому сейчас мы не будем поднимать эту тему.

— Что-то ты чересчур напряжена, — окинул ее взглядом приятель. — Сексом хоть иногда занимаешься?

— Господи, Колин... самое место и время.

— Ладно, — ухмыльнулся тот, — продолжим наш разговор позже. Мне все равно пора — оставляю тебя обсуждать с мальчиками все насущные вопросы.

— Но ты же приготовил завтрак, — нахмурилась Камерон, — так хотя бы попробуй. Пахнет изумительно.

Колин наклонился и нежно чмокнул ее в лоб:

— Тебе же больше достанется. Домашняя еда тебе гораздо нужнее, чем мне.

— Что, опять рылся в моем холодильнике? — Камерон пощекотала друга под подбородком.

— Жалкое зрелище, детка. Просто безнадега.

* * * * *

Вернувшись с Колином на кухню, Камерон первым делом заметила, что Джек чувствует себя неловко. Наверное, вовсе не в восторге от того, что проводит здесь свое воскресное

утро.

— Извините, если мешаем, — выдавил он.

— Ничего страшного, я вообще-то уже ухожу, — сообщил Колин. — Есть кой-какая работенка.

— Статья для следующего номера? — просветлело лицо Уилкинса. — А можно хотя бы намек? Я большой поклонник вашего друга, — объяснил он Камерон.

Та удержалась от закатывания глаз только потому, что Уилкинс был на редкость приятным человеком. Парни просто фанатели от Колина и, откровенно говоря, тем самым подпитывали непомерное самомнение приятеля.

— Мистер Маккенн очень талантливый писатель, — дипломатично заметила она.

— Типа тебе это известно, — фыркнул Колин. — Когда ты в последний раз читала мою статью?

— Я постоянно просматриваю твою колонку, — ловко отмахнулась от вопроса Камерон.

— Да ну? И о чем был материал последней недели?

— О спорте.

— Вот почему я предпочитаю мужчин, — повернулся к агентам Колин.

Камерон наблюдала, как ФБРовцы переваривают смысл оброненного журналистом замечания.

— Ч-черт, — сморгнул Уилкинс, — я и не предполагал, что вы... — и смущенно притих.

— Болельщик «Сокс»^[9]? Мне часто это говорят, — поддел агента Колин и чмокнул хозяйку дома в щечку. — Спасибо за гостеприимство, Кэм. Если сможешь осилить второй раунд утопления печалей, я позвоню тебе позже и дам знать, как все прошло с Ричардом. Надеюсь, забирая вещи из квартиры, он не забыл прихватить свои диски. Пусть мы геи, но слушать Энию^[10]?.. — Кивнув на прощание, он обратился к ФБРовцам: — Уилкинс, был очень рад, всегда приятно встретить почитателя. Надеюсь, другие агенты не станут слишком уж измываться, когда напарник проболтается им о вашей фразочке насчет Кэрри Брэдшоу. А что касается вас, агент Паллас... скажу как мужчина мужчине — если вы еще когда-нибудь оскорбите мою подругу по национальному телевидению, я... — и запнулся.

Все присутствующие замерли в ожидании.

— Да? — поднял бровь Джек.

Колин с ошарашенным видом повернулся к Камерон:

— Ничего. Собирался закончить свою прощальную речь эффектной угрозой крутого мачо, а договорил до сути и — пфф! — ничего. Вот засада. — Казалось, незадачливый оратор почувствовал отвращение к самому себе, но затем пожал плечами: — Ну да ладно. В следующий раз потолкуем, — и вышел, не оглядываясь.

После того, как за приятелем закрылась входная дверь, Камерон повернулась к ФБРовцам и пожала плечами:

— Иногда Колин перегибает с заступничеством. — Это было сказано в качестве не извинения, а, скорее, объяснения. Хотя, по правде, потребовалось бы намного больше времени, чем имелось в их распоряжении нынешним утром, чтобы объяснить такое чудо природы как Колин Маккенн.

— И давно вы дружите? — поинтересовался Уилкинс.

— С колледжа. На последнем курсе мы с ним и с нашей подругой Эйми жили вместе. — Камерон посмотрела на фриттату и поняла, что умирает с голоду. Потом бросила взгляд на Джека, который прислонился к кухонной стойке с таким видом, будто не собирался в ближайшее время никуда уходить, и вздохнула. Судя по всему, сегодня в ее утреннем меню яйца со всякой всячиной и насуспенный федеральный агент.

— Полагаю, вы здесь в связи с делом Ходжеса? — Из навесного шкафчика слева от мойки она достала три тарелки, подала одну Уилкинсу и указала на фриттату: — Утощайтесь. Если это хоть наполовину так же вкусно, как его фирменный омлет, вам не захочется упустить шанс попробовать.

Предложив тарелку хмурому Палласу, хозяйка поймала его удивленный взгляд. Нет, у нее, конечно, есть недостатки, но хамство по отношению к гостям не входит в их число. Поправка: *явное* хамство не входит в их число. Хотя этот конкретный гость и провозгласил на всю страну, что Камерон не хватает крепких яиц, она все равно считала, что туманные намеки и завуалированные оскорбления не должны выходить за рамки приличий.

— Нет, спасибо, — неуклюже отказался агент. — Я... уже поел.

Камерон захватила вилки и салфетки для себя и Уилкинса, чувствуя, что Джек не сводит с нее глаз. Она проигнорировала его взгляд и задержалась у ящичка с кухонной утварью, размышляя, что можно использовать для разделки фриттаты. Нож для пиццы? Резку для торта?

— Как насчет лопатки?

Было заметно, что Паллас забавляется, наблюдая за ней.

— Это такая плоская металлическая штукавина с изогнутой ручкой слева от вас, — подсказал он.

— Я знаю, что такое лопатка, — заверила Камерон. Вообще-то, незадачливая кулинарка даже знала, для чего эта штука предназначена — переворачивать жареные сэндвичи с сыром. Одно из немногих блюд, которое она умела приготовить и при этом не сжечь. В пятидесяти процентах случаев. Ну, в сорока-то точно.

Камерон положила себе приличный кусок фриттаты и заняла место возле стойки напротив Джека. Находиться так близко к нему в стенах собственной кухни было как-то странно. Как-то чересчур по-дружески.

— В расследовании появилась зацепка? — поинтересовалась она в перерыве между жеванием.

— Пока нет, — отозвался Паллас. — Ждем результатов из лаборатории и собираемся в ближайшие пару дней опросить окружение сенатора. Цель нашего визита — обсудить некоторые вопросы безопасности, касающиеся непосредственно вас.

Собеседница прекратила жевать и поставила тарелку на стол. Услышанное ей не понравилось.

— Какого рода вопросы?

— Мы бы хотели взять вас под защитное наблюдение.

Камерон почувствовала, как желудок скручивается в тугий узел.

— Думаете, это необходимо?

— Рассматривайте наше предложение как обычную меру предосторожности.

— Но с какой стати? У вас есть основания полагать, что мне грозит опасность?

— Я бы приставил охрану к любому свидетелю в таком резонансном деле, — неопределенно изрек ФБРовец.

— Это не ответ. — Камерон повернулась к напарнику Палласа. — Ну же, Уилкинс, вы ведь хороший коп. Будьте со мной откровенны.

Тот улыбнулся:

— Как ни странно, по-моему, в этот раз Джек не пытается изображать злого копа. Именно он предложил организовать вашу защиту.

— Если это правда, тогда я точно одной ногой в могиле.

Невероятно, но Камерон могла бы поклясться, что видела, как уголки губ Джека дернулись.

— Ни в какой не в могиле, — возразил он. — Если вам станет от этого легче, здесь замешана политика. Дэвис не намерен допустить, чтобы с федеральным обвинителем, содействующим Бюро в расследовании, что-нибудь приключилось.

— Но вы по-прежнему увильваете от ответа. Разве существует хотя бы теоретическая вероятность, что я в опасности? Ведь убийца меня даже не видел.

— У нас есть пара версий случившегося в гостиничном номере, — вел дальше

Паллас. — Интуиция мне подсказывает, что сенатора пытались подставить. Если это так, то когда злоумышленник поймет, что Ходжеса не собираются арестовывать, он начнет любопытствовать, по какой причине. И хотя ваше участие в деле держится в секрете, было бы глупо не учитывать риск утечки сведений. Мне бы хотелось подготовиться к подобному повороту.

— Но я же едва взглянула на того парня, — упиралась Камерон. — Он может подойти ко мне на улице, и я его не узнаю.

— Именно поэтому вы и будете под защитным наблюдением.

Упрямица замолчала. Конечно, она с самого начала понимала, что ситуация серьезная — в конце концов, задушена женщина, — но за время, прошедшее с пятничной ночи, понадеялась, может, и наивно, что ее участие в тайне, окружающей гибель Мэнди Робардс и шантаж высокопоставленного политика, по большей части завершилось.

Она потеряла переносицу, ощущая накатившую головную боль.

— И ведь могла же заночевать в любой другой гостинице, но нет — надо было выбрать «Пенинсулу».

— Мы защитим вас, Камерон.

Та от столь неожиданных утешительных слов недоуменно прищурилась. Похоже, Джек хотел сказать что-то еще, но затем его лицо снова сделалось бесстрастным.

— В конце концов, вы — главный свидетель, — добавил он.

— Итак, наблюдать за мной будете только вы вдвоем или будут привлекаться и другие агенты?

— Вообще-то, поскольку Бюро взяло на себя основную ответственность за расследование, защитным наблюдением займется департамент полиции, — заметил Уилкинс.

«Выходит, Джек не будет меня охранять».

— Ага. Отлично. — Мысль о частом контакте с Палласом нервировала Камерон. Не потому что она не смогла бы с ним справиться, а потому что ей ни к чему, чтобы этот тип паялился на нее день напролет. Его темные цепкие глаза выведут из себя кого угодно.

— Ну, и как происходит данная процедура? — Как обвинитель, мисс Линд вела несколько дел, в которых свидетеля брали под защитное наблюдение — обычно, как и сказал агент, в качестве предупредительной меры, — но сама в такой ситуации никогда не оказывалась.

— Когда бы вы ни находились здесь, перед домом будет дежурить машина, и полицейские будут сопровождать вас на работу и обратно. А добравшись до офиса, вы переходите под защиту тамошней службы безопасности, — объяснил Джек.

Камерон кивнула. Прокуратура, а с ней и Окружной суд Северного округа штата Иллинойс и Апелляционный суд седьмого округа располагались в Дирксен-Федерал-билдинг. Каждый посетитель здания должен был пройти через металлодетектор, а тому, кто хотел подняться на этаж мисс Линд, требовалось удостоверение личности.

— А если я отправлюсь куда-нибудь помимо дома или работы?

— Например?

— Ну, не знаю, куда обычно ходят люди. В продуктовый магазин. В тренажерный зал. Или на ланч с друзьями. — Камерон намеренно не упомянула, что в среду вечером собирается на свидание, рассудив, что эта информация никого, кроме нее, не касается. Ну ладно, Колин с Эйми в курсе, но они не в счет. Они всегда все о ней знают.

— Думаю, вам просто придется свыкнуться с полицейской машиной возле магазина, спортзала и куда вы там ходите на ланч с друзьями. И, само собой разумеется, вы должны вести себя осмотрительно, — поучал ФБРовец. — Полицейское наблюдение — это мера защиты, но они не могут следовать за вами повсюду. Нужно держаться знакомых мест и постоянно проявлять бдительность и осторожность.

— Понятно. Не гулять по темным переулкам, разговаривая по мобильному, не бегать трусцой по вечерам, слушая айпод, и не ходить проверять подозрительные шумы в подвале.

— Искренне надеюсь, что вы в любом случае не делаете подобных глупостей.

— Конечно, нет.

Джек не отводил от собеседницы сверлящего взгляда.

Та беспокойно поерзала за стойкой.

— Ну, может, иногда, бегая вечером, я и слушала одну-две композиции «Блэк Айд Пис». После долгого рабочего дня их песни поддерживают меня в движении.

Похоже, Джека это оправдание совершенно не впечатлило.

— Что ж, вам и вашим «Писам» лучше привыкать двигаться на беговом тренажере.

Сознавая присутствие Уилкинса, наблюдавшего за разговором с выражением, очень напоминающим веселье, Камерон проглотила колкий ответ.

В славном городе Чикаго тридцать тысяч гостиничных номеров, а она выбрала именно тот, который привел ее обратно к этому человеку.

— Тебя что, совершенно не интересует, какого черта вытворяет ФБР?

Несмотря на тусклое освещение — а собеседники специально выбрали столик в темном закутке бара, — Грант Ломбард мог определить, что Алекс Дрисколл, начальник секретариата сенатора Ходжеса, очень нервничает. И по резкости тона, и по мечущемуся взгляду было понятно, что перед Грантом человек, с трудом удерживающий себя в руках.

— Конечно, интересует, — возразил Ломбард. — Только наездами от федералов информации не добьешься. А Ходжеса могут и за решетку засадить.

Дрисколл подался вперед, понижая голос до свистящего шепота:

— ФБРовцы что-то скрывают, и мне это не по душе. Я хочу понять, почему сенатора не арестовали.

— А что говорят адвокаты? За те деньги, которые вы, ребята, им отстегиваете, кто-нибудь из крючкотворов мог бы что-нибудь и посоветовать.

— Эти придурки в один голос советуют нам залечь на дно.

— Тогда, наверное, следует так и поступить, — потянул глоток пива Грант. Не самый любимый его напиток, но сейчас что-либо покрепче могло притупить проницательность и способность просчитывать собеседника.

— Мне казалось, ты как личный телохранитель сенатора захочешь проявить к данной проблеме некоторый интерес, — зло бросил Дрисколл, ухватил одну из принесенных официанткой салфеток и промокнул испарину на лбу.

Жест не прошел для Гранта незамеченным. Если честно, его удивляло, как это начальник секретариата пережил без сердечного приступа или нервного срыва опрос федералами всей сенаторской команды.

— Я лишь утверждаю, что за дело следует браться очень осторожно. Это Ходжес послал тебя поговорить со мной? — поинтересовался Ломбард, хотя и без того знал ответ. Ни один шаг босса не оставался неизвестным для его охранника.

— Конечно же, нет. Он настолько благодарен, что ФБР не стало его арестовывать, что теперь даже отлить не сходит, не согласовав это вначале с Джеком Палласом. — Дрисколл сделал большой глоток виски со льдом, и, похоже, выпивка помогла ему успокоиться. Или же советник менял тактику и был гораздо лучшим актером, нежели думалось собеседнику.

— Послушай, Грант, мы уже давно работаем вместе. И ты крутишься в этой среде достаточно долго, чтобы понимать: такого рода скандал нельзя утаивать вечно. Рано или поздно информация просочится в прессу. А мне как главному советнику необходимо заранее вычислить места утечки и, по возможности, даже предупредить их возникновение.

Ломбард изобразил нерешительность. Как он и надеялся, собеседник взвинтился еще сильнее.

— Ради бога, Грант, не строй из себя пай-мальчика. Ты же больше года покрывал интрижку шефа с этой шлюхой.

Телохранитель посмотрел Дрисколлу прямо в глаза:

— Что ты от меня хочешь?

— Выясни, что известно ФБРовцам.

— Если этого не могут полсотни твоих адвокатов, почему ты думаешь, что мне удастся?

— У тебя свои каналы, — признал советник. — Раньше ты всегда нас выручал.

— Для моих каналов требуются стимулы.

— Используй какие угодно стимулы — лишь бы получить ответы. Я хочу узнать, что скрывают федералы, и хочу узнать это быстро. — Дрисколл поднялся, вытащил бумажник и бросил на стол несколько банкнот. — И запомни — отчитываешься лично мне. Ходжесу о нашем разговоре ничего не известно и никогда не станет известно.

— Подфартило сенатору, что для подчистки всякого дерьма у него есть ты.

Дрисколл поднял стакан и всмотрелся в янтарную жидкость:

— Да имей он понятие хоть о половине... — Затем одним глотком осушил остаток виски, поставил стакан и ушел.

Грант отхлебнул еще пива, раздумывая, насколько кстати начальник секретариата проявил себя таким параноиком.

Теперь можно, прикрываясь его распоряжением, со спокойной душой начинать выяснять по своим каналам, что разнюхало ФБР, и, что еще важнее, в какой мере стоит тревожиться из-за расследования. Федералы явно что-то скрывают — это понял даже идиот вроде Дрисколла. Учитывая, сколько сам охранник знал о картине преступления — а он, несомненно, знал практически все, — единственным объяснением тому факту, что сенатора не арестовали за убийство, могло быть только обнаружение следователями некоей детали, упущенной Грантом. Каким бы спокойным Ломбард ни казался внешне, подобная возможность начинала чертовски его напрягать. Наверное, потому, что вероятность упущения вовсе не исключалась.

В конце концов, он немного торопился после того, как придушил эту сучку.

Мэнди Робардс.

Если бы на кону не стояла его собственная шкура, Грант посмеялся бы над иронией ситуации. Эта девица и мертвая умудрялась поймать окружающих. Для такого надо быть чертовски талантливой проституткой.

Хотя, если даже половина рассказней босса о ней были правдивы, Мэнди действительно отличалась талантом в своем деле.

Ломбард работал на Ходжеса уже почти три года. Будучи не только сенатором, но и весьма богатым человеком (в недавнем рейтинге «Си-эн-эн» его состояние оценивалось в восемьдесят миллионов долларов), Ходжес много лет пользовался услугами частных телохранителей. Когда три года назад прежний его охранник перешел в секретную службу, один знакомый другого сенаторского знакомого порекомендовал на освободившееся место Гранта Ломбарда.

Вообще-то Гранту нравилась его работа. Вне всякого сомнения, она была интересной. Говоря в двух словах, он держал под контролем всевозможные реальные и потенциальные, прямые или косвенные угрозы жизни сенатора и его политической карьере. То есть, действовал в качестве личного телохранителя, вместе с Ходжесом разъезжал повсюду и выступал связующим звеном между боссом и различными внешними охранно-разведывательными ведомствами — от должностных лиц, проводивших дознание по поводу время от времени получаемых политиком угрожающих писем, до сотрудников служб безопасности Капитолия и офисного здания Сената.

За последние три года Ломбард сделался одним из самых доверенных лиц Билла Ходжеса. Собственно, он был в курсе того, о чем не знал даже Дрисколл.

Например, как все закрутилось с этой треклятой виагрой.

Босс рассказывал, что начал принимать чудодейственные синие таблеточки, чтобы

«уладить проблемы с женой», и Грант ему верил. В сущности, сенатор был добродушным человеком, гораздо приятнее, чем многие встречавшиеся Ломбарду политики (а по роду своих занятий телохранитель повидал немало этой братии). Но, подобно большинству политических деятелей, Ходжес был падок на лесть и сильно заблуждался в отношении собственной непревзойденности. Поэтому, когда волшебные пилюли сработали и старикан ощутил немного пороха в своих пороховницах, он начал позволять себе, так сказать, приятное дамское общество — из разряда оплачиваемых.

Через несколько месяцев выработалась определенная схема: если дела задерживали сенатора допоздна в городе, он, вместо того чтобы тратить пятьдесят минут на дорогу до своего имения в пригородном районе Норт-Шор, ночевал в какой-то гостинице. А Грант договаривался с одной из девиц, чтобы она устраивалась там же. Ходжес был либо умнее большинства изменяющих женам мужей, либо осторожнее, либо и то, и другое вместе — он не позволял никому из пассий приходить к нему в номер. И не стал покупать в городе квартирку для любовных свиданий, из опасения, что журналисты установят наблюдение и проследят за входящими и выходящими посетителями.

Мэнди Робардс была не первой девушкой, присланной из эскорт-агентства, но после одной-единственной ночи она сделалась любимицей сенатора. Грант без ведома Ходжеса возложил на себя обязанность дожидаться в машине возле гостиницы с тем, чтобы удостовериться, что очередная дамочка «благополучно освободила помещение» (другими словами, вымелась из отеля глухой ночью, когда никто не видел). Поначалу мотивы приглядывания охранника за девицами были в общем-то альтруистичны — в конце концов, защита сенатора была его работой, — но Ломбард быстро осознал ценность обладания как можно большими сведениями о грязных секретах босса.

Из своей машины Ломбард наблюдал за чередой нырявших в отели и выходявших оттуда перебираемых сенатором красоток. Мэнди была не самой хорошенькой — по правде, если не считать огненно-рыжих волос, выглядела она абсолютно заурядно, — но Грант подозревал, что в том отчасти и крылась ее притягательность. Вероятно, из-за того что пассия не обладала сногшибательной внешностью, Ходжес легче купился на четырехчасовую иллюзию, будто девица возится с ним, поскольку ей действительно нравится он сам, а не две штуки баксов наличными, получаемые на выходе.

А вот Грант, напротив, разглядел в Мэнди Робардс корыстную пройдоху.

Где-то после третьего вызова к сенатору, должно быть, ощутив уверенность, что закрепилась в качестве постоянной подружки, Мэнди дала своему замыслу ход. Хотя Ломбард просек ее план только месяцы спустя.

Она выпорхнула из гостиницы — на этот раз из «Четырех сезонов» — почти через четыре часа после своего прибытия и удивила Гранта, проигнорировав проезжавшие мимо свободные такси. Как правило, девушки быстро отчаливали, вероятно, торопясь в душ. Эта же немного помедлила, затем повернулась, подошла в своих высоченных черных сапогах к машине телохранителя и постучала ему в окно. Когда Ломбард опустил стекло, она склонила голову набок и хриловатым голосом поинтересовалась:

— Не хочешь посидеть со мной в баре?

Хотя обычно такой вопрос, исходящий от женщины, имел определенный подтекст, Грант почувствовал в нем больше, чем игривое предложение. Парень он, конечно, симпатичный и ежедневно поддерживает обретенное за время службы в морской пехоте мускулистое сложение, но, учитывая недавний секс Мэнди с другим мужчиной — ни много,

ни мало, его боссом, — предположение, что девица не наигралась и тут же клеит охранника, казалось просто диким.

Рассудив таким образом, что здесь кроется нечто другое, Грант согласился. Если честно, он был заинтригован. И оказался еще больше заинтригован, когда спустя час вышел из гостиничного бара, не вынеся из беседы с Мэнди ничего существенного, кроме впечатления, что за выпивкой она пыталась его разговорить. Ей, похоже, очень хотелось разузнать о Гранте и о его жизни, хотя о себе девица сообщила только одну незначительную (и если честно, не такую уж удивительную) деталь.

— Знаешь, я ведь не собираюсь до старости торчать в эскорт-услугах, — со вздохом призналась она.

Да брось, правда?! А он-то считал, что у проституток на редкость замечательные пенсионные программы.

Но Грант попридержал язык. И Мэнди после очередного свидания с сенатором снова пригласила охранника выпить, и на следующий раз тоже. Это вошло в обыкновение, и скоро беседы проститутки и телохранителя стали более предметными. Тем не менее из-за чрезмерной осторожности каждого из них потребовалось примерно пять месяцев разговоров вокруг да около, постепенно подбиравшихся все ближе и ближе, прежде чем собеседники добрались до сути вопроса.

Шантаж.

Дело сладилось в основном потому, что они оба были игроками. Грант увлекался покером, и несколько неудач в играх с крупными ставками основательно подорвали его финансовое положение. Игрой Мэнди был секс. Она выжидала, пока эскорт-услуги не выбросят ей беспроигрышный вариант, и как только на пороге ее гостиничного номера нарисовался женатый сенатор из Иллинойса, поняла, что заполучила свой шанс.

Разработанный сообщниками план состоял из трех этапов: сперва они заснимут Ходжеса за деятельностью, выходящей за рамки служения сенатора избирателям в традиционном представлении. Затем Мэнди передаст политику копию видеозаписи и свои требования. Если тот заартачится и обратится к личному телохранителю и самому доверенному лицу за советом, Грант изобразит бурный поиск путей решения проблемы. Далее он использует все влияние, чтобы отговорить босса обращаться в полицию, и в конечном итоге, скрепя сердце, проинформирует сенатора, что у того нет иного выхода, кроме как заплатить.

Заговорщики были осторожны, общаясь исключительно при личных встречах. Никаких телефонных звонков или электронных писем. Никаких записей, могущих связать их воедино. Они решили, что это будет разовая сделка, после чего каждый отправится своей дорогой. Мэнди уйдет из эскорт-агентства и уедет из города, а Грант продолжит службу у сенатора, оставшегося в неведении о причастности охранника к афере.

Шантажисты условились потребовать пятьсот штук.

А потом решили, что ставка маловата, и округлили цену вопроса до миллиона.

Для Ходжеса, чья семья основала одну из крупнейших сетей бакалейных магазинов в стране и владела командой, входившей в НФЛ, такая сумма не являлась заоблачной, и сенатор мог выплатить ее без особого напряжения. Но этих денег было бы достаточно, чтобы Грант встал на ноги после карточных проигрышей, и более чем достаточно, чтобы Мэнди перестала зарабатывать на спине. Барыши договорились разделить пятьдесят на пятьдесят.

Во всяком случае, Грант думал, что договорились.

Час шантажа пробил, когда сенатора пригласили на благотворительный по-тысяче-долларов-за-блюдо ужин по сбору средств для детской больницы, из-за которого он должен был задержаться в городе допоздна. Ходжес распорядился провести «необходимые приготовления», чем телохранитель охотно и занялся. Ночевать собирались в «Пенинсуле». Босс был здесь частым гостем, и Грант хорошо знал планировку здания. Немногом раньше в этом же году здесь останавливался сын сенатора с женой и двумя детьми, и представитель гостиничной службы безопасности провел для Ломбарда целую экскурсию, рассказав тому все, что требовалось знать, в том числе и самое главное: где размещены камеры видеонаблюдения.

Мэнди заказала номер 1308, который снимала и раньше, по расположению идеально соответствовавший задумке шантажистов. Он был угловым и находился прямо напротив выхода на лестничную клетку, что давало сообщнику возможность малозаметно пробраться в комнату и выскользнуть оттуда. А лично Грант находил удовольствие в недобром предзнаменовании, кроющемся в цифре «тринадцать». Может, кто другой на месте телохранителя и чувствовал бы себя виноватым, собираясь вытянуть у босса миллион долларов, тем более, что этот босс относился к подчиненному по-людски и с уважением. Но Ломбарда совесть не мучила.

Сенатор был слабаком. Конечно, у Гранта тоже водились недостатки, как и у каждого, но Ходжес выставлял себя круглым идиотом и просто напрашивался, чтоб его облапошили. К тому же у старикана денежек имелось больше, чем грехов, и Грант не видел ничего дурного в том, чтобы перераспределить часть этих излишков в свою пользу. Учитывая, сколько телохранителю стало известно о личных делишках босса, он заслужил эти деньги хотя бы за то, что держит рот на замке.

Когда наконец-то наступил вечер, начало прошло довольно гладко. После ужина Ходжес направился в гостиницу, чтобы — какая забота! — позвонить законной супруге и пожелать ей спокойной ночи. А Грант заехал на машине в темный переулок за несколько кварталов от «Пенинсулы», стащил с себя фирменный костюм и галстук, которые всегда носил на службе, и натянул неприметный черный блейзер, футболку с капюшоном и джинсы — одежду, которая сделала бы его внешность менее узнаваемой на тот маловероятный случай, если вдруг кто-нибудь засечет его у номера 1308. Через пару минут охранник припарковал машину, зашел в гостиницу через черный ход, определил, какая лестница ведет к нужному номеру, и торопливо преодолел тринадцать пролетов ступеней. Мэнди, рассчитавшая время почти до минуты, только-только приехала и уже ждала в комнате. При ней была миниатюрная видеокамера, купленная по указанию Ломбарда в магазине шпионского оборудования на Уэллс-стрит.

Грант настроил аппаратуру, провел с сообщницей полуминутный инструктаж и спрятал оборудование за телевизор, удобно расположенный напротив королевских размеров кровати.

— А перчатки зачем? — поинтересовалась Мэнди, заметив обтянутые черной кожей руки сообщника.

Теперь, оглядываясь назад, Грант понимал, что ответу на ее вопрос следовало уделить больше внимания, поскольку это был первый тревожный сигнал.

— Из простой осторожности, — вскользь бросил он, приоткрывая дверцу шкафа еще на полсантиметра и проверяя, заслонена ли камера.

— Из какой такой осторожности? — не успокаивалась напарница.

Повернувшись, Грант увидел, что Мэнди скрестила руки на груди и с подозрением

прищурилась.

— Хочешь сказать, страхуешься, чтобы не оставить доказательств своей причастности на случай, если Ходжес не согласится раскошелиться и сдаст меня полиции? Такую осторожность ты имеешь в виду?

Может, девица была не самой симпатичной из всех, встречавшихся Гранту, но далеко не самой тупой. К сожалению, ему не хватало времени ловко сгладить ситуацию.

— Мэнди, мы затеваем шантаж сенатора Соединенных Штатов. Конечно, я проявляю осмотрительность. И тебе советую. Но твоя причастность вряд ли останется для Ходжеса секретом. Это ведь ты трахаешься с ним, не забыла? Не говоря уж о том, что именно ты будешь договариваться со стариканом о деньгах.

— Забавно, конечно, но твоя речь звучит так, словно я делаю всю работу. Не говоря уж о том, — перекинула она собеседника, — что и рискую именно я.

Чертовы бабы. Следовало догадаться, что в последнюю минуту она затеет собачиться из-за какой-то ерунды.

Грант взял скандалистку за плечи, чувствуя искушение хорошенько ее встряхнуть.

— Это был твой план, Мэнди. Причем отличный план. Успокойся, и давай провернем его.

Прошел какой-то миг, прежде чем Мэнди кивнула:

— Ты прав. Извини, Грант, — выдохнула она. — По-моему, я здорово нервничаю.

— Не нервничай, — посоветовал сообщник. — Все, что тебе нужно сделать — включить камеру, когда услышишь стук Ходжеса в дверь — только убедись, что дверцы шкафа приоткрыты именно в такое положение, как сейчас, — и выключить камеру после ухода сенатора. А остальное не отличается от обычной твоей работы. Я буду наблюдать из машины на улице. Трижды мигнешь лампой возле окна, чтобы дать понять, что дело сделано. Я поднимусь, просмотрю пленку, удостоверюсь, что все получилось, а потом ты спокойно уйдешь, как обычно.

— Благодарствую, босс. Что-нибудь еще? — язвительно спросила Мэнди.

— Угу. Постарайся, чтобы картинка получилась высший класс.

И она действительно постаралась.

Как и планировалось, едва заметив в окне условный сигнал, Грант вернулся в гостиницу и поспешил в номер. Когда Мэнди его впустила, он вытащил камеру из-за телевизора и проверил пленку. Начал с первых кадров и дальше просматривал на быстрой перемотке, время от времени останавливаясь полюбоваться и не забывая выключать звук. В ближайшее время сенатор Ходжес, скорее всего, здорово пожалеет о том, что вообще повстречался с мисс Мэнди Робардс, но по крайней мере нынешней ночью он довольно громко выражал свое удовольствие данным знакомством.

— Ну как, нашел эпизоды себе по вкусу? — протянула Мэнди, откидываясь на кровати в гостиничном банном халате.

— Просто хочу удостовериться, что пленка от начала до конца не заперчена, — объяснил Грант. Пикантные подробности скрытой видеосъемки представляли во всей красе. Одни только шлепки в собачьей позе сами по себе потянули бы на пятьсот штук.

Ломбард продолжал любоваться в быстрой перемотке на совокуплявшегося с комической скоростью сенатора, подпрыгивавшую Мэнди и ходившую ходуном кровать, пока не досмотрел до конца. Он замедлил воспроизведение, с одобрением наблюдая, как ловко проститутка переместилась вместе с Ходжесом под самый объектив, когда клиент

отдавал ей деньги. На последних кадрах Мэнди выключала камеру.

Когда запись закончилась, Грант вытащил пленку и протянул ее напарнице. Та должна была, как договаривались, сделать копию перед тем, как продемонстрировать компромат Ходжесу.

— Отличная работа.

— Спасибо. — Мэнди, улыбнувшись, соскользнула с кровати, взяла со стола сумочку и спрятала в нее добычу. Затем прислонилась к столу, окидывая взглядом компаньона.

— Извини, что я была такой стервой, — кивнула она на его руки. — Эти перчатки на минуту выбили меня из колеи. Но ты прав: дело серьезное, и нам следует быть осмотрительными. Я понимаю, почему тебе нужно было принять свои меры предосторожности, и думаю, ты поймешь, почему мне тоже потребовалось позаботиться о себе.

Внезапный блеск в ее глазах вызвал у Гранта подозрение:

— Что именно я пойму?

В ответ она полезла в глубокий карман своего банного халата, и охранник инстинктивно дернулся к пистолету, постоянно носимому в наплечной кобуре. Но Мэнди опередила его, вытащив из кармана ладонь, в которой блеснул серебром...

Миниатюрный магнитофон.

— Господи Иисусе, — с раздраженным облегчением выдохнул Ломбард. — Что это, черт подери?

— Я же сказала — мои меры предосторожности. — Она включила магнитофон, негромко, но достаточно, чтобы отчетливо слышать.

«Извини, Грант. По-моему, я здорово нервничаю».

«Не нервничай. Все, что тебе нужно сделать — включить камеру, когда услышишь стук Ходжеса в дверь — только убедись, что дверцы шкафа приоткрыты именно в такое положение, как сейчас, — и выключить камеру после ухода сенатора. А остальное не отличается от обычной твоей работы. Я буду наблюдать из машины на улице. Трижды мигнешь лампой возле окна, чтобы дать понять, что дело сделано. Я поднимусь, просмотрю пленку, удостоверюсь, что все получилось, а потом ты спокойно уйдешь, как обычно».

«Благодарствую, босс. Что-нибудь еще?»

«Угу. Постарайся, чтобы картинка получилась высший класс».

Мэнди с самодовольной улыбкой остановила запись и продемонстрировала магнитофон:

— Этот магазинчик шпионских штучек на Уэллс-стрит, куда ты меня направил, — настоящая находка. Удивительно, какими крохотными сейчас умудряются делать эти устройства. За все время ты даже не заметил его в моем кармане.

— В следующий раз не забуду тебя обшмонать, — язвительно бросил Грант. — Зачем тебе эта запись, Мэнди?

— Хочу пересмотреть условия нашего договора.

— Считаешь, что должна получить больше половины?

— Считаю, что имею право получить все.

— С какого перепугу мне на такое соглашаться?

— Если не согласишься, я пойду с пленкой к Ходжесу и выложу ему, что это была твоя идея.

— Так он тебе и поверит.

— Когда мужчины думают причинным местом, они многое принимают за чистую монету. Кроме того, сенатору не придется верить мне на слово. — Мэнди потрясла перед сообщником магнитофоном. — Вот здесь у меня все записано. Мне, кстати, нравится, как этот краткий инструктаж преподносит дело — будто шантаж был именно твоей задумкой, будто тебе даже пришлось уговаривать меня. Само собой, именно это я и расскажу Ходжесу в случае чего. И полиции расскажу.

Грант понимал, что должен занервничать. Возможно, даже запаниковать. Вместо этого он почувствовал, как внутри разгорается пламя холодной ярости. А еще ощутил странное спокойствие.

— Я своей половины не отдам.

— Половины... — с издевкой фыркнула Мэнди. — Да ты и десятой части этих денег не заслуживаешь. Это я все придумала. Я сделала всю работу. Ты требовался мне только для подстраховки, что Ходжес не обратится в полицию. А ты и так об этом позаботишься, если не хочешь загреметь на двадцать лет за шантаж политика государственного масштаба. Потому что если сяду я, уж поверь мне, ты сядешь тоже, — и стерва сверкнула улыбкой: — Прости, пупсик. Но, как говорилось, это разовая сделка. Я должна воспользоваться своим шансом по полной.

Она была так горда собой. Так горда и уверена, что взяла верх.

Чересчур уверена.

Ломбард стоял, нацелив на Мэнди пистолет, и в голове у него билась одна-единственная мысль.

Его не перехитрит какая-то никчемная шлюха.

Та сунула магнитофон обратно в карман халата и равнодушно взглянула на руки телохранителя:

— Можешь убрать свою пукалку, Грант. Мы оба знаем, что ты в меня не выстрелишь. — Затем развернулась к нему спиной и направилась в ванную.

Ломбард полез под блейзер и вернул оружие в наплечную кобуру.

— Ты права, стрелять я в тебя не стану. — Без предупреждения он бросился на сообщницу — радуясь, что этого поворота она не предусмотрела, — схватил ее за горло и швырнул на постель. Мэнди приземлилась с такой силой, что кровать громко стукнула об стенку. Прежде чем девка успела закричать, Грант напрыгнул на нее сверху, бахнув кроватью об стенку во второй раз, придавил и зажал ладонью рот.

— Ты не знаешь, с кем шутишь. И должна понять, сука, кто тут главный, — прошипел он.

Глаза Мэнди расширились — гневная вспышка напарника наконец-то внушила ей страх и некоторое уважение, — и она начала отбиваться. Схватив одну из лежавших рядом подушек, Грант накрыл проститутке лицо. Та размахивала руками, пытаясь вцепиться противнику в физиономию, и пинала ногами, стараясь сбросить его с себя. «Да, ты, небось, не к таким позам в койке привыкла», — наваливаясь грудью и локтями на подушку, подумал Грант, поймал Мэнди за запястья и обездвижил их, прижав коленями.

После такого она задергалась еще ожесточеннее.

Ломбард дал жертве вдоволь потрепыхаться, находя ее панику и свою власть над ней удивительно возбуждающими. Пьянящими. Он уже собирался убрать с ее лица подушку, готовясь увидеть покорность в перепуганном взгляде, как тут его осенило, что такая

безмозглая коварная сучка никогда полностью не подчинится. Этой шлюхе с самого начала не следовало доверять, и Грант в момент возненавидел себя за глупую наивность. Неважно, что она скажет, что наобещает сию минуту — он никогда больше не поверит ни единому слову, слетающему с ее лживого языка. Несмотря на все планирование, из-за этой стервы ему не светит получить даже паршивого цента, и что еще хуже, теперь он сам у сообщницы в кармане. Конечно, можно забрать у Мэнди пленку, но никогда, никогда нельзя быть уверенным, что она станет держать рот на замке. Она всегда сможет повесить на него намерение шантажировать сенатора. И даже если удастся убедить ее уехать подальше, придется все время гадать, в какой из дней она вернется и что потребует.

Грант знал наверняка: он не желает всю оставшуюся жизнь оглядываться через плечо. Не желает давать власть над собой. Предполагалось, что они с Мэнди будут партнерами, но теперь, похоже, каждый за себя. Другого выхода он не видел.

И поэтому оставил подушку на месте.

Дело заняло больше времени, чем ожидалось. Жертва вырывалась все слабее и слабее, но все же продолжала борьбу, и прошло целых две минуты без единого ее движения, прежде чем убийца рискнул поднять подушку.

Распахнутые глаза Мэнди были пусты. Уставившись на безжизненное тело, Грант первым делом подумал: как странно, он ничего не чувствует. Никаких угрызений совести, вообще... ничего. Хотя Ломбард и служил в морской пехоте, но никогда никого не убивал, и всегда предполагал, что это должно быть нечто из ряда вон выходящее.

Хмм. Как оказалось, вовсе нет.

Грант выпрямился и пригладил назад упавшие на глаза волосы. Он слез с тела Мэнди, размышляя, что следует убираться из этого номера. И срочно. Подстегнутый адреналином мозг лихорадочно заработал, и через секунду-другую мысли прояснились. Требовался план, и Грант поразился, как быстро этот план сложился у него в голове.

Сенатор...

В номере полно отпечатков пальцев Ходжеса. В эскорт-агентстве отмечено, что этой ночью с Мэнди был именно сенатор. А поскольку Грант не забрал видеозапись, пленка предоставит властям убедительный мотив. Случившееся сочтут убийством в состоянии аффекта. Любовница намеревалась шантажировать политика, а он обнаружил это, запаниковал и убил ее.

«Этого будет достаточно», — говорил себе Грант. Должно быть достаточно. Особого выбора у него все равно нет. Когда неожиданно обнаруживаешь себя в одном номере с мертвой проституткой, на ум приходит только такой сценарий действий. План А: смотреть отсюда. Дополнительный план Б: повесить убийство на кого-то другого.

Он полез в карман халата Мэнди, достал магнитофон и сунул в задний карман джинсов, убедившись, что блейзер надежно его прикрывает. Затем установил видеокамеру обратно за телевизор и поспешил к выходу, накинув капюшон футболки.

В конце концов, никогда не знаешь, не попадешься ли кому-нибудь на глаза.

* * * * *

А теперь следует завершить начатое.

Грант отставил пустую бутылку в сторону, вытащил бумажник и добавил пару баксов к деньгам, брошенным на стол Дрисколлом. Выйдя из бара на улицу, он поднял воротник пальто, защищаясь от холодного осеннего ветра, порывами дувшего с озера. Где-то

неподалеку по невидимым рельсам прогромыхала электричка чикагского метро.

Телохранитель вернулся мыслями к распоряжению Дрисколла:

«Выясни, что известно ФБР».

Именно это он и намеревался сделать.

Ломбард понимал, что раздобыть информацию будет нелегко, но его ум уже работал в нужном направлении. Джек Паллас теоретически может оказаться проблемой — если ходившие о нем истории хоть отчасти правдивы, — однако агент нажил себе врагов среди таких людей, с которыми не следует ссориться, и Грант чувствовал, что сможет воспользоваться этим в собственных целях.

ФБР явно располагает какими-то сведениями. И хотя пока недостаточными, чтобы напасть на след Гранта, ему не по душе оставлять за собой хвосты. Как только выяснится, что это за хвост, он его подчистит. Почти пятнадцать лет он прикрывает чужие грешки и вранье, справится и с этим делом — со всегдашней беспристрастной тщательностью. Больше никакого валянья дурака. Никаких ошибок. С этого момента у него все под контролем.

Он приложит все усилия, чтобы так оставалось и дальше.

В среду днем, по пути на предварительное слушание в суд, Камерон почти удалось убедить себя, что жизнь возвращается в нормальное русло. Почти.

К счастью, полицейское наблюдение оказалось менее назойливым, чем опасалась свидетельница. Она, считай, не видела дежурных дневной смены: те заступали на вахту под домом в шесть часов утра, пока подопечная еще спала, кивком здоровались, когда Камерон выводила из переулка свою машину, и следовали за ней в центр города до офиса. А дальше охранникам было практически нечего делать до шести часов вечера, когда ответственность принимала на себя ночная смена. На этой неделе у Камерон планировалось несколько выступлений в суде, но поскольку залы заседаний и Северного округа штата Иллинойс, и Седьмого окружного апелляционного суда находились в одном здании с прокуратурой, полицейским не было никакой необходимости сопровождать туда мисс Линд. Непыльное задание, подумалось Камерон, опекать свидетеля, работающего в одном из самых защищенных и усиленно охраняемых учреждений в городе. Пожалуй, завтра надо почудить и выскочить в «Старбакс» на кофе, чтобы наблюдатели поразмялись.

С дежурными ночной смены была совсем другая история. Впервые заступив на пост, они выбрали время представиться, и Камерон, несмотря на необычность ситуации, довольно быстро оказалась в теплых отношениях с офицерами Камином и Фелпсом. За прошедшие три вечера у них выработалось что-то вроде распорядка: полицейские следовали за мисс Линд домой с работы, проверяли особняк, чтобы убедиться, что все безопасно, ждали в машине без опознавательных знаков, пока подопечная переоденется, и сопровождали ее туда и обратно в спортзал, находившийся в трех кварталах от дома. Конечно, было немного странно, отрывая взгляд от беговой дорожки, замечать двух стражей порядка, наблюдавших за ней из джус-бара, но потом Камерон вспоминала, что альтернативный вариант — самой оказаться убитой, и это соображение очень помогало свыкнуться с неловкостью ситуации.

Камерон бесчисленное количество раз прокручивала в голове тот момент, когда увидела в глазок выходившего из номера 1308 убийцу. И чем больше размышляла, тем больше убеждалась: преступник не догадывался, что за ним наблюдают. Мужчина ни разу не взглянул на дверь Камерон, и ни одно из его движений не выдавало, что он заподозрил чье-то присутствие.

С другой стороны, у нее не было ни малейшего желания получить доказательства обратного. Вообще-то, когда речь шла о возможном выходе на свидетельницу убийцы, душащего женщин подушками, Камерон твердо считала, что лучше переусердствовать с осторожностью. И пока преступника не поймают, она будет более чем рада бдительному наблюдению ФБР и полиции.

Как и ожидалось, предварительное слушание, назначенное на сегодня, прошло гладко. После победного процесса прошлой недели мисс Линд впервые появилась в суде. Приятно было снова оказаться в зале заседаний, хотя не обязательно именно по такому поводу. Подсудимым был сотрудник шерифского управления округа Кук, обвиняемый в том, что в свободное от работы время оказывал услуги охранника в двенадцати инсценированных ФБР сделках с наркотиками.

Камерон не доставляло абсолютно никакого удовольствия выступать обвинителем против полицейского. Тем не менее она настояла, чтобы дело передали именно ей —

сильнее, чем рецидивистов, мисс Линд не терпела только преступников в форме. Подсудимый позорил профессию ее погибшего отца и потому не вызывал к себе ни малейшего сочувствия. Данный судебный процесс вряд ли добавит помощнице прокурора популярности в шерифском управлении, но она переживет. Возбуждай Камерон дела исключительно ради популярности, была бы ничем не лучше Сайласа Бриггса.

— Повторный допрос, советник?

Камерон поднялась, отвечая судье:

— Да, ваша честь, всего пара вопросов.

Она подошла к свидетельской трибуне, где ожидал ФБРовец. Тот был последним свидетелем обвинения на сегодня, и помощница прокурора чувствовала, что судье не терпится закончить слушание.

— Агент Траск, во время перекрестного допроса представитель защиты задал вам несколько вопросов о договоренности, которую вы, работая под прикрытием, заключили с подсудимым. Обсуждалось ли в ваших разговорах с обвиняемым то, что он будет обеспечивать вашу безопасность конкретно при сделках с наркотиками?

— Наш уговор был кристально ясным, — утвердительно кивнул федерал. — Я заплатил подсудимому пять тысяч долларов. За это он согласился стоять на стреме и вмешаться в случае, если полиция попытается сорвать передачу «товара».

— Существует ли возможность, что обвиняемый не догадывался о том, что вы перевозили именно наркотики?

— Ни малейшей, — покачал головой агент. — Перед каждой сделкой я удостоверюсь, есть ли у подсудимого оружие, а затем обсуждал с ним конкретную партию кокаина или героина. Затем под видом покупателя появлялся мой напарник, и подсудимый помогал мне переносить сумки с наркотиками в машину. Раз даже подсмеивался над нами насчет того, что мы поступаем глупо, производя обмен посреди ночи на парковках возле фаст-фудов. Сказал, что такие места он сам и его коллеги проверяют в первую очередь, и сообщил, что если мы хотим и дальше этим заниматься, то лучшее место для передачи наркотиков — железнодорожная станция.

Адвокат защиты подхватился с места:

— Возражаю, непроверенная информация. Прошу изъять показание из протокола.

— Ваша честь, это же предварительное слушание, — повернулась Камерон к судье.

— Протест отклонен.

Мисс Линд закончила повторный допрос и вернулась на свое место за столом обвинения. Поскольку в прокуратуре наблюдался завал работы и нехватка сотрудников и поскольку это было предварительное слушание по очевидному, в сущности, делу, Камерон сидела одна.

Судья покосился на адвоката:

— Повторный перекрестный допрос?

— Нет, ваша честь.

Агент Траск покинул место дачи показаний. И когда он проходил мимо стола Камерон, случилось удивительное.

ФБРовец вежливо ей кивнул.

Камерон дважды сморгнула, сомневаясь, верно ли разглядела. Может, у агента что-то вроде нервного тика, не замеченного ею раньше? Ведь за последние три года все чикагские федералы, с которыми работала мисс Линд, выйдя из-за свидетельской трибуны, в упор не

замечали помощницу прокурора — что уж говорить о вежливом кивке. По-видимому, теперь, когда Джек Паллас вернулся из ссылки, было решено «простить» Камерон ее предполагаемые прегрешения.

— Советник? — обратился к обвинительнице судья.

Камерон встала.

— У нас больше нет свидетелей, ваша честь.

Судья огласил решение:

— Учитывая заслушанные сегодня показания, а также подробное письменное свидетельство под присягой сотрудника ФБР, поданное правительством вместе с иском заявлением, считаю, что имеются основания для направления дела в суд. Судебное заседание назначается на десять часов утра пятнадцатого декабря.

Они решили несколько оставшихся организационных вопросов, затем все присутствующие поднялись, поскольку судья покинул зал. Адвокат защиты пошептался о чем-то с обвиняемым и направился к столу Камерон.

— Мы бы хотели обсудить заключение сделки о признании вины.

Камерон не удивилась, но и не заинтересовалась.

— Извини, Дэн. Сделки не будет.

— В округе Кук тем же самым промышляли и другие полицейские. Мой клиент может сообщить их имена.

— Их имена уже известны мне от Альвареса, — обронила Камерон, имея в виду второго арестованного ФБРовцами нарушителя, из гражданских, который обеспечивал дополнительную «безопасность» при мнимых передачах наркотиков.

— Но ведь на встрече четвертого июня он отсутствовал, — возразил Дэн.

Камерон сложила бумаги в портфель.

— Если бы меня волновала упомянутая встреча, я бы пришла с предложением сделки к тебе, а не к защите Альвареса.

— Да будет тебе, Камерон, — понизил голос адвокат, — дай мне хоть что-нибудь, что я мог бы сказать своему клиенту. Что угодно.

— Ладно. Скажи ему, что я не заключаю соглашений с продажными копами.

Дэн обозвал ее стервой и ушел, уводя с собой подзащитного.

Камерон пожала плечами и посмотрела коллеге вслед.

Ох... все-таки здорово вернуться обратно в суд.

* * * * *

Попав обратно в свой кабинет после обеда, Камерон провела следующие несколько часов, отвечая на звонки и теша себя иллюзией, что как-то втиснет в оставшееся время работу над запиской для апелляционного суда, требуемой к следующей неделе. В полседьмого труженица сдалась и решила закругляться. Вечно ей не хватает в сутках часов, особенно в сегодняшних.

Этим вечером Камерон, согласовав планы с Фелпсом и Камином, собиралась на свидание с Максом, тем самым менеджером инвестиционного банка, с которым познакомилась на эскалаторе в «Блумингдейл». Полицейским страшно понравилась эта история.

Несколько недель назад помощница прокурора в обеденный перерыв выскочила на обувной шопинг и уже на обратном пути в офис спускалась по эскалатору, когда мобильный

завибрировал, сигнализируя о новом сообщении. Увидев долгожданное уведомление из суда, она остановилась на площадке между этажами, чтобы ознакомиться с решением. А когда дочитала, забыла, где находится, и шагнула прямо наперерез мужчине, сходящему с эскалатора. От столкновения ее сумочка и пакет с покупками разлетелись в разные стороны.

— Ой, простите, ради бога, я не посмотрела, — обретая равновесие, извинилась растяпа и мельком глянула на стоявшего перед ней высокого мужчину. Не просто высокого — светловолосого, загорелого, шикарного. Теперь-то, понятное дело, Камерон смотрела во все глаза.

— О, здравствуйте, — с притворной застенчивостью улыбнулась она.

— Кажется, вы что-то уронили, — заметил незнакомец, наклоняясь за сумочкой и пакетом, и Камерон буквально ощутила легкий ветерок от своих захлопавших ресниц. *Какой джентльмен.* И как сногсшибательно выглядит в темно-синем костюме — судя по крою, из дорогих.

Выпавшая обувная коробочка открылась, и оттуда выглядывала одна из новоприобретенных серебристых туфель от Миу Миу на десятисантиметровой шпильке.

— Красивые туфли, — одобрительно бросил бронзоволикий блондин, протягивая Камерон пакет и сумочку, и вопросительно приподнял бровь: — Для особого случая?

— На свадьбу лучшей подруги, — призналась Камерон. — Я — почетная свидетельница. Невеста сказала, что можно надеть любые серебристые туфли, но теперь я сомневаюсь. Надеюсь, эти она одобрит.

— Не знаю, как невесте, — ухмыльнулся собеседник, — а вот вашему спутнику, думаю, они точно понравятся.

— Моему спутнику, ну да ... я еще работаю в этом направлении, — замялась Камерон

— В таком случае, я — Макс, — протянул руку божественный красавец.

Пятью минутами позже новый знакомый удалился с номером ее мобильного телефона.

— А как бы его звали в том случае, если бы у тебя уже был сопровождающий на свадьбу? — поддразнил позвонившую вечером подругу Колин.

Камерон повесила трубку и набрала Эйми.

— Десятисантиметровый каблук? Ты уверена, что сможешь пройти в них по церкви? — требовательно спросила та.

— Вы, ребята, не улавливаете сути истории, — упрекнула подругу Камерон.

— Ты приведешь этого Макса на свадьбу?

— Знаешь, за шесть минут разговора я как-то забыла его об этом спросить.

— Ах да, конечно. — На другом конце провода повисла пауза. — Но чисто гипотетически, если ты все же приведешь его на свадьбу, он, по-твоему, предпочитает лососину или стейк? Потому что мне до пятницы надо подать ресторатору список.

Необходимость подыскать себе спутника давила на Камерон все сильнее. Ее статус холостячки угрожал ввергнуть четко налаженные внутренние процессы «Идеальной свадьбы всех времен и народов» в полный хаос.

— Эйми, можно, я по этому поводу перезвоню? — взмолилась она.

Однако прошло уже почти три недели, а Камерон до сих пор не дала подруге ответ. И не только на вопрос «рыба или мясо». Невзирая на несколько состоявшихся свиданий, она даже не решила, попросит ли Макса сопровождать ее на свадьбу. Будь церемония в Чикаго, и думать бы не пришлось. Но Камерон сомневалась, хочется ли ей провести с Максом весь уикенд в Мичигане, да еще в одном гостиничном номере. Этот красавчик, несомненно, будет отлично смотреться с ней под ручку — фактор, который нельзя сбрасывать со счетов, — но в отношении личных качеств новый знакомый не соответствовал впечатлению, сложившемуся при их первой встрече.

Поначалу Камерон предполагала, что Макс так быстро попросил у нее номер телефона, потому что чувствовал уверенность в себе. Теперь она поняла, что он просто был вынужден действовать стремительно. Новый знакомый оказался трудоголиком: он питался, дышал и грезил своей работой. Камерон понимала, что такое быть нацеленным на карьеру — она и себя относил к категории честолюбцев, — но за три недели их «встречания» Максиму уже два раза потребовалось переносить свидание. Он, конечно, извинился, но все равно это был тревожный сигнал.

Так что сегодня вечером Камерон определится. Ей, незамужней тридцатилетней женщине, некогда крутить пустые интрижки. Либо Макс с ней, либо нет.

Решив, что на сегодня хватит, Камерон выключила компьютер и сложила бумаги в портфель. Захватив пальто, она уже направлялась к двери, как тут проснулся телефон. Увидев, что звонит прокурор, помощница поначалу решила не отвечать. Однако, с учетом занимаемого начальником уголовного кабинета в конце коридора, Бриггс точно знал, что подчиненная на месте.

Камерон схватила трубку:

— Привет, Сайлас. Еще минута — и вы бы меня не застали. Я как раз убегаю.

— Отлично. По пути загляни ко мне, — и прокурор отсоединился.

Камерон посмотрела на аппарат. У них с Сайласом всегда получались милейшие беседы. Вероятно, отчасти и по ее вине. Камерон не смогла забыть, как Бриггс подставил ее в деле Мартино. Судя по историям с другими сотрудниками, шеф далеко не первый раз откалывал такие номера — и не последний. За прошедшие три года Камерон неоднократно наблюдала, как Бриггс предоставлял помощникам принимать на себя удар любой направленной на прокуратуру критики, зато в случае весомой победы стяжал всю славу себе.

Многие из сослуживцев воспринимали такую практику как составляющую корпоративной политики, и Камерон отчасти понимала, почему. До того как перейти в прокуратуру, некоторые коллеги трудились, как и мисс Линд, в крупных юридических фирмах и уяснили, что таково повсеместное положение вещей: юристы на самом вершине пищевой цепочки пожидают лавры за работу, выполненную низшими звеньями, а те вкалывают в поте лица, ожидая дня, когда вскарабкаются на вершину и смогут так же

потребительски относиться к подчиненным. Круговорот юристов в природе.

К тому же с Сайласом в любом случае непросто было что-нибудь поделывать. Прокурор мастерски поддерживал связи с влиятельными людьми (ведь он, естественно, больше не вел судебных разбирательств). Главным образом так он и возвысился до теперешнего положения. А поскольку федеральные прокуроры назначались самим президентом, Камерон и всему Северному округу штата Иллинойс было никуда не деться от Сайласа Бриггса как минимум до следующих выборов.

Но это не значило, что Камерон принимала его лицемерие — ничего подобного. За последние три года в отношениях начальника и подчиненной многое изменилось. Камерон больше не была младшим обвинителем. Теперь мисс Линд имела самую высокую нагрузку в прокуратуре и вела одновременно примерно семьдесят пять дел: одни на стадии расследования, другие — производства. При этом у нее были лучшие показатели результативности среди ста тридцати обвинителей уголовного управления Северного округа штата Иллинойс. Данный факт сделал Камерон практически незаменимым сотрудником и придал ей значительный вес. По этой причине между нею и Сайласом существовало что-то вроде негласного соглашения: пока победы Камерон в зале суда продолжают хорошо отражаться на имидже конторы и служат ее восхвалению, прокурор в дела помощницы, по сути, не вмешивается. В этом плане между ними выработались худо-бедно терпимые рабочие отношения.

Но эти отношения были, без всякого сомнения, непрочными. Федеральный прокурор требовал лояльности — или по крайней мере ее видимости — от своих подчиненных, и Камерон постоянно ощущала необходимость держаться начеку. Хотя помощница и взяла на себя вину за провал с делом Мартино, Сайлас знал, что это пришлось ей не по душе, и с тех пор не спускал с нее глаз.

Именно поэтому нельзя было допустить, чтобы начальник узнал, как три года назад она выступила в защиту Джека Палласа.

Бриггс поднял тогда в министерстве юстиции настоящую бучу, требуя увольнения ФБРовца за неприемлемое поведение в связи с оскорбительными высказываниями перед журналистами. Как подозревала Камерон, причина заключалась не столько в возмущении прокурора за подчиненную, сколько в желании отвлечь внимание общественности от сути дела: решения не выдвигать обвинений против Роберто Мартино.

О чем Сайлас понятия не имел, так это о том, что у Камерон был свой человек в Минюсте — давний друг по юридической школе — и что она неофициальными путями пыталась добиться согласия на перевод агента из Чикаго вместо немедленного увольнения. Чтобы укрепить свои позиции, помощница прокурора через пару дней после инцидента с утра пораньше даже явилась в кабинет начальника ФБРовцев. Камерон понимала, что рискует, но также знала, как упорно Дэвис сражался за своего подчиненного. Интуиция подсказывала, что ему можно доверять. Она объяснила ситуацию, сообщила, что ее шеф нацелен на увольнение Палласа, и дала имя своего знакомого в Минюсте. «Два человека, действующие неофициально, лучше, чем один», — сказала она Дэвису и попросила, чтобы тот ни с кем и никогда не обсуждал причины ее визита.

— Почему вы это делаете? — поинтересовался Дэвис, провожая посетительницу до двери своего кабинета. — После того, что брякнул Джек, мне казалось, вы будете счастливы видеть, как его выпрут.

Камерон тоже спрашивала себя об этом. Ответ просто-напросто заключался в ее

принципах. Неважно, до какой степени она была зла на Джека за обидные слова. Когда речь заходила о деле, личные разногласия отбрасывались в сторону. Даже в этом случае.

Она ведь изучала материалы расследования. Сайлас не читал их, как не читали и высокопоставленные министерские чины. Но Камерон не сомневалась, что нельзя было узнать то, что узнала она о пережитых агентом двух днях в лапах молодчиков Мартино, и не испытать глубочайшего уважения к преданности федерала своей работе. Может, по части характера Палласу следовало много чего совершенствовать, но профессионалом он был высокочеловеческим.

— А вы хотите, чтобы его выгнали? — ответила она вопросом на вопрос.

— Конечно же, нет. Да он, пожалуй, лучший агент в этом Бюро.

— Согласна, — с такими словами Камерон открыла дверь, вышла из кабинета...

И увидела стоявшего на другом конце коридора и пристально смотревшего на нее Джека.

Камерон на мгновение почувствовала панику — никто не должен был знать о ее визите в Бюро. Однако сохранила спокойное и бесстрастное выражение лица и ушла, не сказав ни слова.

Она догадывалась, что подумал Джек, что предположил, увидев ее в тот день. Он наверняка решил, что именно Камерон потребовала его ссылки, наверняка посчитал, что в то утро помощница прокурора явилась к Дэвису с жалобами. К сожалению, с этим ничего нельзя было поделать. Защищая ФБРовца, она действовала через голову своего начальника, а такой поступок расценивался как наипростейшее предательство. Камерон ничуть не сомневалась, что прокурор уволит ее в мгновение ока, едва узнает правду. Поэтому проглотила пилюлю и позволила Палласу думать о ней худшее.

В конце концов, он и так уже презирает ее за дело Мартино. Еще одно полено в костре неприязни не сыграет большой роли.

* * * * *

Дойдя до офиса начальника, Камерон постучала в дверь. Бриггс жестом пригласил подчиненную войти.

— Камерон — присаживайся.

Помощница прошла в кабинет — просторный, по меркам государственного служащего, и богато обставленный — и устроилась на одном из стульев перед столом прокурора.

— Извините, но наш разговор должен быть коротким. Меньше чем через час мне нужно быть в другом месте, а сначала надо заехать домой.

— Я не задержу надолго, — пообещал шеф. — Просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке. Учитывая, что тебе пришлось пережить в прошлые выходные. — Слова звучали любезно, но в глазах светился огонек раздражения. Возможно, даже гнева.

— У меня все хорошо, — осторожно ответила подчиненная, не зная, сколько известно Бриггсу. — Спасибо, что спросили.

— Можешь оставить уклончивые фразы, Камерон, — я все знаю о расследовании смерти Робардс. Сегодня днем мне звонил из Вашингтона директор ФБР и благодарил за сотрудничество нашей конторы в данном деле. Разумеется, я не мог понять, о чем мне толкуют. Вероятно, он предположил, что федеральный прокурор обязан быть в курсе, если его помощница не только стала свидетелем преступления, в котором замешан сенатор США, но и взята под защитное наблюдение. Пожалуй, я предположил бы то же самое.

Поскольку шило уже вылезло из мешка, Камерон попыталась немного сгладить острые углы. Она представляла, насколько Сайласу было неприятно оказаться застигнутым врасплох руководителем ФБР.

— Простите за неловкую ситуацию с Годфри. Но агенты, ответственные за расследование, запретили мне обсуждать с кем-либо подробности случившегося.

— Понятно, что дело конфиденциальное, однако мне следует знать, когда одному из моих помощников грозит опасность.

— Если мне действительно будет что-нибудь угрожать, я непременно сообщу. Пока это обычные меры предосторожности. — Камерон не могла понять, успокоился шеф или нет, и решила, что лучше отвлечь его, сменив тему беседы. — Не знаю, упомянул ли об этом директор ФБР, но расследованием руководит Джек Паллас.

— Паллас вернулся? — округлились от удивления глаза прокурора. — Когда?

Помощница пожалала плечами:

— По моему, совсем недавно.

Главным, во всяком случае, для Камерон, было то, что Джек вернулся и снова — хоть и временно — вмешивается в ее жизнь.

* * * * *

— Ну и о чем ты сейчас думаешь?

Джек потер ладонью лицо и глянул через стол на Уилкинса:

— Думаю, что если не встречу ни одного юриста до конца своей жизни, это все равно слишком скоро.

Как и ожидалось, записи с гостиничных видеокамер не дали никакой зацепки, и теперь ФБРовцы сосредоточились на опрашивании Ходжеса и его окружения. Разумеется, команда сенаторских адвокатов усложнила дело, насколько смогла. Но федералы выяснили хотя бы следующую информацию: несколько сотрудников подтвердили, что были в курсе множественных связей босса с девочками по вызову, а некоторые даже знали конкретно о Мэнди Робардс.

Первыми, с кем побеседовали агенты, были Алекс Дрисколл, руководитель аппарата сенатора, и Грант Ломбард, личный телохранитель Ходжеса. Оба заявили, что в ночь убийства Мэнди Робардс находились дома и спали. В обоих случаях не было свидетельств ни подтверждающих, ни опровергающих это заявление. Оба сказали, что были осведомлены об интрижке сенатора с Мэнди, и признали, что были в курсе намерений Ходжеса встретиться с любовницей в ночь убийства. Ломбард договаривался с эскорт-агентством (по словам сенатора, он «время от времени» давал подобные поручения своему телохранителю), а Дрисколл вместе с шефом посещал благотворительный ужин и именно тогда, по его словам, узнал о планах сенатора встретиться с Робардс позже вечером.

Ни Ломбард, ни Дрисколл не особо откровенничали о любовных похождениях босса, но от руководителя аппарата и личного телохранителя ничего другого и не ожидалось. Ни у одного из них не оказалось алиби, поскольку, по их собственному утверждению, каждый в ночь убийства находился у себя дома и спал один (Дрисколл был разведен, а Ломбард холост), но в этом тоже не было ничего удивительного. Тем не менее, оба подходили под данное Камерон общее описание внешности мужчины, выходявшего из номера 1308.

Джек понимал, что совпадение роста и телосложения не бог весть что, но и этого было достаточно, чтобы присмотреться к обоим субъектам попристальней.

— Возьмем распечатки звонков Дрисколла и Ломбарда и сверим их с номерами телефонов Мэнди Робардс, — сказал Паллас напарнику. — И надо поднять выписки по их банковским карточкам за последние два года — не было ли чего необычного. А параллельно начнем работать со списком, что дал нам Ходжес, — тех, кто, по мнению сенатора, мог затаить на него злобу.

Уилкинс кивнул в знак согласия, и тут зазвенел телефон. Джек увидел, что звонят с пульта дежурного в вестибюле.

— Паллас слушает.

— К вам офицеры Камин и Фелпс из полицейского департамента, — доложил дежурный. — Говорят, у них кое-что для вас от детектива Слонски.

— Спасибо, пропустите их наверх.

— К нам поднимаются Камин и Фелпс. — Положив трубку, Джек посмотрел на напарника и нахмурился: — Это не те ребята, которых Слонски поставил наблюдать за мисс Линд?

Уилкинс взглянул на наручные часы:

— Мне казалось, они с вечерней смены.

— Тогда что они делают здесь?

— Вот у них и спросишь. — Напарник, похоже, уловил быстро надвигающуюся грозовую тучу. — Джек, только постарайся быть вежливым. Помни — мы работаем с этими парнями.

Когда Камин и Фелпс вошли в кабинет, Уилкинс поднялся и поприветствовал их сердечной улыбкой:

— Здравствуйте, офицеры. Какими судьбами?

Старший из прибывших представился и назвал младшего коллегу:

— Меня зовут Боб Камин, а это мой напарник, Дэнни Фелпс. Детектив Слонски попросил доставить вам вот это, — полицейский протянул большой запечатанный конверт. — Тут отчет из лаборатории, который вы ждете.

— Спасибо. — Поднявшись из-за стола, Джек принял пакет, уловил косой взгляд Уилкинса и стрельнул в напарника глазами, показывая, что все под контролем. — Та-ак... А мы почему-то считали, что именно вас назначили охранять мисс Линд. Наверное, ошиблись?

— Да нет, все правильно, — подтвердил Камин. — У нас вечерняя смена. Милая девушка, эта мисс Линд. Мы с ней всю дорогу до спортзала болтаем.

— Угу. В таком случае нам с агентом Уилкинсом любопытно, почему вы оба здесь, а не на посту?

— Да все в порядке, — махнул рукой Камин. — Просто сделали рокировку с другим копом, понимаете?

— Рокировку... понятно. А напомним мне, как это происходит? — попросил Паллас.

— Все из-за того, что у Камерон сегодня важное свидание, — объяснил полицейский.

— Свидание? — вскинул голову Джек.

— Ну да, знаете, — вступил в разговор Фелпс, — с Максом, банкиром, с которым она познакомилась на эскалаторе в «Блумингдейл».

— Должно быть, я пропустил этот момент.

— О, это суперская история, — уверил ФБРовца Камин. — Камерон налетела на парня, сходящего с эскалатора, у нее раскрылась сумка с покупками, а парень сказал, что ему нравятся ее туфли.

— А-а, «приятная неожиданность», — с ухмылкой протянул Уилкинс.

— Что это ты только что сказал? — бросил на него острый взгляд Паллас.

— Ну, «приятной неожиданностью» в романтических комедиях называют первую встречу между главными героями, — объяснил напарник и задумчиво потер подбородок. — Прямо не знаю, Джек... если у Камерон случилась «приятная неожиданность» с другим мужчиной, тебе ничего приятного не светит.

Джек чуть голову не сломал, пытаясь понять, какого лешего могут означать эти слова.

— Я бы так далеко не гадал, — покачал головой Фелпс. — Камерон еще не решила наверняка насчет этого парня. У него никак не получается, чтоб работа не мешала личной жизни. Но свадьба Эйми здорово поджигает — у Камерон осталось всего десять дней, чтобы подыскать себе спутника.

— Она же почетная свидетельница, понимаете? — уточнил Камин.

Паллас недоуменно уставился на собеседников. Их губы двигались, издавая звуки, но все сказанное было словно на каком-то непонятном языке.

— Лично я, — повернулся Камин к своему напарнику, — считаю, что ей просто-напросто следует пойти с Колином, раз уж он порвал с Ричардом.

— Да, но ты же слышал, что сказала Камерон. Им с Колином следует перестать использовать друг друга как палочку-выручалочку. Это мешает им строить отношения с другими людьми.

Невероятно. Джек запустил руку в волосы, испытывая искушение выдрать приличный клоч. Но тогда из-за Камерон Линд он заполучит проплешину и от этого разозлится еще сильнее.

— А можно вернуться к истории с рокировкой?

— Конечно, извините. Это было предложение Слонски. Выяснилось, что сегодняшнее свидание состоится в ресторане «Спьяджа». Знаете такой? — поинтересовался Фелпс.

ФБРовец кивнул. Никогда не бывал в заведении, но слышал о нем. Этот пятизвездочный ресторан — один из лучших в городе — находился в самой северной точке Великолепной мили^[11] и славился романтическим видом на озеро Мичиган.

— Ну так вот, наш детектив знаком с полицейским, который по вечерам работает там охранником. Поскольку этому парню уже известна тамошняя планировка и все такое, Слонски посчитал разумным поручить ему наблюдение за мисс Линд, пока та будет в ресторане, — объяснил Камин.

— Так ты и про другое скажи, — подтолкнул напарника локтем Фелпс.

Камин с обиженным фырканьем скрестил руки на груди:

— Слонски еще намекнул, что его знакомый лучше нас впишется в обстановку. Кто его знает, что он имел в виду.

Взгляд Палласа упал на манжеты выцветшей джинсовой рубашки полицейского, все в каких-то загадочных красных пятнах. В качестве наиболее вероятного подозреваемого напрашивался соус чили из хот-дога.

— Так что мы подбросили подопечную до ресторана, убедились, что она безопасно прошла внутрь, а потом, когда мисс Линд будет готова уехать, вернемся. Она позвонит, — добавил Фелпс.

Джеку не понравился изложенный план — у агента не вызвало восторга, что Слонски приставил к свидетельнице какого-то неизвестного парня. Хотя, проведя три минуты с Фелпсом и Каминем, он не испытывал уверенности, что было бы лучше, останься охранять

Камерон эта парочка. Однако Паллас рассудил, что придирааться особо не к чему: за данный аспект расследования отвечал Слонски, и, похоже, полицейские все продумали. Просто вся затея со свиданием в целом подпортила Джеку настроение.

Тем не менее, вместо того чтобы как-то выказать недовольство, агент поблагодарил Фелпса и Камина за доставленный отчет из лаборатории и отправил их восвояси, пока копы опять не завели свою болтовню о Камерон, о Максе, на которого ему наплевать, и о «приятной неожиданности». Значит, этот хлыщ сказал Камерон, что ему нравятся ее туфли — ну и что с того? Вся эта история для Джека была больше похожа на «отвратную неожиданность».

— Я горжусь тобой, Джек, — заметил Уилкинс после ухода полицейских. — Ни одного набыченного взгляда.

— Мы что, никак не оставим «набыченную» тему?

Прежде чем напарник успел ответить, снова зазвонил телефон. Паллас снял трубку:

— Слушаю.

На другом конце провода оператор, принимавшая звонки на главный городской номер Бюро, сообщила, что на линии Колин Маккенн.

— Соедините, — нахмурился Джек.

— Извините за беспокойство, — без вступления начал Колин, — но это касается Камерон, и я не знал, кому еще звонить. Как я понимаю, дело, к которому она причастна, является конфиденциальным.

— Что-то случилось? — спросил Джек. Услышав это, Уилкинс вскинул голову.

— Скорее всего, ничего не случилось. Камерон сегодня пошла на свидание. Возможно, она просто... занята.

«Если еще кто-нибудь заикнется об этом чертовом свидании...» — скрежетнул зубами Паллас.

— Но?

— Она не отвечает по мобильному. Я звонил уже несколько раз, и меня постоянно перебрасывает на голосовую почту.

— Возможно, мисс Линд просто отключила телефон, — предположил агент. Понятное дело, хочет, чтобы никто не мешал проворковать вечер с Максом — явным фетишистом женской обуви.

— Такое точно случилось бы впервые, — заметил Колин. — Насколько мне известно, Камерон ни разу прежде не выключала сотовый. Постоянно держит его включенным — из-за работы.

После этих слов Джек примолк.

— Хорошо, мы разберемся.

Положив трубку, Паллас повернулся к напарнику:

— Это был Маккенн. Утверждает, что Камерон не отвечает на звонки по мобильному. Может, просто сигнал в ресторане плохой, но лучше проверить.

ФБРовец позвонил Слонски. Когда детектив не ответил, Паллас послал ему сообщение на пейджер с просьбой срочно связаться.

— А Камин либо Фелпс упоминали имя того парня, который сейчас наблюдает за Камерон? — нахмурился Паллас.

— Нет, — покачал головой Уилкинс.

Джек быстро отыскал и набрал номер ресторана. Двадцать секунд спустя агент бросил

трубку, а уровень его недовольства поднялся отметок на десять.

— Автоответчик. Просит перезвонить через несколько минут, если я звоню в рабочее время. Очень любезно. У нас есть телефоны Фелпса или Камина?

— Нет.

— Позвоним в участок и тоже сбросим им сообщение на пейджер. Будет просто замечательно, если удастся отыскать хоть кого-то, знающего хоть что-то.

— Ресторан всего в двух милях отсюда, — заметил Уилкинс. — Может, я останусь дозваниваться полицейским и Камерон, а ты подъедешь туда и проверишь? При твоей-то скорости за пятнадцать минут обернешься.

Паллас кивнул — он и сам подумал о том же. Существовало множество совершенно невинных причин, по которым Камерон могла не отвечать на звонки. Но мысль об одной не такой уж невинной причине вынуждала действовать. И быстро. Джек сгреб ключи и сунул в задний карман джинсов.

— Фелпс и Камин утверждают, что видели, как мисс Линд входила в ресторан, так что нам хотя бы это известно. Когда дозвонишься туда, удостоверься у этого парня, которого Слонски привлек к наблюдению, кто бы он в черта ни был, что все в порядке, а потом набери меня. Скорее всего, это ложная тревога.

— А если нет? — полюбопытствовал напарник.

Джек дернул верхний правый ящик стола, достал оттуда запасной пистолет — компактный Глок двадцать седьмой модели — и засунул оружие в кобуру на лодыжке.

— Значит, станет ложной, как только я туда доберусь.

Потому что никто не навредит его свидетелям.

Даже этой.

* * * * *

Шесть минут спустя, пролетев по городу с таким превышением скорости, которое, не опасаясь разбиться или быть арестованным, может позволить себе только опытный водитель с удостоверением агента ФБР, Паллас затормозил возле одного из зданий на Великолепной миле. Оставив свой «Триумф» перед входом, Джек во избежание вызова эвакуатора предъявил значок охраннику в вестибюле и после короткого рывка вверх по эскалатору вошел в мраморное фойе ресторана «Спьяджа».

Из-за угла вынырнул метрдотель с обеспокоенным лицом.

— Извините — надеюсь, вам не пришлось долго ждать? Сегодня наплыв гостей больше, нежели предполагалось. Чем могу помочь? — Переведя дух, он заметил джинсы Палласа и окинул агента скептическим взглядом.

Федерал по-прежнему держал в руке удостоверение.

— Джек Паллас, ФБР. Ищу одну из ваших посетительниц, Камерон Линд. Темноволосая, лет тридцати, ростом примерно метр шестьдесят.

Метрдотель всмотрелся в значок.

— Энди сказал, что я не вправе предоставлять подобную информацию. И особо подчеркнул, что следует вызвать его, если кто-то начнет расспрашивать.

«Хоть это полицейские сделали правильно».

— Вот что я скажу — позовите Энди, а пока будете звать, я осмотрюсь. — Джек без проволочек прошел в главный зал и быстро оглядел заведение. Ресторан располагался на двух уровнях: в верхнем находился главный зал, в нижнем столики были расставлены под впечатляющими панорамными окнами.

Несмотря на вычурные люстры, освещение в зале было приглушенным — вероятно, чтобы подчеркнуть красоту вечернего города и озера Мичиган, — и ФБРовцу понадобилось несколько минут, чтобы пробежать глазами по публике на верхнем уровне. Не обнаружив свидетельницу, агент подошел к поручням балкона и начал высматривать ее внизу. Он заметил Камерон у окна, за вторым столиком слева. Одну.

Паллас на мгновение застыл и просто... смотрел. Потому что с балкона ему открывался сногшибательный вид.

И речь шла вовсе не об озере.

Мягкий свет горевшей на столе свечи бросал золотистые отблески на длинные каштановые волосы. Черное платье без рукавов обрисовывало каждый изгиб фигуры, которую, по мнению Джека, нельзя было не признать потрясающей.

Мисс Линд с подавленным видом сидела за столиком и смотрела в окно. Паллас наблюдал, как она отпила вино из бокала, взглянула на часы, затем закинула ногу на ногу, открывая разрез платья на бедре.

Джек заметил на столике только одну карту вин. Не требовалось быть спецагентом, чтобы догадаться, что произошло. Не то чтобы ему не все равно, но пресловутый Макс

просто кретин, раз оставляет такую девушку тосковать в ресторане в одиночестве.

В кармане блейзера завибрировал мобильный. Вытащив телефон, Паллас увидел, что звонит Уилкинс.

— Только что разговаривал с полицейским из ресторана. Зовут Энди Цукерман. Утверждает, что с мисс Линд все в порядке, — сообщил напарник.

— Я вижу ее, — подтвердил Джек. — Кажется, все нормально. Сейчас выясню, что случилось с ее сотовым, и перезвоню.

Паллас нажал отбой и направился к столику Камерон.

Камерон глянула на часы, размышляя, по истечении какого времени женщина, наряженная явно на свидание и сидящая в одиночестве за столиком одного из самых романтических ресторанов города, начинает смотреться просто жалко.

Она сказала себе, что допьет этот бокал. Камерон побаловала себя вином «Петит Сира» марки «Стэгс Лип» урожая 2006 года, не желая совершенно впустую угробить вечер.

Макс ее продинамил.

Положим, с формальной точки зрения не совсем продинамил, поскольку написал — да-да, эсэмэску, будто нельзя было выкроить минуту на звонок, — что задерживается на встрече с клиентом и не сможет прийти. Очень своевременное сообщение, учитывая, что на момент его отправки Камерон уже явилась в ресторан и ждала за столиком. Когда к посетительнице подошел официант, она заказала вино, надеясь выправить ситуацию шикарным-непринужденным видом типа «Нет-нет, сегодня я одна — люблю после напряженного трудового дня расслабиться в пятизвездочном ресторане с бокалом ароматного вина из ронских сортов». Хотя, с учетом разреза на платье и отпадно высоких (даже по ее собственным меркам) каблуков, сомнительно, чтобы кто-нибудь, включая официанта, повелся на эту жалкую уловку.

Когда Камерон, желая сперва немного успокоиться, не отреагировала незамедлительно на послание занятого банкира, тот прислал еще одно, с вопросом, на когда можно перенести их встречу. В очередной раз. В ответ Камерон отправила эсэмэску, что посмотрит свой график на месяц «никогдабрь» и даст знать. Затем, рассудив, что после такого ответа Макс захочет отписать фразу-другую, переключила телефон на беззвучный режим, не желая беспокоить остальных гостей ресторана сигналами входящих сообщений. Если честно, в ту минуту она не хотела, чтоб ее саму беспокоили.

Допивая вино, Камерон смотрела в окно, любовалась озером и размышляла о том, о чем склонна размышлять незамужняя тридцатилетняя женщина, сидя в одиночестве в ресторане. Лучшая подруга выходит замуж, а на свадьбу идти не с кем. Не с кем разделить столь волнующий момент, кроме Колина — но ведь Колин совсем не то. Понятно, что данный вопрос не самый важный — особенно на фоне гораздо более серьезных проблем, с которыми довелось столкнуться в последнее время, — но она наверняка не стала бы сильно отбрыкиваться, вздумай судьба преподнести ей один-два подарочка по части сильного пола.

— А что случилось с Максом?

С удивлением услышав знакомый голос, Камерон обернулась и увидела у своего столика Джека Палласа.

Судьба явно насмеялась над ней.

— Что вы здесь делаете? — нахмурилась Камерон. Просто замечательно. Именно тот мужчина, с которым она жаждала встречи.

— Вы не отвечаете на звонки. Проблемы с мобильным?

Джек выглядел недовольным. Та еще неожиданность...

— По-моему, телефон работает нормально. — Камерон полезла в сумочку, вытаскивала сотовый, чтобы проверить, и тут сообразила, что натворила. — Ой... я отключила звук, а потом, должно быть, из-за шума в ресторане не слышала вибрации. А вы пытались мне дозвониться? — прищурилась она на ФБРовца. — Что-то случилось?

— Колин пытался. Не смог с вами связаться, занервничал и набрал меня. У нас тоже не получилось дозвониться ни к вам, ни в ресторан, потому-то я здесь, — объяснил агент.

Камерон запустила пальцы в волосы, чувствуя ужасную усталость. Сегодня долгий день: выдержала один раунд сражения с оппонентом в суде, второй — с Бриггсом, а потом еще и ухажер продинамил. Судя по выражению лица Палласа, тот нацелился на очередную стычку, а Камерон сомневалась, что сейчас способна дать бой.

— Прошу прощения, — повинулась она. — Я не подумала, отключая звук. Извините, что вам пришлось попусту примчаться сюда. Бычьтесь на меня, сколько хотите, — имеете полное право.

Джек устроился на стуле напротив.

— С другой стороны, — продолжала помощница прокурора, — нелишне отметить, что офицер Цукерман весь вечер наблюдал за мной из бара, и у меня не было причин считать, будто я подвергаюсь опасности. Также хочу официально заявить, что необходимость держать при себе мобильный телефон постоянно включенным никогда даже не обсуждалась. Если вы полагали это требование частью защитного наблюдения, то должны были предварительно четко его сформулировать во избежание возникновения подобной ситуации.

Ну может, крошечная капелька сил для самого последнего раунда у нее и осталась...

Паллас положил руки на стол:

— Это худшее из всех извинений, которые я когда-либо слышал.

— Мне хватило времени его продумать. Поскольку моей вины в случившемся примерно тридцать процентов, вы и получаете тридцатипроцентное извинение.

— Понятно.

Камерон подождала, не скажет ли агент еще что-нибудь.

— И это все? Я ожидала гораздо большего. Ну там, брюзжания и сердитых взглядов.

— Если хотите, могу добавить парочку ругательств.

Она едва успела сдержать ухмылку:

— Не обязательно, но спасибо за предложение.

Собеседники немного посидели в молчании, настороженно поглядывая друг на друга.

— Вы так и не сказали, что стряслось с вашим спутником, — заговорил Джек.

— В последнюю минуту наши планы на вечер пошли вразрез с его работой. Третий раз за три недели. — Камерон сама не понимала, зачем добавила заключительный кусочек информации.

— Надеюсь, с туфлями в тот день вам повезло больше, — внимательно посмотрели на нее темные глаза.

Этот человек не переставал ее удивлять.

— Откуда вам известно, как я познакомилась с Максом? — поинтересовалась Камерон.

— Камин и Фелпс буквально фонтанируют сведениями. Кажется, им доставляет огромное удовольствие охранять вас.

— Поразительно, но некоторым людям я действительно нравлюсь.

— Одно время ты и мне нравилась, — негромко заметил Паллас.

Это было, как если бы посреди пластинки вдруг прервался звук, и зал накрыло тишиной.

Всю последнюю неделю они с Джеком избегали заговаривать о прошлом. Но теперь, когда противник первым дал залп, оставалось либо пойти на попятный, либо встретиться с ним лицом к лицу. А Камерон Линд не относилась к робкому десятку.

— Одно время чувства были взаимными.

Паллас какой-то миг обдумывал услышанное.

— Раз уж мы работаем вместе, пожалуй, нам стоит поговорить о случившемся три года назад.

Камерон отпила вино, стараясь выглядеть непринужденно, и возразила, тщательно подбирая слова:

— Вряд ли по этому поводу можно сказать что-нибудь, что принесло бы пользу.

Ответ Джека ее удивил.

— Я был неправ, заявив такое репортерше, и понял это сразу, едва закрыл рот. У меня тогда выдался... трудный период. Я собирался извиниться перед тобой. Вот только не представилось возможности.

Все, как она и предполагала. ФБРовец винил ее в своем переводе в Небраску, не подозревая, что находился всего в шаге от увольнения. Какая-то часть Камерон испытывала искушение открыть Джеку правду и высказаться здесь и сейчас. Но он так злился на нее за дело Мартино — да и вообще за все, — что было непонятно, как отреагирует. Если рассуждать логически, Камерон не имела достаточных оснований доверять Палласу, поэтому продолжала скрывать.

— Извинение принято, — будничным тоном отозвалась она, надеясь на том и закончить.

Лицо Палласа застыло.

— И это все?

— Вряд ли я могу сказать что-нибудь большее о случившемся три года назад. — «Не рискуя, что информация дойдет до Сайласа».

— Могла бы толком объяснить, почему так поступила. Знаю, что взбесил тебя своими словами, но неужели даже мой вид был настолько оскорбительным, что потребовалось вышвыривать меня из города?

Камерон поняла, что разговор пора прекращать.

— Наша беседа на эту тему — не очень-то хорошая идея.

Агент подался вперед, сверкая темными глазами в мягком свете горевших в центре стола свечей.

— Я же видел, как ты в то утро выходила из кабинета Дэвиса.

Злость взяла верх. Камерон тоже подалась вперед, встречая взгляд Палласа на полпути.

— Ты видел то, что хотел видеть, — отрезала она, уловила изумление на лице собеседника и поняла, что сболтнула лишнее. — Черт побери, Джек, оставь это дело в покое! — Камерон подхватила из-за стола и ушла, не рискуя проронить еще хоть слово.

Ожидая в вестибюле, Камерон натянула жакет и завязала пояс. Как для чикагского октября, вечер стоял теплый. Однако учитывая, что на улице все же октябрь, для платья с открытыми плечами понятие «теплый» являлось относительным.

— Спасибо, офицер, теперь на пост заступаю я.

При звуке голоса ФБРовца Камерон и полицейский, которым детектив Слонски подменил дежурных вечерней смены, обернулись. Джек широкими шагами спускался по эскалатору.

— Благодарю вас, агент Паллас, — с прохладцей в тоне отозвалась Камерон, — но в этом нет необходимости. Я побуду рядом с офицером Цукерманом, пока не подъедут Камин и Фелпс.

Агент проигнорировал ее возражение и продемонстрировал Цукерману значок:

— Джек Паллас. Пару минут назад вы разговаривали по телефону с моим коллегой и, следовательно, в курсе, что расследование, к которому имеет отношение мисс Линд, подведомственно ФБР. Я сам позабочусь о ее благополучном возвращении домой.

Цукерман кивнул и пожелал подопечной хорошего вечера. После того как полицейский ушел, Камерон сердито глянула на Джека:

— Зачем ты его спровадил?

— Затем что мы не закончили разговор.

— О, поверь мне, закончили.

— Нет, — мотнул головой Паллас и подступил так близко, что Камерон пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него. — Что ты имела в виду, когда заявила, что тем утром я видел лишь то, что хотел? Что еще мне следовало увидеть? — взгляделся Джек в ее лицо в поисках ответа.

— Если это такой метод допроса, — не сдавала позиций помощница прокурора, — он не срабатывает.

— Знаешь, когда мне нужно, отлично срабатывает.

— В таком случае, очень удачно, что я не планировала между нами продолжительной беседы.

— Может, по дороге домой ты больше воодушевишься этой идеей.

Камерон понадобилась секунда, чтобы понять сказанное:

— Я с тобой не поеду.

Джек качнул головой:

— Я уже позвонил Камину и Фелпсу и велел встречать нас у твоего особняка.

— С какой стати?

— Я же сказал, мы с тобой не договорили. А что? — чуть заметно улыбнулся Паллас. — Не доверяешь себе, когда я поблизости?

Камерон подняла бровь. Это вряд ли.

— Ладно, давай быстрее покончим с этим делом. Где твоя машина?

— Стоит на улице возле моей квартиры. А мы поедem вот на чем, — указал агент ей за спину.

Обернувшись, Камерон увидела припаркованный перед зданием мотоцикл. Она совершенно в них не разбиралась, поэтому, когда позже, во время пересказа Колину

подробностей прошедшего вечера, в этом месте журналист перебил подругу и засыпал пятью тысячами вопросов о том, какой именно мотоцикл водит Джек, весь ее ответ свелся к следующему: нет, не «Харлей», и нет, не какой-то из скоростных спортивных байков тоже.

Стальной зверь был серебристо-черным и, как решила Камерон после осмотра, определенно в стиле «плохого парня» — только элегантного и рафинированного плохого парня. Он очень подходил Джеку.

И все же это оказался мотоцикл.

— Я на эту штуку не сяду, — заявила Камерон.

— Никогда раньше не каталась на байке? — догадался Паллас.

— Нет. Не мой вид транспорта.

— Откуда ты знаешь, если никогда на нем не ездил?

— Начнем с того, что мотоциклы опасны.

— В правильных руках — нет, — забрался за руль агент.

Язвительный ответ уже был наготове, но слова так и замерли у Камерон на губах. Мама дорогая, на мотоцикле этот мужчина смотрится просто возмутительно великолепно.

— Давай, — мотнул головой Джек, — садись и поехали.

Камерон приблизилась.

— Ну и как предположительно я сяду на эту штуковину в платье?

Нахал даже глазом не моргнул.

— С таким разрезом получится запросто.

Та-ак.

Он заметил разрез.

Камерон подтянула платье и полезла на мотоцикл, в процессе посадки обнажив приличную часть бедра. Ой... Она одернула жакет, раздумывая, много ли увидел Джек, и, подняв глаза, по выражению его лица поняла, что предостаточно.

— Ну вот, платье отлично справилось с задачей, — заметил спутник с блеском в глазах потеплее, чем привыкла видеть Камерон.

Пассажира намотала ремешок сумочки на запястье, саму сумочку пристроила себе на колени и осмотрелась вокруг сиденья в поисках ручек.

— А за что мне держаться?

— За меня.

Оч-чень удобно.

— Пожалуй, надо было держаться Фелпса и Камина, — нервно заметила она.

— Слишком поздно давать задний ход. — Паллас потянулся за спину Камерон и достал из-за сиденья шлем. — Как знать, может, ты удивишь саму себя и полюбишь такую езду. Надень, — протянул он шлем спутнице.

— А ты?

— Обойдусь.

По крайней мере это заставит водителя ехать осторожнее — во всяком случае, так надеялась Камерон. Она нахлобучила шлем на голову, а Джек тем временем завел громко взревевший мотор. Камерон непроизвольно ухватила за талию спутника и придвинулась ближе, чтобы крепче держаться.

Прежде чем они тронулись с места — раз это вполне могли быть ее последние слова, — Камерон открыла забрало мотоциклетного шлема и подалась вперед, чтобы перекричать рев двигателя:

— Только не натвори глупостей. Я — старшая свидетельница на свадьбе лучшей подруги, и Эйми меня убьет, если я окажусь вынуждена ехать по церкви на инвалидной коляске и в гипсовом корсете. Плюс именно для этого случая я купила новые туфли на десятисантиметровой шпильке, а они не очень-то сочетаются с костылями.

И опустила щиток.

Джек развернулся к пассажирке и поднял забрало обратно.

— Не беспокойся — поскольку для тебя это первый раз, я буду очень нежен, — подмигнул он и закрыл шлем.

Камерон опять открыла забрало.

— Милая шуточка. Мне следует быть очаро...

Джек протянул руку и пресек пикировку, захлопнув защитный экран.

— Извини, больше никаких разговоров — это отвлекает водителя.

Внутри шлема Камерон раздраженно стиснула губы. Если Паллас убьет их обоих на этом дурацком байке, больше всего она будет злиться, что не ее слово в разговоре стало последним.

Но как только они отъехали от ресторана, боязнь мотоциклов быстро победила досаду на Джека, и Камерон крепко обхватила его за талию. Не проехав по Мичиган-авеню и полквартала, они остановились на повороте на Лейк-Шор-драйв. Через стекло шлема Камерон наблюдала, как на светофоре загорелся красный свет, затем желтый, и зажмурилась, когда огни стали зелеными и мотоцикл рванул с места с захватывающей дух скоростью.

Когда пассажирка открыла глаза, мотоцикл уже летел по тоннелю Оук-стрит. Затем они внезапно выскочили из-под земли и оказались на открытом пространстве, где по правую руку не было ничего, кроме широких просторов озера Мичиган. Огромные валы разбивались о волнорезы, и Камерон, не в силах удержаться, оглянулась через плечо на любимейший ею вид города: Хэнкок-билдинг и остальные величественно высящиеся вдоль берега небоскребы, мерцающие огни обзорного колеса на пристани Нэйви-Пир. Когда в очередной пронзительно холодный февраль она задавалась вопросом, почему живет в Чикаго, этот пейзаж служил ей ответом.

Мотоцикл проносился мимо зоопарка в Линкольн-парк и бухты. Камерон села ровней и придвинулась к спутнику. Воздух был прохладным, но пассажирка была одета в жакет, а Джек закрывал ее от встречного ветра. Ей не хотелось в этом признаться, но поездка оказалась... возбуждающей. Адреналин все прибывал, и несколькими минутами позже, когда водитель притормозил, чтобы съехать с Лейк-Шор у Бельмонт-Харбор, Камерон открыла щиток шлема.

— Поедем длинным путем, — затаив дыхание, шепнула она Джеку на ухо.

Из-за шума двигателя трудно было сказать наверняка, но Камерон была почти уверена, что расслышала довольный смешок. Когда скорость снизилась, пассажирка успокоилась и ослабила хватку на талии спутника. Ее правая ладонь невольно скользнула по торсу Джека, и Камерон ощутила, как в ответ на прикосновение напряглись твердые как камень мышцы его пресса.

Именно в этот момент она и стала думать о сексе.

В порядке самооправдания Камерон начала бы с того, что ее спутник был самым знойным мужчиной из всех, кто попадался ей на глаза — а теперь и в руки. Ситуацию не облегчало и то обстоятельство, что этот мачо оказался между ее бедер. Пока они

неторопливо ехали по боковым улицам, Камерон старалась не думать о всяких аморальных вещах. Но затем мотоцикл остановился перед перекрестком, и, увидев, как Джек, поддавая газу, поглаживает руль — почти с нежностью, — она начала воображать, как эти руки могли бы поглаживать кое-что другое. Сильные мужские руки, которые могли бы поднять ее, уложить, перевернуть, прижать к стене... и тут Камерон поняла, что ее мысли углубились в непристойности настолько, что вытащить их оттуда получится только при помощи пожарной лестницы, поэтому с тем же успехом можно спокойно предаваться своим ужасным фантазиям.

В ее воображении дело дошло как раз до самого интересного — мысленно Камерон переиграла недавний эпизод, когда федералы явились побеседовать с ней о защитном наблюдении. Только на этот раз в доме были лишь она и Джек (неважно, как агент попал внутрь — несущественные подробности), Камерон только-только вышла из душа (разумеется, с безупречным макияжем и прической), а Паллас уже ожидал ее в спальне (что вряд ли было желательно в действительности, зато необходимо для динамичного развития сюжета). Федерал лукаво осведомился насчет того, намерена ли свидетельница сотрудничать, она ответила такой же двусмысленностью (Камерон так и не придумала точной фразы, но с этого места слова становились лишними), а затем уронила свое полотенце на пол, подошла к Джеку, и они без дальнейших разговоров повалились на кровать и...

Притормозили перед ее домом.

* * * * *

Мотоцикл остановился, и Камерон сморгнула, возвращаясь в реальность. Она осталась сидеть, поскольку требовалось время, чтобы собраться и попытаться сосредоточиться на том факте, что мужчина рядом с ней — Джек Паллас, символизирующий исключительно проблемы в истории их недолгих и натянутых отношений.

Заметив, что пассажирка не двигается, ФБРовец обернулся и откинул забрало ее шлема: — С тобой все нормально?

— Конечно, я в порядке, — выпалила Камерон, стащила шлем, отдала его Джеку и даже умудрилась безразлично взглянуть. Во всяком случае, ей думалось, что безразлично.

— Ты что, покраснела? — присмотрелся к спутнице Джек.

— Вряд ли, — повела она плечом. — Наверное, просто щеки обветрились.

— Ты же была в шлеме.

Точно. Пора уходить.

Камерон слезла с сиденья так поспешно, как только позволили платье и высокие каблуки. Джек остановил мотоцикл у бровки, и эти несколько лишних сантиметров помогли пассажирке быстрее спуститься на землю.

— Спасибо, что подвез. Спокойной ночи, — решительно кивнула она на прощание, повернулась и направилась к калитке.

— Постой — мне надо проверить дом.

Камерон, совершенно забывшая об этой процедуре защитного наблюдения, запнулась.

— Что ж, давай тогда побыстрее, — бросила она через плечо, дошла до калитки и только потянулась к ручке, как тут ее пальцы накрыла мужская ладонь.

— Что, не терпится от меня отделаться?

— Ага, — развернулась лицом к спутнику Камерон.

Джек замолчал, словно увидев такое, чего не ожидал, и сделал шаг в ее сторону:

— Почему ты на меня так смотришь?

Ох-хо... беда.

— Как «так»? — попыталась прикинуться шлангом Камерон, открыла калитку и попятилась к крыльцу.

Паллас продолжал наступать:

— Вот так.

Опираясь ладонью на каменные перила, Камерон начала не спеша подниматься по ступеням:

— Тебе кажется.

Джек медленно покачал головой:

— Нет, не кажется.

— Должно быть, я перевозбудилась от своей первой поездки на мотоцикле, — соврала Камерон. «А может, от мыслей о чем-то совершенно другом».

Бесстыдница.

— Господи, Камерон, — сжал челюсти Джек, тесня спутницу к входу, и его лицо выражало отчасти досаду, отчасти... вот это да — нечто совершенно иное. — Что, черт возьми, я должен делать, когда ты так на меня смотришь?

— Не обращай внимания. Сосредоточься на том факте, что ты меня ненавидишь.

— Я пытаюсь. Пытаюсь изо всех сил.

Камерон очутилась в ловушке между ФБРовцем и дверью. Интересно, слышит ли он бешеный стук ее сердца?

Джек положил ладонь ей на бедро. Обычное прикосновение, и тем не менее у Камерон перехватило дух. Прижатая спиной к двери, она не могла двигаться — только неглубоко и часто дышать от предвкушения.

Взгляд Палласа упал на ее полураскрытые губы. Он скользнул другой рукой к затылку Камерон и немного наклонил ей голову, пригвождая взглядом темных глаз, таким жарким, что у нее стало горячо в желудке.

Камерон понимала, что может оттолкнуть его, если захочет.

Но она не хотела.

Темный взгляд сделался мягче.

— Камерон, — хриловато произнес Джек, и она почувствовала, будто тает прямо на месте. Зная, что именно он собирается сделать, она закрыла глаза и ощутила, как губы Джека легонько провели по ее губам, перед тем как он...

Остановился.

Видя, что Паллас отстранился, Камерон сконфуженно заморгала.

— У нас гости, — сдавленным голосом объяснил он.

Камерон глянула поверх его плеча и увидела припаркованный перед домом знакомый автомобиль без опознавательных знаков. Фелпс и Камин.

— Когда они подъехали?

— Только что. Я услышал, как остановилась машина. Ключи есть? — указал ФБРовец на дверь.

— В сумочке, — кивнула Камерон, стараясь прийти в себя, затем вытащила связку и отперла замок.

Джек прошел мимо нее внутрь дома.

— Оставайся на пороге, где полицейские смогут тебя видеть, — велел он и отправился осматривать особняк.

Камерон стояла и ждала, пытаясь осмыслить случившееся между ней и Джеком. Рассудок быстро согласился с тем, что она чуть было не совершила огромную ошибку, а вот тело, похоже, осталось при особом мнении.

«Образумься», — приказала себе Камерон, когда Паллас спустился по лестнице со второго этажа.

— Все чисто, — сообщил он, приближаясь.

Камерон ретировалась с порога, понимая, что сейчас держаться на расстоянии — лучшее средство защиты.

Агент заметил ее поспешное отступление.

— Не забудь запереть за мной дверь, — коротко бросил он и вышел.

* * * * *

Джек сбежал по ступеням, пытаясь определить, в какой конкретный момент превратился в законченного идиота.

Он чуть не поцеловал ее. И поцеловал бы, не явись полицейские именно тогда, когда явились.

Определенно, поцелуй был плохой идеей. Похоже, хотя бы в этом их мнения совпадают.

От взгляда, которым его одарила слезшая с мотоцикла Камерон, он на какой-то миг утратил бдительность, но сейчас снова собран и сосредоточен. Она же свидетельница в его расследовании. Что еще важнее, она — Камерон Линд, а это значит «Держись подальше!». В прошлый раз, слишком приблизившись к этой красотке, он обжегся. Болезненный опыт. Не хотелось бы пережить такое еще раз.

Палласу нравилось снова оказаться в Чикаго. Он любил уединение и не имел кучи друзей, но недалеко от города жили его младшая сестра и двухлетний племянник. На сей раз Джек собирался обосноваться здесь насовсем. Из-за чего нельзя допускать никаких косяков, особенно в делах, к которым причастна Камерон Линд.

Агент обошел особняк по периметру, убеждаясь, что все окна и двери закрыты. Завершив обход, он запер калитку и направился к стоявшей у тротуара машине. Кто его знает, сколько успели увидеть Камин и Фелпс, но по мере приближения Палласа полицейские не ухмылялись и не пялились во все глаза, и он воспринял это как хороший знак.

Стекло со стороны пассажира поползло вниз, и, едва глянув на выражение лица старшего из дежурных, Джек понял, что попал-таки в переделку.

— Так вот почему вы захотели сами отвезти ее из ресторана домой, — одобрительно осклабился Камин.

— Значит ли это, что Камерон не пойдет на свадьбу с банкиром Максом? — перегнулся через сиденье Фелпс.

Вот тебе и понадеялся, что никто ничего не заметил.

Между тем в западной части города Грант Ломбард, напустив на себя безразличный вид, приближался к бару с моргавшей красным неоновой вывеской «Клуб «Рио». Без наплечной кобуры и пистолета охранник чувствовал себя будто гольшом, но попытаться пронести оружие в это заведение мог только недоумок, ищущий смерти.

Посетитель открыл дверь, из-за которой выплеснулись громкие ритмы сальсы. Не успел он ступить за порог, как был обыскан одетым в черное здоровяком с гарнитурой в ухе. Ломбард поинтересовался у охранника, где можно увидеть мистера Блэка. Это было все, что шепнул телохранителю нужный человек — спросить мистера Блэка. Верзила мотнул головой в сторону нескольких пустых кабинок в глубине клуба.

Грант выбрал ту, что была в углу, и уселся за столик. Вряд ли за музыкой кто-нибудь расслышит их с «мистером Блэком» разговор, но с учетом цели визита и всего поставленного на карту иметь поблизости лишние уши сенаторский телохранитель опасался. Подошла официантка, и он попросил принести чистый виски. Ломбард не собирался пить спиртное, но в подобных ситуациях главное — держать марку, а ему не хотелось показаться излишне нервным или настороженным.

После того как официантка принесла заказ, Грант прислонился к стенке и сделал вид, будто рассматривает танцоров на площадке в центре клуба. На середине второй песни к столику приблизился высокий, худощавый мужчина лет сорока, одетый в белую хлопковую рубашку с открытым воротом, выпущенную поверх темных джинсов. Коротко стриженные волосы были высветлены, а на руках ниже закатанных рукавов виднелись татуировки. Телохранитель представлял себе немного другой типаж.

— Вы мистер Блэк? — спросил он.

— Угадали, — отозвался мужчина слегка скрипучим голосом и занял место напротив. — Говорят, мистер Ломбард, вам требуется информация о некоем расследовании ФБР.

Грант решил не спрашивать, откуда собеседник знает его имя.

— Говорят, Роберто Мартино может мне помочь.

Мистер Блэк закурил сигарету и пустил струю дыма через столик.

— Роберто Мартино не помогает людям, мистер Ломбард. Это люди ему помогают. Скажите, сенатор Ходжес в курсе, что вы здесь?

Телохранитель решил также не спрашивать, откуда известно, на кого он работает.

— Сенатору не нужно об этом знать. Меня послал начальник его секретариата, — ответил Грант, разыгрывая спектакль, словно явился сюда исключительно по приказу

Дрисколла. Хотя вряд ли кто-нибудь прознает об этой встрече. Клуб «Рио» не из тех заведений, которые выдают свои тайны.

— С какой стати мне беспокоиться за какого-то там начальника секретариата? — прищурился мистер Блэк.

— Он — доверенное лицо очень влиятельного человека. Вашему боссу могут когда-нибудь пригодиться связи с сенатором.

Собеседник снова затянулся сигаретой, обдумывая услышанное.

— Могут пригодиться. А могут и не пригодиться.

— Возможно, вам будет небезынтересно узнать, что у сенатора Ходжеса и мистера Мартино есть общий враг.

— У мистера Мартино много врагов. Выражайтесь поконкретнее.

— Джек Паллас. — Телохранитель заметил вспыхнувший в глазах Блэка огонек узнавания. — Выходит, вы с ним знакомы.

— Да... — кивнул собеседник. — Я знаю Джека Палласа. Хотя во время нашего знакомства его звали иначе. — Теперь гангстер казался гораздо более заинтересованным. — Что вам о нем известно?

— Что он внедрился в вашу организацию. Что подставил Мартино и прикончил нескольких ваших людей.

Мистер Блэк немного помолчал.

— И что же вы хотите, мистер Ломбард?

— Паллас руководит расследованием убийства, которое затрагивает мистера Ходжеса. Федералы что-то скрывают от нас. Начальник секретариата попросил меня выяснить, что именно. Разумеется, он будет весьма признателен за содействие в данном вопросе. Как главный советник сенатора он надеется однажды оказать вам ответную услугу. — Конечно, Грант приврал, но, по его соображению, если когда-либо Роберто Мартино соберется востребовать долг, пусть лучше это будет проблемой Дрисколла.

Словно по молчаливому приказу, из ниоткуда появилась официантка и поставила перед мистером Блэком пепельницу. Тот стряхнул пепел, покрутил сигаретой по краю, закругляя тлеющий кончик, и снова затянулся. Грант видел, что гангстер размышляет над его предложением.

— Взгляните на ситуацию с такой точки зрения: помогая нам, вы пускаете псу под хвост расследование ФБРовца, — добавил охранник. — Что бы ни скрывал Паллас, эта информация достаточно важная, раз он так сильно не хочет, чтобы о ней хоть кто-то узнал.

Мистер Блэк откинулся на стенку кабинки, мрачновато ухмыляясь:

— Кажется, вы слишком уверены, будто мы на дурняк выложим нужные вам сведения. По-моему, вы преувеличиваете неприязнь мистера Мартино к этому федералишке.

— В самом деле?

Собеседник поначалу ничего не ответил, а после очередной затяжки поднялся:

— Ждите здесь.

Грант медленно выдохнул. Похоже, у него есть шанс получить кое-какие ответы, если только подручный Мартино не вернется с парочкой головорезов и автомобилем с легкомоющимся пластиковым багажником.

Через несколько минут мистер Блэк снова появился и бросил на стол сложенный листочек бумаги.

— Вот кто вам поможет. Встреться с ним по указанному адресу в субботу в десять часов

вечера. Теперь ты наш должник, Ломбард. Не какой-то начальник секретариата или кто там еще, а именно ты. Надеюсь, что информация, которой располагает наш осведомитель, стоит того.

Грант ощутил поднимающуюся в душе злость, хотя постарался не выказать никакой реакции. Он тоже надеялся, что информация окажется стоящей. Рассчитывал на это. Развернув бумажку и увидев имя и адрес, он вскинул голову, уверенный, что его разыгрывают:

— Этого не может быть.

— Может. — Мистер Блэк вышел из кабинки и исчез в толпе.

Ломбард снова взглянул на листочек. Он не был лично знаком с указанным человеком, но, конечно же, узнал имя. Это имя узнал бы любой, имеющий отношение к государственным и силовым структурам, особенно в Чикаго.

Сайлас Бриггс.

Сойдя вместе с Уилкинсом с самолета, Джек проверил время. Из-за отложенного рейса агенты выбились из графика больше чем на три часа. Вот тебе и преимущества воздушного сообщения.

Правда, Паллас был в плохом настроении еще до задержки вылета. Пока агенты дожидались посадки, телефонным звонком напомнил о себе начальник, желавший услышать последние новости по расследованию. Джек понимал, что Дэвис прессует подчиненных, поскольку на него самого нажимает директор ФБР. Увы, докладывать было особо не о чем.

Последние три дня напарники угробили на опрос свидетелей, при этом мало что выяснив. Первым делом они отследили прежних клиентов и бывших парней Мэнди Робардс, ища того, кто мог бы приревновать ее за амуры с Ходжесом. Поиски в этом направлении дали нулевой результат. Хотя за свои профессиональные таланты Мэнди была любимицей у клиентов, похоже, никого из них — если уж на то пошло, и никого из ее бывших воздыхателей — особо не заботил тот факт, что девица занималась сексом и с другими мужчинами. Почти никто — а может, и совсем никто — не питал к мисс Робардс маломальски серьезных чувств. Красотка делала то, что ей следовало по работе — судя по всему, просто виртуозно, — однако личные привязанности при этом сводила к минимуму.

Как ни странно, Джек действовал по той же схеме, что и Мэнди Робардс. В ряде профессий, чтобы делать то, что должно, требовался определенный уровень отстраненности, некое «выключение» эмоций. Это было одной из причин, почему гневная вспышка перед репортершей удивила самого Джека больше, чем кого бы то ни было: он редко терял хладнокровие, даже в наиболее напряженных ситуациях. Хотя Камерон Линд как раз обладала чрезвычайно раздражающей способностью доставать его до печени.

Слово «раздражающая» без сомнений было девизом этой недели. В последнее время Паллас и двух шагов не мог ступить, не натолкнувшись на какого-нибудь субъекта, которому явно было нечего делать, кроме как доводить ФБРовца до белого каления. Их с Уилкинсом командировка приносила одно разочарование за другим.

Накануне напарники вылетели в Нью-Йорк для отработки списка людей, которые могли иметь зуб против сенатора. Список основывался прежде всего на недавнем назначении Ходжеса главой сенатского комитета по делам банков и жилищному и городскому хозяйству. Билл Ходжес был ярким сторонником ужесточения регулирования и контроля деятельности финансовых учреждений, в особенности инвестиционных банков и хедж-фондов. Первой же инициативой сенатора на новом посту стало возбуждение ряда сенатских расследований в отношении недобросовестных методов торговли и коллапса фондовых рынков — шаг, сделавший политика крайне непопулярным среди заправил Уолл-стрит.

Джек не думал, что найдется команда юристов, с которой будет потруднее иметь дело, чем с адвокатами Ходжеса. Поездка в Нью-Йорк доказала, как сильно он ошибался. Хотя в итоге ФБРовцам удалось встретиться с большинством руководителей финансовых учреждений из имеющегося списка, побеседовать с ними с глазу на глаз оказалось непросто. В конце концов многие уступили настырности Палласа, остальные — обаянию Уилкинса. И все же несколько самых упертых наотрез отказались лично разговаривать с кем-либо из ФБР. Короче, эти деньки выдались долгими.

Пока агенты находились в Нью-Йорке, Джек поручил одному из сотрудников

следственного отдела в чикагской конторе сделать подборку фотографий всех опрошенных за последнюю неделю. Первоначально (до задержки рейса) план был таков: Паллас с Уилкинсом заскочат в офис за подборкой, а затем подъедут к мисс Линд домой, чтобы показать ей снимки. Джек надеялся, что свидетельница опознает кого-нибудь, виденного вечером накануне убийства — возможно, замеченного ею в вестибюле гостиницы, в ресторане или того лучше — на самом тринадцатом этаже.

Когда ФБРовцы шагали по терминалу «Юнайтед Эйрлайнс», направляясь к многоэтажному паркингу с суточной оплатой, где вчера утром оставили машину Уилкинса, напарник поинтересовался:

— Как считаешь? Сейчас семь пятнадцать. Думаешь, ехать к мисс Линд уже поздно? Я ведь обещал, что мы заглянем еще несколько часов назад. Она упоминала о планах на сегодняшний вечер — может, ее уже и дома-то нет.

— О каких еще планах? — покосился Джек.

Уилкинс пожал плечами:

— Она не уточняла. А что?

— Ничего. Просто спрашиваю. — Паллас вытащил мобильный и набрал Камина. После провального инцидента в среду ФБРовец взял номера у обоих дежурных, чтобы иметь возможность связываться с ними в любое время.

Камин ответил и подтвердил, что Камерон еще дома.

— И сколько-то там пробудет: к ней пришли несколько подруг и, похоже, девушки пока никуда не собираются.

Поблагодарив за информацию, Джек нажал отбой, не желая давать полицейскому возможности пройтись по поводу почти увиденного вечером в среду. В представлении Палласа «почти» было ключевым моментом. Если бы он действительно поцеловал Камерон, то оказался бы вынужден признать этот факт хотя бы перед самим собой. Но поскольку случился всего лишь «почти» поцелуй, можно было и дальше делать вид, будто вообще ничего не произошло. Именно так Джек и собирался поступить.

— Почему бы не позвонить Камерон и не спросить, не возражает ли она, если мы заскочим прямо сейчас? — предложил Уилкинс.

— Потому что она возразит, а завтра я не могу, — отрезал Джек. Это был первый его выходной со времени возвращения в Чикаго, и Паллас запланировал повести племянника в океанариум. — Затем с понедельника она вернется в офис, а я предпочел бы не беседовать с ней в прокуратуре. Никто не должен знать, что мисс Линд работает с нами по этому делу.

— Если хочешь видеть ее, Джек, в этом нормально признаться.

— Конечно, я хочу видеть ее — чтобы она посмотрела все эти фотографии.

Напарник похлопал его по плечу:

— Ври так и дальше, дружище.

* * * * *

Порой ослиное упрямство Джека вылезало боком ему самому.

И сегодня был именно такой случай.

Паллас стоял перед особняком Камерон, обозревая обстановку. Судя по тому, что было видно в окна, внутри дома тусовались по меньшей мере полтора-два десятка женщин.

— По-моему, вы говорили, что к мисс Линд пришли *несколько* подруг, — буркнул ФБРовец Камину.

Вместе с Фелпсом и Уилкинсом они стояли рядом возле машины дежурных, наблюдая с улицы за тем, как очередная девица в джинсах, на высоких каблуках и с розовым подарочным пакетом в руках поднимается на крыльцо дома Камерон и звонит в дверь. Открыла стройная, стильно одетая блондинка. Последовал вихрь приветственных взвизгов и объятий, затем дверь закрылась, и снова все затихло.

Полицейский пожал плечами:

— На тот момент их было действительно несколько.

— И вы не сочли нужным упомянуть по телефону, что в доме у мисс Линд сегодня девичник?

— Кто ж знал, что вы собираетесь примчаться сюда, агент Паллас?

Джек заткнулся, сознавая, что сам на это напросился.

— Как по-вашему, для чего эти розовые пакеты? — с благоговейным трепетом в голосе поинтересовался Уилкинс.

— Игра такая, — объяснил стоявший рядом со столь же круглыми глазами и восхищенным видом Фелпс. — Каждая девушка покупает комплект нижнего белья, из тех, которые обычно носит сама. Невеста должна угадать, кто какой комплект принес. Если промахивается, хлопает рюмашку. Если угадывает, пьет гостя.

— Камерон опасалась, что Эйми посчитает забаву пошлой, но кузины, видите ли, настояли, — добавил Камин.

— Парни, это дело вас явно затягивает, — покосился Джек.

Фелпс ослабил:

— Когда такая красotka, как мисс Линд, рассказывает про нижнее белье, поневоле заслушаешься.

— А ты, Джек, как? Смог бы? — полюбопытствовал Уилкинс.

— Смог бы что?

— Двадцать комплектов белья. Смог бы определить, какой из них принадлежит Камерон?

Палласа пытали, угрожая ножом, пистолетом, да пожалуй, всем, что только можно себе вообразить, но ни от одного чертового вопроса Джек не вертелся ужом на сковороде так, как от этого.

Потому что теперь он думал о ее нижнем белье.

— Не понимаю, с какой стати я должен в этом разбираться, — буркнул он в ответ. — Думаешь, ты определил бы?

— Нет, но ведь не я же три дня назад пытался ее поцеловать, — подначил напарник.

— Ваша парочка сплетничает всем подряд обо всем без разбору, да? — свирепо зыркнул Джек на полицейских и кивнул Уилкинсу: — Нам пора.

Тот мотнул головой:

— Ну уж нет. Мы приехали, чтобы показать мисс Линд фотографии, и мы это сделаем.

— Ты же не всерьез собираешься заявиться туда, — указал Паллас на особняк.

— О, еще как собираюсь, — воодушевленно заблестели глаза Уилкинса. — И ты со мной, напарник.

— Не ты ли считал, что рыться в дамской сумочке — святотатство? Вторжение на девичник вообще переходит всякие границы.

Уилкинс азартно потер руки.

— Знаю. Но вдруг мне больше никогда не представится такой возможности?

— Сэм, ты же агент ФБР, — напомнил напарник.

— А еще я холостяк, Джек. А внутри этого дома два десятка шикарных девиц надираются и выставляют напоказ свои трусики. Тут даже думать нечего. — Уилкинс оттолкнулся от машины и направился к калитке.

— Тебе легко говорить, добрый коп. Это ведь мне сейчас намылят шею за твою придумку, — проворчал Паллас, шагая следом.

— Знаю, — ухмыльнулся Уилкинс. — Вот почему ситуация просто идеальная.

* * * * *

Камерон стояла перед открытым холодильником, пытаясь отыскать место, чтобы втиснуть все тарелки с оставшимся сыром, фруктами и шоколадными трюфелями.

— Ну, и когда явится стриптизер? — выдвинувшись бочком из-за дверцы, поинтересовалась Джолин, двоюродная сестра невесты.

Покачав головой, Камерон приглушенным голосом ответила:

— Я же сказала — никаких стриптизеров. — Стоит Эйми сегодня вечером хотя бы услышать это слово, и мало не покажется. В качестве почетной свидетельницы Камерон получила подробный перечень приемлемых занятий и развлечений на девичнике, и обнаженные мужчины в нем безоговорочно отсутствовали.

Следующей из-за дверцы холодильника высунула голову Мелани, что было вовсе не удивительно. Сестры, как подтяжки, шли в комплекте: если видишь одну из них, наверняка поблизости окажется и вторая.

— Мы думали, ты сказала это не всерьез, просто чтобы Эйми ничего не заподозрила, — надулась девица. Камерон заметила, что сестры имели странную оборонительно-наступательную манеру использовать местоимение «мы», выражая свое персональное недовольство чем-либо.

— Да, мы думали, ты притворилась, чтобы всех потом удивить, — добавила Джолин.

— Если вопрос в деньгах, мы с удовольствием поучаствуем, — вставила Мелани.

Камерон вынужденно прикусила язык. Ну да, на голых мужиков сестрички готовы потратить и время, и деньги — хотя до этого момента не торопились предложить ни то, ни другое. Но во имя сохранения мира в стане подружек невесты пришлось нацепить улыбку.

— Дело не в деньгах. Я обещала Эйми. Извините. — В обмен Камерон добилась от подруги аналогичного обещания на тот случай, если сама когда-нибудь окажется невестой. Хотя в свете последних событий такое маловероятно, учитывая, что у нее нет (а) никакого парня и (б) никаких перспектив. В личной жизни определенно потянулась полоса неудач: сначала Макс, затем этот странный почти-поцелуй с Джеком на крыльце. «Посттравматический стресс», — решила Камерон. Несомненно. В конце концов, она же своими ушами слышала убийство — а после таких переживаний странные и противоречивые поступки практически ожидаемы.

На кухню зашла Эйми:

— Камерон, там кто-то стоит под дверью. Какой-то мужчина.

Сестрички с загоревшимися глазами обменялись жадными взглядами: «Прибыло мужское тело».

— Ты же обещала, — обвиняюще ткнула пальцем в хозяйку дома невеста. — Если это то, что я думаю, имей в виду: в свое время поплатишься сторицей.

Проскальзывая мимо подруги, чтобы открыть дверь, Камерон улыбнулась:

— Успокойся. Это наверняка водитель лимузина хочет дать знать, что он уже подъехал. Эйми пошла было следом, но затем резко свернула налево и ринулась по лестнице вверх.

— Ну серьезно, Эйми — это не стриптизер, — расхохоталась Камерон.

— Просто поправлю макияж, — отозвалась подруга, молниеносно исчезая из виду.

Камерон посмотрела в глазок. Как ни странно, это оказался не шофер лимузина. Она открыла защелку, выскользнула наружу и притворила дверь обратно для пущей секретности.

— Агент Уилкинс... Все в порядке?

ФБРовец улыбнулся:

— А у вас, похоже, сегодня вечеринка. По какому-то конкретному поводу?

— Девичник моей подруги Эйми.

— Да вы что? Правда, девичник? Надо же, жаль, что мы не знали.

— Мы? — переспросила Камерон.

— Да еще Джек где-то тут ныкается. Сказал что-то насчет проверки наружного периметра. Это такой ФБРовский код для отлынивания. Вообще-то мы приехали, чтобы показать вам фотографии, как и договаривались. — Агент сдвинулся в сторону, пытаясь заглянуть за дверь.

— По-моему, мы договаривались посмотреть снимки гораздо раньше.

— Чертовы задержки рейсов. Ну да ладно, я понимаю, вы заняты. Можем заехать как-нибудь в другой раз. — И Уилкинс ослепил хозяйку дома одной из лучших улыбок доброго копа, которые ей доводилось видеть.

— Неплохо, — одобрительно кивнула Камерон. — Сегодня вам даже не потребовалось приносить мне кофе. В двадцать минут уложимся?

— В пятнадцать, — пообещал ФБРовец.

Камерон жестом пригласила его в дом.

— Скажу гостям, что вы пришли по одному из моих судебных дел. Разумеется, я ничего не говорила остальным девушкам. — Кроме Эйми, которая, как и Колин, была в курсе, что в качестве меры предосторожности за подругой установлено защитное наблюдение.

Дверь за ее спиной распахнулась, и на пороге возникли Джолин и Мелани.

— О чем это ты не говорила остальным девушкам? — требовательно спросила Джолин, но тут заметила Уилкинса и расплылась в улыбке: — Так я и знала! Камерон, ты все же нас надурила. Мы верили, что ты нас не разочаруешь. — Она смерила агента придирчивым взглядом с головы до пят: — Хм-м, какой-то вы щуплый. Надеюсь, хоть раздеваетесь полностью.

— Простите?

— Они думают, что вы стриптизер, — объяснила Камерон.

Похоже, Уилкинсу такое предположение польстило.

— О-о, прошу прощения, мэм, но я всего лишь агент ФБР.

— Ну конечно, — игриво подмигнула Мелани.

— А разве вы не должны быть в форме? — прищурилась Джолин. — С формой правдоподобнее.

— Я же специальный агент. А форму носят только стажеры.

— Это что-то новенькое, — обменялись взглядами Джолин и Мелани.

Камерон как раз собиралась предложить, чтобы Уилкинс предъявил сестричкам свой ФБРовский значок, но тут на крыльцо поднялся Джек, остановился на пороге и вежливо

кивнул:

— Извините за опоздание.

При первом же взгляде на новоприбывшего, одетого в джинсы, темный блейзер и рубашку с расстегнутым воротом, у кузин Эйми отвисли челюсти. Объективно Камерон знала, на что уставились девицы: высокий, темноволосый и так далее, и тому подобное; мужественное лицо и все такое; сексуальное, поджарое тело, словно специально созданное для всевозможного греха, — ну и что с того? Лично она, конечно же, не обращает на подобные вещи никакого внимания.

Ухватив хозяйку дома за рукав, Джолин оттащила ее в сторону.

— Мама дорогая — и сколько тебе пришлось за него отстегнуть? — шепотом поинтересовалась она.

— Видишь ли, — Камерон помедлила, — в агентстве не назвали точную цену. Наверное, кому-то придется спросить у этого парня, сколько он берет за полное раздевание.

Сестры переглянулись:

— Мы в доле, — и двинулись к Джеку.

Камерон про себя ухмыльнулась.

— Цена договорная.

Камерон развернулась от шкафчика, до которого пыталась дотянуться, и увидела возникшего на пороге кухни Джека.

Через секунду она сообразила, о чем речь, усмехнулась:

— Извини за недоразумение, — и поправила завязанную на талии тонкую черную кофточку с запахом, образующим глубокий треугольный вырез. В то время как Камерон тянулась за бокалами, горловина сползла с плеча, открывая взгляду надетую под низ кружевную маечку.

Пока Камерон возвращала вырез на место, Паллас помолчал, затем подошел ближе, положил папку, которую держал в руках, на тумбочку под шкафчиком и кивнул на полку, недосягаемую для хозяйки:

— Требуется помощь?

— Гм... Конечно. Требуются еще бокалы. А мне, по всей видимости, нужно начинать носить обувь на двенадцатисантиметровой шпильке. Вон те, слева, — указала на бокалы Камерон. — Не думала, что среди гостей так много любителей белого вина.

— Сколько тебе надо?

— Пока два.

Джеку даже не пришлось особо тянуться, чтобы достать требуемую посуду и вручить Камерон.

Та взяла бокалы, удивляясь, как это у них с Палласом на минуту получился нормальный разговор. Надеясь, что Джек не собирается заводить речь о том злополучном вечере, когда отвозил ее домой, она отвернулась, поставила бокалы на центральную стойку и, наливая вино, спросила:

— И часто вы с напарником вламываетесь на девичники? — Если вести себя как ни в чем не бывало, Джек, возможно, поступит так же, и они попросту забудут о странном происшествии на ее крыльце.

— Хочу официально заявить, — прислонился к стойке ФБРовец, — что идея войти в дом принадлежала исключительно Уилкинсу.

— Кстати, где он? — полюбопытствовала Камерон.

— В гостиной, отбивается от восемнадцати женщин, считающих его стриптизером. Я рассудил, что лучше будет шмыгнуть на кухню.

— И это называется «своих не бросаем».

— Если Сэм начнет вопить, я открою стрельбу и вытащу его оттуда. Ну как, готова? — поднял папку Джек. — Не хочу отвлекать тебя от вечеринки надолго.

Камерон кивнула и устроилась на табурете за стойкой. Агент начал раскладывать на гранитной столешнице снимки. Выложил первые два, затем остановился и окинул свидетельницу пристальным взглядом.

— Что такое? — поинтересовалась она.

— Сколько тебе пришлось сегодня выпить? — с подозрением спросил Паллас.

— Не так много, чтобы это стало твоей заботой.

Как мило, снова набыченный взгляд. А то она уже начинала по нему скучать.

— Сколько? — повторил ФБРовец.

— Всего бокал вина, — призналась Камерон. — Я ведь не планировала сегодня вечером смотреть на своей кухне фотографии подозреваемых.

— А как насчет рюмашек?

— Каких рюмашек?

— Ну этих, в игре с угадыванием белья, — Джек смущенно заерзал, словно ляпнув лишнее.

— И что вам известно про игру с угадыванием белья, агент Паллас? — подняла бровь Камерон, пародируя допрос.

— Больше, чем хотелось бы, — едко хмыкнул тот. — А теперь к делу.

Он выложил следующие три фотографии и снова сделал паузу:

— А куда девается белье после игры?

— Невеста оставляет себе для медового месяца.

— А-а. — ФБРовец продолжал раскладывать снимки, общим числом около пятнадцати. — Сейчас не торопись и внимательно посмотри на каждого. Может, ты видела кого-либо из них в лифте или встречала в вестибюле или коридоре. Если бы удалось связать одного из этих парней с гостиницей в ночь убийства, это стало бы прорывом в расследовании.

— Я так понимаю, все эти люди отрицают свое присутствие в «Пенинсуле» в интересующее нас время?

— На момент убийства — да. — Джек указал на две фотографии: — Вот сотрудники сенатора: Алекс Дрисколл, начальник его секретариата, и Грант Ломбард, личный телохранитель. Оба утверждают, что побывали в гостинице рано утром на следующий день. Согласно показаниям, Ходжес вызвал их после того, как я закончил его допрашивать.

Камерон сосредоточилась вначале на изображениях Дрисколла и Ломбарда, затем пересмотрела по одной все остальные фотографии и по завершении отложила стопку снимков в сторону.

— Увы, никто из этих людей не кажется мне знакомым.

— За прошедшую неделю ты ничего больше не вспомнила о мужчине, которого видела той ночью?

Свидетельница на мгновение задумалась — ведь действительно что-то такое было, что-то вертелось на самом краешке памяти... но продолжало ускользать.

— Ничего не приходит в голову. Все произошло очень быстро.

Джек провел рукой по шевелюре, на мгновение прикрыл веки и от этого жеста вдруг сделался поразительно... нормальным.

— Выглядишь уставшим, — заметила Камерон.

Паллас открыл глаза с выражением лица более мягким, чем обычно:

— Просто выдались длинные деньки.

— Вот вы где, — заглянула на кухню Эйми. — Камерон, а что это за игра с бельем? Я что-то не припоминаю такой в списке приемлемых занятий.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Поговори со своими двоюродными сестрами — это целиком их идея.

— Контролировать и пресекать подобные затеи — твой священный долг как почетной свидетельницы.

— Священный долг? — хихикнула Камерон. — Эйми, надеюсь, ты понимаешь, что чересчур сердиться по такому ничтожному поводу?

— О, вот сейчас передо мной повод по-настоящему разозлиться. — Подруга переключила внимание на федерала. — Агент Паллас... как приятно встретиться с вами лично. Разумеется, я помню вас еще с того времени, как вашу физиономию показывали в новостях. Господи, по какому же поводу это было? Ах, да — вы объявили на полмира, что моя лучшая подруга думает задницей вместо головы.

Джек повернулся к Камерон:

— Ты что, держишь под рукой своих друзей на случай, если я загляну, чтобы они по очереди на меня орала?

— Нет, но это действительно неплохая задумка для следующего раза. В прошлое воскресенье они встретились с Колином, — объяснила Камерон Эйми.

— О-о, и у кого лучше получается роль негодующего друга? У меня или у Колина?

— Старт был отличный. Но в конце вы оба просто сдулись.

— Вот гадство.

Камерон была абсолютно уверена, что боковым зрением уловила, как Джек силится не улыбнуться.

— Схожу, пожалуй, заберу Уилкинса, — обронил он. — А то если напарник прослышит о начале игры с бельем, его отсюда никогда не вытащить. Камерон, спасибо за уделенное время. Провожать не надо.

Эйми подождала, пока Паллас выйдет из кухни.

— Он глаз не мог отвести от тебя в этой маечке.

Камерон опустила глаза и увидела, что кофточка снова соскользнула с плеча. Бестолковая одежда растянулась после того, как хозяйка попыталась постирать ее вручную вместо того, чтобы сдать в химчистку. Она опять поправила горловину: — Что-то я не заметила ни единого взгляда.

— Смотрел-смотрел, пока ты разговаривала со мной, — уверила подруга. — Кстати, агент Уилкинс предложил, чтобы в бар нашу компанию сопровождали они с Джеком, а не те парни, которые дежурят на улице.

— Нет, — решительно отрезала Камерон.

— Поздно. Я уже сказала «да».

— Ну и зачем, скажи пожалуйста, ты согласилась?

— Любопытно увидеть, чем закончится сегодняшний вечер. Я ведь стояла на лестнице, когда Джек появился в дверях, и заметила, Кэм, как ты на него смотрела.

— Как смотрела? — в отчаянии воздела руки кверху Камерон. Каким бы ни был этот пресловутый «взгляд», она собиралась срочно предпринять против него самые строгие меры.

— Помнишь мультик про Тома и Джерри, где Том несколько дней не ел и воображает Джерри куском ветчины? — ухмыльнулась Эйми. — Что-то вроде этого.

* * * * *

— Категорически нет.

Джек стоял на крыльце дома, споря с Уилкинсом. Напарники, не напарники, пора установить определенные границы. Больше никаких девичников, никаких игр с нижним бельем и никакой Камерон в сползающей черной кофточке, серой шелковой маечке и узкой, словно карандаш, юбке, открывающей долгие-долгие дюймы шикарных ног. Еще немного, и причины, по которым он недолюбливает помощницу прокурора, начнут припоминаться весьма расплывчато.

— Поздно. Я уже сообщил Фелпсу и Камину, что следующие несколько часов прикрывать мисс Линд будем мы, — объявил Уилкинс.

Паллас посмотрел — машина полицейских по-прежнему стояла на улице.

— Они еще не уехали. Пойду скажу, что мы возвращаемся к первоначальному плану.

— Ты когда-нибудь бывал в этом «Особняке», Джек?

— Наше задание здесь состоит вовсе не в том, чтобы закатиться в какой-то шикарный клуб, — презрительно отмахнулся от вопроса Паллас.

— Расцениваю это как «нет», — отметил коллега. — А вот я бывал. Заведение открылось всего пару месяцев назад. Громадное — три этажа. Действительно особняк, построенный в начале прошлого века. Ну, ты знаешь эти старые дома: множество комнат, коридоров и, конечно, укромных уголков, особенно учитывая, что освещение в клубе приглушенное — для соответствующей атмосферы. Куча места, чтобы спрятаться, битком народу, громкая музыка. В таком заведении запросто можно угодить в неприятности, если за тобой приглядывают не те люди. Мисс Линд и моя свидетельница, — посерьезнело лицо Уилкинса. — Камин и Фелпс неплохие ребята, но на такое задание я бы предпочел пойти лично. Если ты не возражаешь.

Джек молчал, поскольку требовалось несколько секунд, чтобы переварить заслуженную отповедь, которой его только что попотчевали.

— Что, застал тебя врасплох? — осклабился напарник, становясь прежним Уилкинсом.

— Вот только не надо раздувать этот случай. Невероятно, но раз в пятилетку даже я могу ошибиться.

* * * * *

Этим же вечером Грант Ломбард в десять часов ждал в своей машине по адресу, указанному мистером Блэком. Место встречи оказалось заброшенным складом в западной части города. Прошло минут пять ожидания, прежде чем сенаторского телохранителя осенило, что это тот самый склад, который показывали в новостях три года назад — сцена легендарной перестрелки между Джеком Палласом и молодчиками Мартино. Кроме того, если слухи были правдивы, именно здесь федерала пытали в течение двух дней.

Грант забеспокоился. Вполне вероятно, его подставляют. Но он отбросил опасливое предположение, рассудив, что своим выбором мистер Блэк хотел, скорее всего, напомнить, что случается с теми, кто предает Роберто Мартино. Правда, у Ломбарда и не было подобных намерений.

Ведь это он убил ту девушку.

Ломбард не особо переживал по факту самого убийства. Если на то пошло, его больше раздражала необходимость любой ценой подчищать оставленный за собой бардак. Телохранитель переступил определенную черту: по роду занятий он общался со многими сомнительными личностями, но сделки с типами вроде Роберто Мартино — особая статья. К сожалению, это было вынужденное зло, обусловленное вмешательством ФБР. Грант не сомневался, что справился бы с ситуацией, участвуя в расследовании исключительно Департамент полиции Чикаго. Но Джек Паллас и та информация, которой располагал федерал, тревожили Ломбарда. А ему было не по душе тревожиться.

Грант услышал хруст гравия и увидел остановившийся перед складом черный «мерседес». Телохранитель вылез из своей машины и подошел поближе.

Дверь «мерседеса» открылась, показался водитель. Ломбард ухмыльнулся. А у Мартино и впрямь высокопоставленные дружки.

— Господин федеральный прокурор... Какая ирония судьбы, что мы встречаемся при подобных обстоятельствах.

Сайлас Бриггс обернулся с раздраженным и одновременно нервным видом. Должно быть, прокурор у Мартино на коротком поводке.

— Обычно я не так веду дела, Ломбард, — заметил он.

Грант небрежно прислонился к «мерседесу»:

— Для меня такое тоже в первый раз. Но боссу требуется содействие, а мистер Блэк обещал, что вы сможете помочь.

— Что нужно сенатору?

— Информация. Федералы о чем-то умалчивают, и нам хотелось бы знать, о чем именно.

— Ха, выходит, девушку прикончил все-таки Ходжес? — с издевкой ухмыльнулся прокурор. — Надо же, не думал, что он на такое способен. А твоя задача теперь — замять дело?

— Вроде того.

Сайлас внимательно посмотрел на собеседника.

— Хм... а может, сенатор тут вообще ни при чем. Может, это ты сам натворил глупостей, которые теперь надо расхлебывать.

— А может, не стоит задавать так много вопросов? — подступил ближе Ломбард. — Может, лучше расскажете о ходе расследования убийства Мэнди Робардс?

Бриггс изо всех сил старался держаться спокойно, но Грант подметил в его глазах

нервозность. Слизняк. Вряд ли Мартино дорого обошлось его подкупить.

— Данное расследование ведется строго конфиденциально, — заметил прокурор.

— Рад это слышать. А теперь кончайте болтовню и выкладывайте, что нарыл Паллас.

На лбу Сайласа выступила испарина.

— Я же сказал, дело конфиденциальное. Даже я не в курсе.

— И чего это мне не верится? — протянул телохранитель. — Не хотелось бы намекать газетчикам, что федеральный прокурор Чикаго берет взятки у одного из крупнейших криминальных авторитетов страны.

Испарина сделалась гуще, из-под волос Бриггса показалась тонкая струйка пота.

Грант вскинул голову. Ситуация становилась все интереснее.

— Ну, в чем проблема?

Бриггс прокашлялся.

— У ФБР есть свидетель.

Инстинкт самосохранения сработал моментально, и в телохранителе снова вспыхнул синий огонек холодной ярости.

Свидетель...

Сгребши прокурора за грудки, Ломбард с удовлетворением заметил выражение изумления и страха в его глазах.

— Что известно этому свидетелю? — почти прошипел он в лицо собеседника.

— Понятия не имею, правда, — забормотал Сайлас. — Паллас ее охраняет. Это все, что я знаю. Клянусь.

«Ее». Значит, женщина. Еще одна чертова баба.

Грант крепче стиснул воротник прокурора.

— Как ее зовут?

Бриггс продолжал отмалчиваться, и Ломбард для пущей убедительности хорошенько его потряхнул:

— Отвечай.

Прокурор сглотнул:

— Камерон Линд.

Благодаря бронированию, сделанному Камерон за несколько недель до мероприятия (а может, и благодаря мелькнувшему удостоверению Палласа, действовавшему безотказно) всю компанию сразу по прибытии в «Особняк» быстренько запустили внутрь и препроводили в VIP-зал.

Джек шагал рядом с Камерон по освещенному канделябрами коридору, осматриваясь по сторонам.

— Интересное местечко, — отметил он.

И действительно, клуб полностью оправдывал свое название. На каждом из трех этажей располагались несколько комнат, оформление которых продолжало тему прошлого века в оригинальном стиле старинного особняка. Здесь были «библиотека», «кабинет» и даже «бильярдная». «Похоже на настольную игру «Улика»»^[12], — шутливо описывала Камерон свои впечатления Колину после того, как побывала в заведении, подыскивая место для девичника.

После экскурсии по клубу, проведенной еще при бронировании, свидетельница знала, что VIP-зал — «хозяйская спальня» — находится на втором этаже. С Уилкинсом во главе девушки поднялись по широкой дубовой лестнице, Джек с Камерон замыкали шествие. Когда компания вошла в зал, почетная подружка невесты заметила в глазах ФБРовца веселый огонек.

— О-очень интересное местечко, — взгляд агента привлекло резное, с балдахином, королевских размеров ложе — да-да, именно ложе — в углу комнаты.

Эйми и другие девушки направились к кровати, расположились там и приступили к важному ритуалу заказа напитков. Сестрички тут же подняли крик, требуя коктейль «Маслянистый сосок»^[13].

— Даю этому заведению год, пока не приестся новизна, — сказала Камерон Джеку.

— Полюбуйся, что мне только что вручила Джолин, — подошедшая Эйми вытянула руку, демонстрируя бусы из пластиковых пенисов с приклеенными пакетиками

презервативов.

— Ой, смотри, какое оригинальное ожерелье... Именно то, о чем ты мечтала. Могло бы стать чем-то новеньким в твоём свадебном наряде^[14], — предложила Камерон.

— Избавься от него, — скомандовала Эйми. — И позаботься, чтобы больше такого не было.

— Прямо сейчас и займусь. — Камерон с Джеком наблюдали, как невеста поспешила к кровати и потребовала, чтобы все гости открыли сумочки для проверки.

— Кажется, твоя подруга слишком... серьезно воспринимает происходящее, — заметил агент.

Свидетельница запихнула опальную безделушку в сумочку.

— Временный сдвиг по фазе. К счастью, через неделю он должен закончиться — вместе со свадьбой. На самом деле Эйми милейший человек.

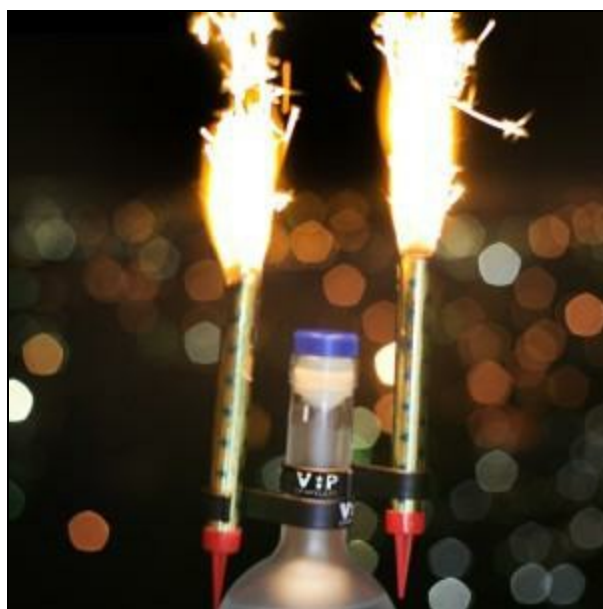
Не то чтобы Камерон собиралась развивать данную тему прямо сейчас, но после гибели отца подруга стала для нее благословением небес. Поскольку родители давным-давно развелись, а Камерон была единственным ребенком в семье, все хлопоты по организации похорон легли на ее плечи. В тогдашнем эмоциональном состоянии она была без преувеличения раздавлена этой задачей. Без лишних слов Эйми появилась на пороге с чемоданом, поселилась у подруги на две недели и взяла на себя все заботы, с которыми та не могла справиться в одиночку. Камерон рассудила, что взамен вполне способна выдержать невестинские заморочки.

Подошел Уилкинс, неся стакан, судя по всему, минеральной воды.

— Когда я был здесь в прошлый раз, то до VIP-зала не добрался. — Агент уставился на прошествовавшую мимо официантку с бутылкой водки, украшенной бенгальскими огнями. — Мне никто не сказал, что у них есть официантки, приодетые горничными из прошлого века. О-о ... и с огоньком...

Наклонив голову в сторону Джека, Камерон признала:

— Ну, может, «Особняку» хватит новизны и на два года.

* * * * *

— Вот это, я понимаю, дежурство.

Джек подал знак бармену налить еще минералки и обронил:

— Наслаждайся, пока есть возможность. Не все задания будут такими.

— Правда, лучше, чем в Небраске? — поддел коллега.

Взгляд Палласа упал на Камерон, которая восседала на кровати на другом конце комнаты и со смехом рассказывала что-то невесте и еще двум девицам. Из-за жестикуляции глубокий вырез кофточки опять сполз, обнажив плечо и тоненькую бретельку маечки. Подавшись вперед, Камерон положила ладонь на руку Эйми, и маечка опустилась ниже, приоткрыв нечто, похожее на краешек кружевного черного бюстгальтера.

— Да вроде неплохо, — пробормотал Джек и, обернувшись, уловил выражение лица Уилкинса. — Даже не заикайся.

— О чем не заикайся? — невинно переспросил напарник. — А-а... хочешь сказать, мне не следует комментировать тот факт, что с тех пор, как мы явились сюда, ты с нее глаз не сводишь? Об этом я не должен заикаться?

— Присматривать за свидетельницей — моя... наша работа.

— Ну конечно, — кивнул Уилкинс.

Паллас чертыхнулся себе под нос. В Небраске, по крайней мере, мужчине позволялось посмотреть на женщину разок-другой — из профессиональных соображений.

Джек бросил украдкой еще один взгляд — в охранных целях — и заметил, что вырез снова соскальзывает с ключицы, медленно съезжает, насмехаясь над ним, дразня его, спускается ниже и ниже, обнажая сливочную кожу и тоненькую полоску серого шелка, которую можно было бы оторвать зубами.

Плечо. Его сводит с ума обыкновенное *плечо*.

— Да что вообще такое с этой ее кофточкой? — вспыхнул Паллас, поворачиваясь к напарнику. — Почему она не держится на месте? Размер великоват? Нет, серьезно, кому-то придется набросить на эту дамочку пиджак. Пойду, пройду по залу, — оттолкнулся он от барной стойки. — Хочу убедиться, что все по-прежнему спокойно.

* * * * *

Наклонившись к уху подруги, Эйми шепнула:

— Ну вот, а теперь он расхаживает туда-сюда.

— Тебе не нужно вести для меня прямой репортаж, — точно так же шепотом ответила Камерон. — Если захочу знать, что делает Паллас, сама посмотрю.

Разумеется, именно это она и сделала. Зыркнув исподтишка, Камерон увидела, как ФБРовец обошел вокруг бара, затем оглянулся. А когда заметил, что свидетельница наблюдает за ним, развернулся и устремился через комнату к ней, как пантера к своей добыче. Судя по напряженному взгляду, что бы ни собирался сказать агент, он был настроен решительно.

При виде Джека, направлявшегося в их сторону во всем своем раздраженном великолепии, сидевшая рядом Эйми заворожено распахнула глаза:

— Кэм, я передумала. Если это была грандиозная подстава, и парень идет раздеваться передо мной, кажется, я переживу. Определенно переживу.

Услышав ее реплику, остальные участницы вечеринки прекратили болтовню и, проследив за взглядом невесты, обернулись к Джеку. Агент остановился перед кроватью, на которой девицы развалились в томных позах, словно бездельничающий султанский гарем, и вперился в Камерон:

— Надо поговорить.

— Хорошо, говори.

— Наедине.

Камерон вовсе не нравилось подчиняться распоряжениям Палласа, но устраивать сцену не хотелось: вдруг требуется обсудить какие-нибудь вопросы безопасности. С небрежным видом она соскользнула с кровати — черт, опять блеснула бедром, странно, что это случается раз за разом в его присутствии — и следом за ФБРовцем вышла из зала.

Ухватив спутницу за предплечье, Паллас потащил ее через холл в тускло освещенный коридор.

— Ты, часом, не собираешься меня придушить? — поинтересовалась Камерон. Судя по выражению лица агента, в ее вопросе была только доля шутки.

— Не сегодня.

ФБРовец разжал хватку и зашагал взад-вперед. Камерон понятия не имела, чем он так взбудоражен, но присмотрелась попристальней и с удовлетворением отметила, что Джек нисколечко не напоминает ей кусок ветчины.

Скорее, кекс с начинкой из расплавленного шоколада — такой греховный, такой упоительно-сладостный, наполненный таким внутренним жаром десерт, тарелку с которым любой девушке хочется вылизать до последней крошки. Вот на что был похож Джек Паллас.

Камерон подобралась.

— Так мне придется угадывать или все же скажешь, в чем дело?

— Думаю, ты знаешь.

Вот черт. Он собирается завести речь о том, что так и не произошло на ее крыльце.

— В расследовании? — с надеждой предположила Камерон.

Паллас бросил на собеседницу мрачный взгляд, напомнивший ей, почему с этим мужчиной шутки плохи.

Решив, что тогда уж лучше устроиться поудобнее, Камерон прислонилась к стене. ФБРовец прекратил вышагивать по коридору и смерил ее глазами.

— Закончим наш недавний разговор. — Пересекши холл, Джек оперся ладонью на стену рядом с плечом Камерон. — Ты сказала, что тогда возле кабинета Дэвиса я увидел то, что хотел видеть. Объясни.

Помощница прокурора с вызовом уставилась на агента. Ха-ха — будто у него получится запугать ее и вынудить сознаться. Ну ладно, может, и получится, такой, пожалуй, кого угодно заставит говорить. Зато она решительно невосприимчива к его так называемому мужскому обая... — ух ты, как классно от него пахнет. Наверное, шампунем. С такой «я-только-что-из-постели» щетиной это не может быть лосьон после бритья.

Решительно невосприимчива.

— Возвращаемся к тому же? — с притворным равнодушием переспросила она.

Джек положил на стену вторую ладонь, заключая собеседницу в кольцо.

Камерон оценивающе осмотрела свое затруднительное положение. «Не оставляй меня, благоразумие».

— По-моему, агент Паллас, это трактуется как незаконное задержание.

— Скорее всего. И я намерен подключить недозволенные методы допроса. Давай с самого начала, — заглянул Джек в аквамариновые глаза. — Три года назад. Дело Мартино. Ты заявила, что сама приняла решение не предъявлять обвинений.

— Полагаешь, мы будем сейчас разговаривать на эту тему? Вот так? — указала Камерон на близость их тел.

Паллас неспешно ухмыльнулся:

— Если честно, я считаю, так в самый раз. — Его тон сделался теплым, мягким, словно выдержанный виски, но взгляд оставался непреклонным. — Признавайся, Камерон. Я видел, как ты вышла из кабинета Дэвиса тем утром. Зачем ты к нему хо...

Внезапно все погрузилось во мрак. В клубе погас свет.

Камерон почувствовала, как Джек одной рукой ухватил ее за предплечье. Вторая скользнула по ее груди, когда агент полез под блейзер за пистолетом.

Пытаясь приспособить зрение к темноте, Камерон слышала доносящиеся из VIP-зала взрывы хохота и хор голосов. Тем не менее вокруг казалось неожиданно тихо. Она не сразу сообразила, что это перестала играть музыка.

— Электричество пропало?

— Похоже на то. — Послышался звук приближающихся шагов, скрипнула половица. Паллас отдернул спутницу от стены, приказал: — Встань за мной, — и развернулся с пистолетом наготове.

В конце коридора появилась тень.

Агент передвинулся, закрывая Камерон своим телом, словно щитом.

— Джек, это я, — окликнул сквозь сумрак Уилкинс. — С вами все в порядке?

Паллас опустил пистолет, вывел свидетельницу туда, где лившийся в окна лунный свет позволял лучше видеть, и спросил у напарника:

— Что, электричество пропало во всем здании?

— Судя по всему, — отозвался тот, поглядывая на Камерон.

Помощница прокурора никогда не видела Уилкинса таким серьезным, и эта серьезность напугала ее больше, чем что-либо.

— Думаете, это как-то связано со мной? — поинтересовалась она.

Ни один из ФБРовцев не ответил.

— Сходи, проверь, — велел Паллас коллеге. — Я останусь с мисс Линд. Позвони мне на мобильный, когда что-нибудь выяснишь.

Кивнув, Уилкинс ушел.

Джек взял спутницу под руку:

— Держись поближе ко мне.

Просто голова кругом, как быстро все изменилось. Камерон заставила себя сохранять спокойствие.

— Пока не разберемся с ситуацией, отведу тебя в какое-нибудь более безопасное место, — сообщил ФБРовец.

Уходя, они чуть не столкнулись с появившейся в дверях VIP-зала Эйми. Ее взгляд упал на пистолет Палласа.

— Что происходит? Куда вы ее забираете?

— Нам надо идти, — негромко произнес агент свидетельнице на ухо.

— Все в порядке, — успокоила Камерон подругу. — Оставайся с гостями.

Прежде чем подопечная успела что-нибудь добавить, Джек взял ее за руку и потащил прочь.

* * * * *

Паллас вел Камерон, лавируя в темноте среди слонявшихся по коридорам посетителей клуба, которых отключение электроэнергии приводило в радостное возбуждение — в

отличие от ФБРовца. Агенту требовалось ограниченное пространство, желательно с замком на двери.

Потерпев неудачу на втором этаже, Джек отыскал служебную лестницу и повел подопечную наверх. Первая же дверь справа оказалась закрыта. Паллас без стука распахнул ее и ввалился внутрь.

Небольшая комната. Офис. Мужчина и полуодетая женщина возле стола отпрянули друг от друга.

— Какого хрена? — полураздраженно, полуиспуганно возмутился мужчина.

— Кто вы такой? — повелительно осведомился Джек.

— Менеджер. А вы, черт подери, кто?

— Выходите, — кивнул на дверь ФБРовец.

— Еще чего! Это *мой* кабинет.

Агент снова указал на дверь, на этот раз пистолетом:

— Выметайтесь.

— Уже идем, — отвесив челюсть, закивал менеджер, подхватил свою девицу и поспешил к выходу.

Заперев за ними дверь на задвижку, Паллас отпустил руку Камерон, чтобы осмотреться. Двухместный диванчик у стены, металлический шкафчик для бумаг, письменный стол, офисное кресло. Встроенных шкафов или других дверей нет, зато есть большое окно, выходящее на пожарную лестницу. Подергав оконную раму, агент убедился, что та достаточно легко открывается. На случай чрезвычайной ситуации сгодится.

Заметив, что спутница притихла, он повернул голову:

— Ты в порядке?

— В порядке, — Камерон беспокойно мерила шагами кабинет.

— Отойди подальше от двери, — велел Джек. — И от окна. Держись в центре комнаты.

— Конечно. Извини. — Она поспешно переместилась к столу, отгородившись им от двери, посмотрела на свою сумочку, затем положила ее, словно хотела, чтобы руки оставались свободными. — Скорее всего, это просто совпадение?

— Как только узнаю — скажу.

В лунном свете Паллас разглядел, что Камерон с тревогой закусил губу, но тут же напустила на себя бодрый вид и кивнула:

— Справедливо.

Джек ощутил, как внутри что-то дрогнуло.

— Если от моих слов тебе станет легче, мне без разницы, кто ступит на этот порог. До тебя ни один не доберется.

Камерон удивленно посмотрела на него сквозь темень. Отвернувшись, ФБРовец подошел к двери и прислушался.

Вероятно, следуя его примеру, спутница тоже притаилась. В комнате залегла жутковатая тишина, пока звук вибрирующего мобильного не взрезал напряженное молчание.

Выхватив из кармана телефон и увидев, что звонит напарник, агент ответил:

— Говори.

— Все чисто.

— Что выяснил? — спросил Джек, не покидая свой пост у входа.

— Электричество вырубилось в целом квартале, — доложил Уилкинс. — Операторы из нашей конторы соединили меня с «КомЭд»^[15]. Оттуда сообщили, что произошел обрыв

линии электропередач. Пока мы с тобой разговариваем, аварийная бригада уже работает.

Паллас подошел к окну, убедился, что во всех окрестных зданиях тоже темно, и приглушенно спросил:

— Это не может быть подстроено?

— Не похоже. Я разговаривал и с дежурным по району, и с мастером участка. Поврежден подземный кабель — ремонтники в ночную смену меняли в церкви через дорогу водопроводные трубы и по небрежности копнули чересчур глубоко. Это просто совпадение, Джек.

Из окна можно было видеть двор церкви, бригаду строителей и несколько автомобилей энергокомпании. ФБРовец оглянулся на подопечную. Та не сводила с него глаз, прислушиваясь, чем закончится разговор. — Спасибо, Сэм. Увидимся в VIP-зале.

— А вы, ребята, где? — поинтересовался Уилкинс.

— В каком-то офисе на третьем этаже. Через пару минут спустимся. — Паллас нажал отбой и вернул пистолет в кобуру. — Все чисто.

— Вот и хорошо. На повестке сегодняшнего вечера этого пункта точно не было, — выдохнула Камерон, смущенно пригладила юбку и подхватила сумочку. — Так что, возвращаемся к остальным?

— Да.

Они двинулись к выходу: свидетельница впереди, агент за ней. Потянувшись к дверной ручке, Камерон задержалась и оглянулась на спутника. Вырез в очередной раз пополз вниз.

— Спасибо за... — Она запнулась: — Что-то не так?

Джек стоял за ее спиной, не сводя глаз с чертовой серой тесемочки, и раздумывал, что нежнее: шелк или эта сливочная кожа. Будь он человеком разумным, то не посмел бы даже помыслить о том, чтобы получить ответ на свой вопрос.

И все равно поднял руку.

Взявшись за край выреза, Паллас осторожно потянул кофточку обратно на плечо, но, дойдя до бретельки, запнулся и пробормотал:

— Эта безразмерная штуковина весь вечер доводит меня до белого каления.

— Кажется, я... испортила ее в последнюю стирку, — слегка подрагивающим голосом отозвалась Камерон.

В воздухе повисла напряженность.

— Пора идти, — наконец выдавил Джек. Нужно выбираться из этой комнаты, пока он не натворил того, о чем пожалеет. Того, о чем они оба пожалеют.

Кивнув, Камерон повернулась, отодвинула засов, взялась за дверную ручку и... остановилась.

Паллас ожидал, что спутница откроет дверь. Когда она этого не сделала, агент накрыл ладонью ее пальцы и сдавленно напомнил:

— Нам надо выходить отсюда.

— Знаю.

Тем не менее никто из них не тронулся с места.

Его рука потянулась к задвижке. Джек понимал, что этого делать не следует.

И все равно запер дверь.

Он услышал прерывистый вдох Камерон и, прежде чем успел передумать, отвел с ее плеча распущенные волосы, наклонился и припал поцелуем к ключице.

Вот и ответ на вопрос: шелку даже близко не сравниться с ее кожей.

* * * * *

С тихим стоном приныкая к груди спутника, Камерон какой-то миг спрашивала себя, что это она творит и почему. Но почувствовав, как губы Джека обжигают шею цепочкой поцелуев, решила повременить с вопросами.

Руки Палласа скользнули на ее бедра. Камерон даже не поняла, это Джек развернул ее или она сама повернулась, а может, все случилось одновременно, только они внезапно оказались лицом к лицу. Она уловила в глазах ФБРовца жаркую вспышку и потянулась к нему в тот самый миг, когда его рот обрушился на ее губы.

Камерон ожидала, что поцелуй будет жестким, даже сердитым, но вместо этого он оказался просто... коварным. Джек не торопился, пробуя ее на вкус губами и языком. Когда его ладонь легла на ее поясницу, привлекая ближе, Камерон уронила на пол сумочку и запустила пальцы в густую шевелюру.

Их тела впечатались в дверь.

Продолжая напористо смаковать ее губы, Джек взял Камерон за подбородок. Чувствуя стремление Палласа контролировать ситуацию, но пока не желая уступать, она обхватила его лицо ладонями и замедлила поцелуй. Задавая темп, Камерон поддразнила Джека, легонько прикусив его губу и скользнув по его языку своим, и проделала так еще раз, забавляясь с ним, перехватывая ведущую роль.

Низкий горловой рык — и ее руки оказались пригвожденными к двери в стальном захвате.

Камерон чересчур поздно вспомнила, что с этим мужчиной шутки плохи.

Сплетая их языки в глубоком, дурманящем поцелуе, Джек вжался между бедер Камерон, и она почувствовала его мощную эрекцию. ФБРовец мог скрывать свои эмоции за стеной непроницаемости, но тело выдавало его, свидетельствуя о том единственном факте, который требовалось сейчас знать Камерон: Джек Паллас желал ее.

Захмелев от этого знания, она закрыла глаза, а Джек между тем прокладывал по ее горлу горячий след, слегка царапая щетиной нежную кожу — эротическое ощущение, воспалявшее каждую клеточку ее тела.

— Джек... — шепнула Камерон.

— Скажи мне, — проговорил он ей на ухо.

Это была неведомая сторона агента Палласа. Настороженная, сдержанная оболочка исчезла, и Камерон впервые увидела... его.

Она беспомощно дернулась из крепкого захвата:

— Позволь тебя потрогать. — Ей хотелось видеть — осязать — больше.

Паллас отстранился и окинул пленницу взглядом, поглощавшим всю ее без остатка. Отпустив ее руки, он внимательно смотрел, пока Камерон стягивала с него пиджак. Она скользнула ладонями по ремням наплечной кобуры, провела по упругим мышцам груди. До чего же пьяняще — ощущать такую мощь и силу буквально под кончиками пальцев.

— Это заводит не только тебя, малышка, — хрипло произнес Джек.

И накрыл ее рот таким требовательным поцелуем, что у Камерон перехватило дыхание. Его пальцы нетерпеливо развязали поясок, сдернули кофточку с плеч.

— Хочу видеть тебя, — пробормотал он в ее губы и потянул вниз маечку вместе с бюстгалтером. От прохладного воздуха, обдавшего обнаженную грудь, Камерон охнула. Джек коснулся пальцами соска, играя с ним, пока она не задрожала, обхватил ладонью

грудь, приподнимая, и Камерон с готовностью выгнулась ему навстречу. Наклонившись, он захватил сосок ртом.

Расплавленный огонь зазмеился между ног так стремительно, что она едва не осела на пол. Джек медленно провел языком по отвердевшему соску, сначала нежно облизывая, затем жадно втягивая розовую вершинку в рот. Скользнув рукой под кружевную маечку, он начал ласкать вторую грудь.

Камерон чувствовала себя незащищенной — и невероятно возбужденной. Хотя голос разума увещевал, что следует остановиться, второй голос, бесовский, искушал в кои-то веки поддаться, позволить себе не сдерживаться.

Джек стянул маечку еще ниже, отыскивая вторую грудь губами. Камерон застонала, осознавая, который из голосов только что одержал верх.

Громкий стук в дверь застал их настолько врасплох, что оба вздрогнули.

— Камерон? Ты здесь? — послышался голос Эйми.

Дверная ручка задергалась, и Джек с Камерон замерли.

— Кэм, с тобой все в порядке? — снова окликнула подруга и обратилась к кому-то в коридоре: — Вы же говорили, они должны вернуться в VIP-зал?

— Так сказал Джек, — отозвался Уилкинс.

— Попробуйте еще раз набрать ему на мобильный.

В брошенном на пол блейзере ФБРовца завибрировал телефон. Камерон подняла взгляд на Палласа. Что-то промелькнуло между ними... и исчезло.

Они разомкнули объятия и отодвинулись друг от друга. Паллас схватил пиджак, чтобы ответить на звонок. Пока агент уверял напарника, что все нормально и они прямо сейчас появятся, Камерон подобрала сумочку и отошла к окну, поправляя бюстгальтер и подтягивая маечку. Спасибо, хоть темнота скрадывала неловкость ситуации.

Камерон завязывала поясок кофты, когда Джек с другого конца комнаты негромко заметил:

— У тебя бретелька оторвалась.

— Знаю, — Она заправила тесемку внутрь маечки, надеясь, что вторая бретелька выдержит. Если нет, Эйми с Уилкинсом будет чем полюбоваться. Чувствовалось, что губы припухли и горят, но тут уж ничего не поделаешь. Камерон направилась к двери.

— Готова? — спросил Паллас.

— Конечно, я в порядке. — По правде, дело обстояло наоборот, однако с топтавшимися снаружи друзьями анализировать свои эмоции было некогда. Она понимала, что самое время отпустить какую-нибудь колкость или шуточку, которая поможет снова почувствовать себя как прежде и вернет их с Джеком отношения на привычную почву, но не могла этого сделать. — Пора выходить.

Паллас, похоже, сперва колебался, затем включил по-деловому бесстрастный вид и открыл дверь. Камерон проскользнула мимо агента за порог, и на долю секунды их глаза встретились — единственное подтверждение тому, что произошло.

Эйми с Уилкинсом дожидались в темном коридоре. Растерянное поначалу выражение их лиц сделалось изумленно-веселым.

Камерон попыталась вести себя как ни в чем не бывало:

— Мы выжидали, чтобы убедиться, что все спокойно.

— Я запереживала, когда вы не появились внизу, — оттащила ее в сторону Эйми.

— Знаю. Извини.

Невеста окинула подругу внимательным взглядом:

— Оригинальный способ ношения маечек...

Камерон посмотрела на свое опять оголившееся плечо — на этот раз без шелковой бретельки.

Она сожжет эту дурацкую кофточку, как только доберется домой.

Услышав стук, Камерон подняла глаза от компьютера. Дверь открылась, и в комнату просунулась голова Роба Мерроко, коллеги из соседнего кабинета:

— Ну, как сегодня прошло предъявление обвинения?

— Как и ожидалось. Этот тип заявил, что невиновен, — отозвалась помощница прокурора. — Ничего, присяжные вынесут ему приговор в две секунды. — Ответчик, тренер школьной футбольной команды в одном из северных пригородов, обвинялся в получении детской порнографии на свой компьютер. Найдись у его адвоката хоть капля здравого смысла, он ни за что не допустил бы передачи дела в суд.

Это было мерзкое разбирательство, одно из немногих, когда Камерон с трудом удавалось сохранять хладнокровие. Само пребывание в одном зале суда с обвиняемым вызывало у нее отвращение и истощало эмоционально.

— Зачем ты по-прежнему берешься за такие случаи? — недоуменно спросил Роб. — Повесила бы на кого-то из новичков.

Решать вопросы подобным образом было не в ее стиле, но Камерон в благодарность за сочувствие выдавила улыбку.

— Все нормально, переживу. — Она провела ладонями по волосам и устало откинулась на спинку стула. — А как у тебя?

— Только что предъявил олддермену^[16] обвинение во взяточничестве.

— Отлично, — одобрила Камерон. — Тогда лучше поговорим о твоем деле.

В течение следующих нескольких минут коллеги обменялись жалобами на ужасную загруженность, посплетничали об одном чрезвычайно брюзгливом судье их округа и обсудили, на кого из сотрудников канцелярии следует возложить бесславную миссию уборки в комнате досудебных совещаний. Дружеский треп прервал звонок от секретарши Камерон.

— К вам Колин, — сообщила та. Называть фамилию этого посетителя не было необходимости. За четыре года секретарь мисс Линд свыклась с частыми визитами журналиста.

— Спасибо, пускай заходит. — Камерон кивнула Робу, помахавшему на прощание от двери. Секунд через двадцать на месте коллеги появился Колин.

— Твой голос звучал ужасно утомленно, — с порога заявил друг, ссылаясь на короткий телефонный разговор, состоявшийся между ними примерно час назад. — Вот я и решил тебя похитить.

— Выдался тяжелый день в суде. — Камерон посмотрела на часы: — Еще только четыре. Я не могу сейчас уйти. Это было бы... нечестно.

Колин расхохотался:

— Ты же с ног сбилась, разрываясь все эти дни между работой, девичником Эйми и еще кое-какими делами, которые здесь обсуждать не следует. Тебе нужна передышка. Пойдемте, советник — угощу вас винцом в баре «404».

Предложение было заманчивым. Камерон понимающе посмотрела на приятеля:

— Только что сдал статью, да? — Ее догадки всегда попадали в точку.

— Что плохого в желании уделить время лучшей подруге, когда у нее выдался тяжелый день? — невинно поинтересовался журналист. — А насчет того, удалось ли мне сегодня

написать по-особенному пронизательно и остроумно, — что ж, ты просто обязана заглянуть в завтрашнюю газету. Там под моей фотографией будет большая колонка о каком-то там спорте.

Камерон сделала кислую мину — очень смешно. Однако, несмотря на заваленный делами стол, а также на предчувствие очередного приступа несносной непревзойденности у Колина, рассудила, что пропустить стаканчик с лучшим другом — не такая уж плохая идея.

В итоге Камерон Линд потрясла в прокуратуре всех, в том числе и себя, впервые за четыре года улизнув с работы пораньше.

* * * * *

Закончив проверку верхних этажей в доме подопечной, офицер Харпер вошел на кухню.

— Все чисто. А у вас? — глянул он на своего напарника по смене, офицера Ригана, который осматривал первый этаж.

Тот кивнул:

— У нас все в порядке.

Хозяйка проводила полицейских до порога и заперла за ними дверь.

— И что они станут делать дальше? — любопытно спросил Колин, который устроился возле кухонной стойки, пока охранники совершали положенный обход.

— Последуют за нами в бар и будут ждать снаружи, пока не заступит вечерняя смена.

— Почему у меня такое чувство, будто в присутствии агента Палласа все происходит куда интереснее? — подначил приятель.

— С Палласом в последнее время возникли небольшие... осложнения, — признала Камерон.

«Осложнения», несомненно, было подходящим выражением для описания ситуации. Той субботней ночью, присоединившись к Уилкинсу, Эйми и остальным участницам девичника, Камерон с Джеком обменялись всего двумя словами. С ее стороны это было «спасибо» после того, как ФБРовцы подвезли их с Эйми до дома и осмотрели особняк, со стороны Палласа — «пожалуйста». С тех пор они не виделись и не разговаривали.

Что очень даже ее устраивало. Правда-правда. За последние пять дней у Камерон было время разобраться в своих чувствах. Да, они с Джеком действительно проделывали все то, в чем она никогда не сознается, в первом попавшемся офисе ночного клуба, но Камерон пришла к выводу, что случившееся — не более чем часть навалившегося в последнее время стресса. Она переволновалась из-за отключения света, была возбуждена и взвинчена, а Паллас просто оказался поблизости. Прижимаясь губами к ее груди.

«Скажи мне».

«Позволь тебя потрогать».

Всякий раз при этих воспоминаниях Камерон чувствовала, что краснеет. Очевидно, все-таки существовал уровень, на котором они с Джеком запросто могли общаться без недомолвок.

Она кратко изложила Колину события субботы, опуская наиболее пикантные моменты. Что само по себе было странным, поскольку обычно друзья откровенничали обо всем. Однако кое-что из происшедшего казалось ей слишком... личным.

— Похоже, я пропустил интереснейшую вечеринку, — отметил журналист по окончании рассказа. — Ну, и как теперь будут развиваться ваши отношения?

— Никак, — подчеркнуто заявила Камерон. Колин что, не принимает во внимание

состояние посттравматического стресса? Она же упомянула о нем не менее шести раз. — Субботний вечер ничего не значит. Просто случайность.

Приятель бросил на нее скептический взгляд:

— Детка, надеюсь, ты хоть сама веришь в то, что говоришь?

Не совсем.

— Ну ладно, я действительно испытываю физическое влечение к Джеку Палласу, — сдалась Камерон. Для нее было огромным шагом признать вслух даже этот факт. — А кто бы не испытывал? Ты же его видел.

— Суровый мачо с наплечной кобурой — угу, знаем таких.

— Вот-вот. Но влечение можно пересилить. В смысле, он же заявил тридцати миллионам человек, будто у меня задница вместо головы. Как уважающая себя женщина разве я могу запасть на такого парня?

— Это выглядело бы несколько парадоксально, — согласился Колин.

— Кроме того, я ему даже не нравлюсь, — добавила Камерон.

Приятель склонил голову набок:

— Так вот что тебя беспокоит?

— Ничего меня не беспокоит. Просто, учитывая историю наших отношений, глупо полагать, что субботний вечер означал нечто большее, нежели заурядное физическое влечение с его стороны. — Камерон сделала паузу. — И очень хорошо, что у нас с Палласом на этот счет одинаковое мнение.

Колина, похоже, развеселила такая оценка ситуации.

— По-моему, тебе следует выпить несколько бокалов, чтобы во всем как следует разобраться.

— Мне не нужно ни в чем разбираться, — пренебрежительно отмахнулась подруга и указала на свой офисный костюм: — Что мне требуется, так это переодеться, прежде чем отправиться в бар.

— Я поднимусь с тобой, — сказал Колин, слезая с табурета, и вышел из кухни вместе с хозяйкой. — Хочу заглянуть в гостевую спальню. Куда-то подевалась моя футболка с эмблемой «Сокс», и я подумал, что мог оставить ее здесь в одну из своих прошлых ночевок. Либо футболка у тебя, либо Ричард утащил ее, когда съезжал.

Камерон последовала за другом вверх по лестнице.

— А вы с ним с тех пор так и не разговаривали?

— Ни разу. Я надеялся, он позвонит или хотя бы напишет по электронной почте. Но Ричард, по-видимому, счита...

Никто не заметил приближающейся угрозы.

На поднявшихся на второй этаж друзей бросилась темная фигура, неясная тень, движущаяся с ослепительной быстротой. Из-за шедшего впереди приятеля Камерон даже не уловила, откуда выскочил этот человек. Налетчик ударил чем-то Колина по голове, тот застонал и осел на пол. Камерон испуганно выкрикнула его имя.

Мужчина, одетый во все черное, резко обернулся. Его лицо полностью закрывала лыжная маска с небольшими отверстиями для глаз и рта, на руках были черные перчатки.

Предмет в руке налетчика оказался пистолетом.

Нацеленным прямо в Камерон.

Ее ноги будто увязли в зыбучем песке. Камерон бросила взгляд на лежавшего на полу друга. Колин не шевелился.

Человек с пистолетом направился к ней.

Камерон попятилась, медленно отступая вниз по лестнице. Незнакомец двинулся следом.

— Что вам нужно? — еле слышным шепотом спросила она.

Делая следующий шаг, человек в черном поднял обтянутую перчаткой свободную руку и указал.

«Ты».

Оставив свой «Триумф» на свободном пяточке в конце квартала, Джек зашагал к автомобилю без опознавательных знаков, припаркованному возле дома Камерон. По дороге сюда Паллас не торопился, насладившись пятнадцатиминутной поездкой вдоль озера. Недели через три придется отправить мотоцикл на зимнее хранение, а используемый в холодное время года «Форд ЭлТиДи Краун Виктория»^[17] хоть и удобный, но от езды на нем такого удовольствия не получишь.

Как только агент подошел к дежурной машине, Харпер, старший дневной смены, опустил стекло со стороны водителя:

— Мисс Линд прибыла буквально несколько минут назад. С ней мистер Маккенн.

Паллас принял информацию к сведению, вовсе не обрадовавшись тому факту, что Камерон не одна. Позвонив ей в офис, он с удивлением узнал от секретарши, что помощница прокурора ушла домой пораньше. На тот момент совпадение показалось Джеку удачным, поскольку он хотел побеседовать с Камерон один на один, а в домашней обстановке встреча была бы более приватной.

ФБРовец поблагодарил полицейских и направился к калитке.

Последние несколько дней Джек избегал этого разговора. Главным образом из-за немалого удивления собственному поведению в субботний вечер. Ведь он не отличается импульсивностью. Импульсивные на их службе быстро оказываются мертвыми. Или даже хуже. Паллас сам пережил в лапах молодчиков Мартино худшее из возможного и знал, что остался в живых только потому, что не потерял голову от боли и два мучительно долгих дня выжидал подходящий для удара момент.

После случившегося в ночном клубе Джек чувствовал себя... не в форме. Выбитым из колеи. Он редко позволял себе ослаблять бдительность в отношениях с окружающими: от этого становишься уязвимым.

Но Камерон Линд каким-то образом проникла за его оборонительные укрепления. И теперь все инстинкты кричали ФБРовцу держаться от нее как можно дальше, усилить свою защиту против нее даже больше, чем прежде. Он благополучно доведет до конца расследование убийства Мэнди Робардс, а затем уйдет, не оглядываясь.

Если бы не одна закавыка.

«Ты видел то, что хотел видеть».

Эти слова засели в глубине сознания, изводя Джека с того самого момента, как сорвались у помощницы прокурора с языка. Как понять, что она имела в виду? Но если существует какое-то другое объяснение ее визиту в офис его начальника — в тот самый день, когда Министерство юстиции выдворило проштрафившегося агента из Чикаго, — он хочет это знать.

Ему *нужно* знать.

Так что на этот раз он не отстанет, пока Камерон не расколется. И получит ответ. Сегодня же.

Паллас поднялся по ступенькам на крыльцо, позвонил в дверь, подождал.

Никто не открывал.

Он надавил кнопку еще раз.

По-прежнему никакого отклика.

Агент оглянулся на машину защитного наблюдения.

Сидевший на месте пассажира офицер Риган открыл окно и недоуменно пожал плечами:

— Может, они на заднем дворе. Пока мы осматривали дом, Маккенн говорил что-то насчет выпивки. Устроились, наверное, на террасе или еще где.

— Нам пойти с вами проверить? — выбрался из машины Харпер.

Скорее всего, Камерон просто сидит с выпивкой на террасе.

Но «скорее всего» тут недостаточно.

Джек слетел с крыльца, перешагивая через ступеньку.

— Один из вас остается караулить у входа и продолжает звонить в дверь. Второй обходит дом с восточной стороны.

Хотя с восточной стороны доступ на задний двор перекрывали ворота, проверить периметр все равно стоило.

Вытащив пистолет, агент повернул за западный угол особняка. Все окна казались нетронутыми. Джек украдкой заглянул в каждое, но ничего не увидел. И не услышал.

Паллас осторожно двинулся вокруг дома на задний двор. Убедившись, что Камерон и Колина там нет, он прокрался по ступенькам на террасу и вжался спиной в стену между дверью и окном. Дверь была полностью стеклянной, за исключением крепкой дубовой окантовки. Хорошо, занавески на окне обеспечивали хоть какое-то укрытие.

Пытаясь оставаться как можно незаметнее, ФБРовец бросил быстрый взгляд сквозь стекло.

Пусто.

Ни в кухне, ни в гостиной никого не было.

«Камерон не покинула бы дом без полицейского сопровождения».

Пальцы крепче сжали оружие. Джек обшаривал глазами помещение, стараясь самому держаться вне поля зрения внутреннего наблюдателя.

И тут увидел такое, от чего бешено участился пульс.

На стене по другую сторону от кухни, прямо напротив лестницы висело огромное декоративное зеркало. В зеркале отражалась стоявшая на ступенях Камерон.

А за ее спиной — мужчина в черной маске, державший у головы свидетельницы пистолет.

Послышался дверной звонок, и человек в маске посмотрел в сторону парадного входа, явно принуждая пленницу молчать силой оружия.

У восточной стены особняка внезапно что-то лязгнуло, и Паллас отпрянул от окна. Грохот доносился от ворот. Агент про себя выматерил того из полицейских, который по неосторожности наделал столько шума, и заглянул обратно в дом.

Камерон и человек в черном исчезли.

Понимая, что они пошли наверх, Джек метнулся к ведшей на балкон пожарной лестнице, стараясь двигаться бесшумно, поднялся на второй этаж и направился к французскому окну хозяйской спальни. Дотянулся до ручки, тихонько нажал. Закрыто. Держась вне пределов видимости изнутри насколько это было возможно, Паллас бросил взгляд через стекло.

В комнату вошла Камерон. Злоумышленник держался сзади. Одной рукой он сжимал шею пленницы, подталкивая, другой приставлял к ее голове пистолет.

— Я не видела вашего лица, — твердила свидетельница. — Вам не нужно этого делать.

Охваченный яростью от услышанного в ее голосе страха, Джек вскинул оружие для выстрела.

Но противник, должно быть, засек мелькнувшее движение. Глянув в окно, он увидел агента и выдернул наперед себя заложницу, одновременно стреляя в ФБРовца. Не желая оставлять Камерон наедине с вооруженным убийцей хоть на секунду дольше, Паллас отступил, дважды пальнул в стекло и нырнул сквозь него.

Он ворвался в спальню, едва замечая разлетевшиеся вокруг осколки. Приземлившись на одно колено, федерал перекатился по полу, рывком поднялся и прицелился в человека в маске — рука которого теперь обхватывала Камерон за шею. Пистолет упирался заложнице в голову.

— Отпусти ее, — рыкнул Джек.

Злоумышленник усилил захват. Прикрываясь пленницей, словно щитом, он попятился из спальни в коридор.

Паллас двинулся следом, держа противника на мушке, готовый выстрелить при первой же удобной возможности.

— Дом окружен полицейскими. Ты в ловушке. Опустит оружие и отпусти ее.

Не перемещая взгляда, Джек быстро оценил неизвестного: рост метр восемьдесят, вес около восьмидесяти килограммов. Описание убийцы, данное свидетельницей, оказалось почти безошибочным. А прорези в маске снабдили федерала дополнительной информацией: у преступника были карие глаза.

Услышав слова Палласа, тот запнулся, затем сильнее вжал пистолет в висок помощницы прокурора, впечатывая дуло в кожу.

Агент понял предупреждение, словно громкий и отчетливый окрик.

«Назад!»

— Застрелишь заложницу — останешься без щита, — Джек не сводил глаз и пистолета с цели, но украдкой покосился на бледное лицо Камерон. Та сморгнула, по щекам покатались слезы.

Он заставил себя не выказать никаких эмоций, хотя впервые в жизни ощутил настоящий страх.

Неизвестный попятился к лестнице, и ФБРовец краем глаза заметил недвижимо лежавшего на проходе Колина. Преступник потянул Камерон вверх по ступеням, заставляя ее поспевать за ним, так что та чуть не задыхалась. Паллас не отставал, прокручивая в уме план особняка, запомнившийся после двух обходов дома.

— Если хочешь выбраться отсюда, придется отпустить ее, — предупредил он. — С заложницей тебе не убежать.

Противник никак не отреагировал. На третьем этаже лестница заканчивалась открытым балконом с наклонным потолком и мансардным окном. Слева от Джека находился кабинет, справа — большая необставленная комната. И хотя со своего места агент не мог этого видеть, он знал, что на северной стене пустого помещения есть дверь, которая ведет на террасу на крыше.

Человек в маске без колебаний втолкнул Камерон в комнату справа. Паллас последовал за ними, сознавая, что, сколько бы злоумышленник ни прождал в доме, ему явно хватило времени ознакомиться с обстановкой. Преступник направился к двери, выведившей наружу. Остановившись на короткий миг, он переменил захват, прижав заложницу к себе локтем и предплечьем и уткнув дуло пистолета ей под подбородок, а свободную руку протянул за

спину, открывая задвижку.

Позиция Камерон в этот момент была настолько рискованной, что Джек не считал возможным выстрелить: стоит пальцу налетчика дернуться, и все будет кончено.

Ему нужно было что-то сказать, что угодно, лишь бы обратиться к ней.

— Камерон... посмотри на меня.

— Джек... — шепнула она, удерживая умоляющими глазами его взгляд.

Снизу послышался грохот, треск ломающейся двери. В тот же миг человек в маске открыл выход на террасу и выволок Камерон наружу. Джек последовал за ними на крышу, сжимая обеими руками пистолет. Наклонные стены верхнего этажа за их спинами загораживали вид на улицу, не позволяя Палласу разглядеть, что делают внизу полицейские.

Неизвестный уверенно и быстро продвигался к дальнему краю крыши, все время прикрываясь заложницей и не давая агенту шанса выстрелить. Не произнося ни слова, он отступил спиной к заднему двору, покосился по сторонам, и Джек предположил, что противник ищет пожарную лестницу, начинающуюся этажом ниже.

Затем бандит повернулся, глянул на ФБРовца, а дальше все произошло в одно мгновение: он резко перевел пистолет с заложницы на Палласа и нажал на спусковой крючок.

— Нет! — вскрикнула Камерон, хватаясь за оружие. Пуля расщепила деревянный пол террасы в паре сантиметров от ног агента.

Борясь с убийцей, пленница развернулась к нему лицом. Поскольку она оставалась между противниками, Джек не мог стрелять, поэтому ринулся вперед.

Пистолет хлопнул еще раз, и Камерон отшатнулась.

— Камерон! — вскрикнул Джек, подхватывая оседавшую на пол свидетельницу и видя, как по ее пиджаку расплзается кровавое пятно.

Тем временем преступник рывком спрыгнул с крыши вниз.

— Уходит, — пробормотала побледневшая, ошеломленная Камерон. — Оставь меня.

Черта с два.

На террасу выскочили Харпер и Риган с пистолетами наготове.

— Он сбежал по пожарной лестнице, — крикнул им Джек, осторожно опуская раненую, чтобы осмотреть.

Полицейские немедленно устремились к лестнице, но тут же пригнулись, укрываясь от раздавшихся снизу выстрелов. Затем залегла пауза — очевидно, убийца пустился наутек, — и охранники бросились в погоню.

Паллас сосредоточил все внимание на подопечной. Выудив из блейзера мобильный телефон, он вызвал врачей и подкрепление.

— С Колином все в порядке? — спросила она, когда агент нажал отбой.

— Скорая уже едет. Теперь все хорошо. — Джек стянул с нее пиджачок. — Господи, Камерон — о чем ты только думала?

— Не могла же я позволить этому типу подстрелить тебя.

— Мне было бы не впервой. — Увидев, что кровоточит плечо, Паллас, не теряя ни минуты, рванул верхние две пуговицы и распахнул блузку, чтобы рассмотреть рану.

Камерон прикрыла глаза:

— Только честно — насколько все серьезно?

Джек колебался.

— Господи, — запаниковала она. — Что, все так плохо?

ФБРовец рассудил, что лучше ответить начистоту.

— Ну, если оценивать по десятибалльной шкале все огнестрельные ранения, которые мне доводилось видеть, то твое тянет примерно...

Ее глаза расширились.

— ... на ноль целых две десятых.

— Две десятых?! — села ровно Камерон. — У меня кровь протекла сквозь одежду. Не рассказывай, будто это какие-то жалкие две десятых.

— Правда, я видел множество пулевых ран, поэтому мои критерии, возможно, несколько завышены, — признал Паллас, прижимая пиджаком ее плечо. — Главное, что с тобой все будет хорошо.

Горло перехватило: он много чего насмотрелся и в ФБР, и в армейском спецназе, но вряд ли сможет когда-нибудь забыть вид ее пошатнувшейся от пистолетного выстрела фигурки.

— Ноль целых или не ноль целых, но это больно. Очень больно.

— Вот и отлично. Может, теперь дважды подумаешь, прежде чем бросаться на вооруженного преступника, рискуя себя угробить.

— Ну знаешь, с такой благодарностью, пожалуй, я в последний раз подставилась под предназначенную для тебя пулю.

— Тут ты чертовски права, — буркнул Джек.

Камерон выдавила слегка подначивающую ухмылку:

— А ведь вы боялись за меня, агент Паллас.

— По твоему тону я догадываюсь, что дальше можно не волноваться.

Послышалась сирена подъехавшей к дому кареты скорой помощи.

— Тебе, наверное, надо бежать — ловить этого типа, — предположила Камерон.

— Наверное, надо, — глядя на женщину в колыбели своих рук, хрипловато отозвался Джек.

И не двинулся с места.

На улице перед домом помощницы прокурора царила настоящая суматоха: патрульные машины, автомобили ФБР и полиции без опознавательных знаков, карета скорой помощи и повсюду копы и федералы. Уилкинс с несколькими командами агентов прибыл сразу за медиками. Следом за ними на место происшествия явился и детектив Слонски со своими людьми.

Врач, перевязавший Камерон плечо, провел ее к неотложке, припаркованной у бровки. Задние двери фургончика были открыты, внутри лицом к улице сидел Колин. Второй медик проверял зрачки журналиста, выискивая признаки сотрясения мозга.

Увидев Камерон, Колин тут же отодвинул доктора в сторонку и выскочил наружу.

— Ох, слава Богу, — заключил он подругу в объятия. — Мне не разрешали с тобой увидеться — сказали, что подержат тебя отдельно, пока не убедятся, что тот тип больше не околачивается поблизости.

— Слонски обмолвился, полицейские упустили его в переулке.

Колин отодвинулся, и его взгляд упал на окровавленную блузку подруги.

— Я чуть умом не тронулся, когда узнал, что тебя подстрелили.

— Со мной все в порядке, — уверила раненая. — Доктор сказал, что, возможно, придется наложить пару швов, хотя мне повезло. Пуля только черкнула по плечу. — Она протянула руку и пригладила на сторону шевелюру приятеля, стараясь не задеть страшноватого вида кровоподтек. — А как ты? Как голова?

— Ужасно, — потрогал шишку друг. — Но мое самолюбие страдает куда сильнее. Прости меня, Кэм. Как подумаю, что могло случиться... Я обязан был лучше защитить тебя.

Она сжала его ладони:

— Все обошлось.

— Хорошо, что кавалерия подоспела вовремя, — пошутил Колин.

Камерон сомневалась, сможет ли когда-нибудь забыть, как Джек проламывался сквозь стекло, чтобы спасти ее. На крыше перед самым приездом скорой она заметила на его скуле порез. А когда агент поднялся, чтобы передать подопечную медикам, Камерон увидела еще несколько ссадин на руках — зримых напоминаний об опасности, которой он подверг себя. Ради нее.

Разговаривавший возле одной из патрульных машин с Риганом и Харпером детектив Слонски заметил у кареты скорой помощи свидетельницу и направился к ней.

— Заканчиваем осмотр дома, — сообщил он. — Мои парни последуют за вами в больницу и там возьмут показания.

— Черта с два.

При звуке голоса Джека Камерон оглянулась и увидела, как агент с напарником прокладывают себе путь через калитку. Паллас решительно прошагал к дежурным дневной смены:

— Кто из вас проверял спальню мисс Линд?

Харпер вытянулся в струнку, словно готовясь к худшему:

— Я.

— Вы заходили в гардеробную?

— Да, я заглядывал туда.

Джек ждал. На его лице зримо проступал гнев.

— Хотя... нет, на самом деле внутрь я не заходил, — признался полицейский.

— И что вы обнаружили? — поинтересовался у ФБРовцев подошедший детектив.

— С вешалки за дверью гардеробной сброшено несколько платьев, — ответил Уилкинс.

— А на коврике — два отпечатка мужских ботинок, примерно сорок третьего размера, — добавил Паллас. — Ваши люди отстраняются от дела, Слоински. И даже не думайте втирать мне всякую чушь про юрисдикцию.

«Посмейте кто-нибудь это оспорить», — говорил его взгляд.

* * * * *

Камерон привалилась спиной к скорой помощи — на минутку перевести дух.

— Ты в порядке? — дотронулся до ее руки Колин.

Она кивнула.

— Просто размышляю. — «И стараюсь справиться с тошнотой».

Убийца прятался в гардеробной при ее спальне.

Странно, но именно этот факт больше, чем все случившееся, заставлял ее чувствовать себя жертвой. А еще у помощницы прокурора не выходило из головы, что она сегодня неожиданно рано ушла с работы. Она не должна была оказаться дома в такое время.

Полиция и ФБР проверили все двери и окна, однако никаких видимых признаков взлома не обнаружили, а это означало, что налетчик умел вскрывать замки, не оставляя следов. При нападении он вел себя до жути хладнокровно, собранно и не произнес ни единого слова. Вывод: этот тип — не дилетант. Он знал, что делает.

Хотя Камерон скорее ожидала бы, что профессионал проникнет в ее дом ночью. Четыре часа дня — довольно рискованное время: соседи выгуливают собак, забирают детей из школы и начинают возвращаться с работы.

Выходит, убийца был в курсе, что ее охраняют. И понимал, что единственная возможность попасть внутрь особняка — когда хозяйка на работе. Как только свидетельница возвращалась домой, ее жилище тут же оказывалось под постоянным наблюдением полиции.

Камерон мысленно вернулась к тому моменту, когда впервые увидела налетчика, спускающегося к ней по лестнице. Зловещая черная маска, перчатки, пистолет, впоследствии вжимавшийся ей в висок и в подбородок. Звук выстрела. Никаких сомнений, ночные кошмары обеспечены на несколько недель. А теперь еще осознание, что убийца следил за ней, знал распорядок дня... нет, ей, конечно, нравится считать себя сильной женщиной, но это уже почти перебор.

«Почти», — подчеркнула Камерон для себя. Может, ей и предстоят недели страшных снов, но у этого гада, кто бы он ни был, не получится превратить ее в беспомощную развалину. А если получится — что ж, она просто постарается не показывать этого.

Завершив, похоже, весьма разгоряченную дискуссию с детективом, подошел Паллас:

— Я поеду с вами в карете скорой помощи. Уилкинс последует за нами на своей машине. А ваши показания запишем в больнице.

— По крайней мере мои показания будут совсем коротенькими, учитывая, что все это время я продрых на полу. Какой умный и храбрый поступок с моей стороны, — с ноткой самобичевания в голосе отозвался журналист, залезая в неотложку.

— Я разговаривал с Дэвисом, — обратился агент к подопечной. — Шеф хочет видеть тебя, меня и Уилкинса в офисе, как только справимся в больнице. — Взгляд Джека упал на

ее плечо. — Я слышал, придется накладывать швы.

В этот момент у него сделался такой серьезный вид, что Камерон предупредила:

— О нет... только не это. Если и дальше будешь таким милым, у меня есть все шансы расклеиться прямо здесь. Лично я надеялась отложить закатывание истерик на потом, когда уединюсь в собственном доме.

Джек пристально посмотрел на нее:

— Камерон Линд, ты — это что-то, — и протянул руку, чтобы помочь забраться в машину.

Камерон с Уилкинсом ожидали на стульях под кабинетом Дэвиса. Было почти девять часов вечера, и другие агенты, потихоньку покидавшие офис после ненормированного рабочего дня, поглядывали на помощницу федерального прокурора с любопытством.

Дэвис пожелал побеседовать сначала с Джеком. Наедине. Уилкинс встал, зашагал по помещению, и Камерон поняла, что ему не по душе оказаться задвинутым в сторону. Честно говоря, ей тоже. С притворным зевком она прислонила голову к стеклянной стене кабинета. Жалюзи закрыты, так что ничего не разглядеть, но может, повезет подслушать словечко-второе...

— Я уже пытался, — заметил Уилкинс. — Они слишком тихо разговаривают.

— Как по-вашему, о чем они говорят?

— О вас.

— Понятное дело, обо мне, но что именно?

— Не знаю, — покосился на дверь агент.

Камерон оторвала голову от стекла:

— Думаете, у Джека проблемы?

После паузы Уилкинс ответил:

— Мне тоже следовало там быть.

Из внезапно распахнувшейся двери появился Дэвис, кивнул подчиненному, затем жестом пригласил свидетельницу.

— Мисс Линд, прошу вас, присоединяйтесь.

Камерон вслед за Уилкинсом прошла внутрь. Паллас с непроницаемым лицом сидел на краешке стола в углу комнаты.

Камерон заняла кресло возле стола, поближе к Джеку. Уилкинс расположился по другую сторону от нее. Дэвис, усевшись, сложил перед собой руки. Лицо начальника ФБРовцев было серьезным, как и в прошлый визит помощницы прокурора в его кабинет три года назад.

— Мисс Линд, как руководитель чикагского бюро ФБР приношу вам свои самые искренние извинения. Если уж на то пошло, я связывался с суперинтендантом департамента полиции и намерен проследить, чтобы офицеры, дежурившие днем, понесли соответствующее дисциплинарное наказание. Я возмущен случившимся и обещаю, что подобное не повторится.

— Спасибо, — откликнулась свидетельница. — К счастью, поблизости оказался агент Паллас. Он заслуживает благодарности за свои сегодняшние действия. Страшно представить, что могло бы произойти, не пояись он настолько вовремя.

— Мы с Джеком поговорили, и я согласен, что вашим защитным наблюдением должно заниматься ФБР. В свете сегодняшнего нападения мы намерены назначить агента, который неотлучно будет рядом с вами. Он поселится у вас дома, станет сопровождать вас на работу и всюду, куда бы вы ни отправились. Я обратился к агенту Палласу как к руководителю данного расследования с просьбой взять на себя эту задачу. Он согласился.

Камерон постаралась не выказать никакой реакции. Боковым зрением она видела, что выражение лица Палласа тоже оставалось нейтральным. Было странно сидеть в кабинете начальника ФБРовцев рядом с Джеком, притворяясь, несмотря на происшедшее между ними

в субботу вечером, будто все, как прежде, в сугубо деловых рамках.

— Это, боюсь, гораздо большее вмешательство в вашу личную жизнь, — продолжал Дэвис, — но, к сожалению, у нас нет выбора.

— Поверьте — никому сильнее, чем мне, не хочется иметь гарантии, что повторения сегодняшнего инцидента не случится, — отозвалась Камерон. — В данном случае я только рада подобным неудобствам.

— Поскольку агент Паллас будет лично обеспечивать защитное наблюдение, нам требуется кто-то для оперативного руководства расследованием. Сэм, — обратился Дэвис к Уилкинсу, — на свое место Джек порекомендовал тебя. Он уверяет, что ты готов к ответственности.

Уилкинс, непривычно утративший дар речи, помедлил, прежде чем ответить шефу.

— Я ценю доверие, оказанное мне Джеком — и вами, сэр. Но мы с Палласом напарники, и мне хотелось бы и дальше работать с ним на этом задании.

— Не волнуйся, — хмыкнул Дэвис, — так легко тебе от Палласа не отделаться. Вы по-прежнему напарники, только с разными обязанностями. Джек останется с мисс Линд, а ты будешь руководить командой здесь, в офисе.

— В таком случае, — заулыбался подчиненный, — я всецело за.

— Так я и думал, — кивнул начальник. — А теперь надо обмозговать сегодняшнее происшествие. Как, черт возьми, убийца Мэнди Робардс узнал о свидетельнице? Со стороны ФБР о причастности мисс Линд к данному делу известно нам троим и директору. Уилкинс... думаю, первое, что необходимо сделать — составить список всех, кто был в курсе, из департамента полиции. Сегодняшнее нападение свидетельствует об одном: есть утечка информации. Но, возможно, у нас получится извлечь из этого пользу. Как только найдем источник, сможем через него выйти на преступника.

— Только поосторожнее веди дело с полицией, — предостерег напарника Джек. — Копам не понравятся намеки, будто кто-то из них намеренно или случайно слил конфиденциальные сведения. Так что поаккуратнее.

— Не беспокойся, дипломатичность — мой конек, — уверил Уилкинс. — И нам стоит подумать не только о полицейских. В субботу на девичнике два десятка барышень видели, что Камерон находилась под нашей охраной. Любая из них могла поделиться этим наблюдением не с тем человеком.

— Я могу сообщить их имена, но сомневаюсь, что в утечке виновата какая-либо гостья, — возразила Камерон. — Ни одна из девушек понятия не имела, почему меня охраняют.

— А как насчет друзей и родных? — поинтересовался Паллас. — Они в курсе?

— Колин с Эйми в курсе, но без подробностей. И знают, что следует помалкивать. Больше я никому о расследовании не говорила.

Дэвис откинулся на спинку кресла.

— Итак, мы должны обратить особое внимание на департамент полиции и, как незначительный шанс, на спутниц мисс Линд в субботу вечером. Кстати, Джек, что-то я не видел в последнем отчете упоминания о вашем с агентом Уилкинсом присутствии на девичнике в прошлые выходные. Странно, что этот момент оказался недокументированным.

— Данное решение было принято в последнюю минуту на основании анализа параметров безопасности ночного клуба, который запланировала посетить мисс Линд.

— Хорошо изложено, — одобрил начальник.

— Кроме шуток, — согласился впечатленный Уилкинс.

— Раз уж мы перечисляем всех, кому известно о моей причастности к расследованию Робардс, следует отметить, что мой шеф тоже в курсе. От Годфри, — свидетельница имела в виду директора ФБР. — Кажется, на прошлой неделе он звонил Сайласу, чтобы поблагодарить за мое сотрудничество.

При упоминании федерального прокурора Дэвис задумался.

— Считаете, Бриггс мог сообщить кому-то о вашей роли в этом деле?

— Занимая такой пост, он, несомненно, должен понимать, что это недопустимо.

— Лучше всех должен понимать, — согласился собеседник.

Разговор перешел к недавней поездке ФБРовцев в Нью-Йорк. Слушая, как Паллас отчитывается перед шефом, Камерон не могла отвести глаз от ссадины на скуле агента. В отделении неотложной помощи, после того как свидетельнице наложили пять стежков на рану в «две десятых балла», врач предложил, чтобы медсестра обработала порезы на щеке и руках Палласа. Тот только отмахнулся и не сдвинулся со своего поста возле Камерон.

За последние несколько дней между ними столько всего случилось: сначала то, что так и не произошло на ее крыльце, затем в субботу вечером то, в чем она никогда не сознается. Камерон не имела ни малейшего представления, что творится с ней и Джеком с недавнего времени, но, глядя на эту ссадину на его скуле, одно понимала точно.

Она доверяет ему.

А поскольку теперь именно Палласу предстояло охранять ее ежедневно и круглосуточно, Камерон осознавала, что доверие должно быть обоюдным. Значит, она должна рассказать Джеку о событиях трехлетней давности.

Сегодня же.

* * * * *

Войдя ночью в свою квартиру, Грант Ломбард остановился на пороге, готовясь к тому, что сейчас его прижмут к стене и нацепят наручники.

Пронесло.

Грант выдохнул, радуясь, что Паллас еще как минимум не идентифицировал его в налетчике. Тем не менее невозможно угадать, как долго этот факт останется нераскрытым.

Сказать, что день прошел не так, как намечалось, было бы преуменьшением.

Не включая свет, Ломбард прокрался по квартире, выглядывая в каждое окно. С высоты третьего этажа он присматривался к улице, выискивая что-нибудь хоть отдаленно подозрительное: незнакомые автомобили, припаркованные у входа, собачника, «случайно» вышедшего погулять в такой поздний час, бездомного, удобно прикорнувшего в переулке позади дома.

Но ничего подобного не увидел.

Во второй раз за две недели с того момента, как Мэнди Робардс попыталась его шантажировать, сенаторского телохранителя переполняло бешенство. А теперь еще и паранойя. Не слишком комфортное сочетание.

Камерон Линд не должна была вернуться домой с работы так рано. И не должна была притащить с собой приятеля — хотя Гранту не составило особого труда вырубить провожатого.

С полицейскими из дежурной машины он бы справился. Однако к противостоянию с Джеком Палласом Ломбард оказался не готов. Он не ожидал увидеть такую ярость в глазах

ворвавшегося сквозь окно федерала. А еще не ожидал, что девица — которая до той минуты вела себя относительно смиренно — попытается выхватить у него пистолет.

Да, ему повезло улизнуть, когда все планы пошли наперекосяк. Впрочем, хорошо, что в дальнейшем не придется полагаться на слепое везение.

Удовлетворенно убедившись в отсутствии слежки за квартирой, Грант направился в спальню и принялся раздеваться, перебирая в уме уже в сотый раз за этот вечер события во время нападения и после, выискивая свои наиболее уязвимые места.

Никто не видел его лица и не слышал его голоса, поскольку за все время он разве что кашлянул. Благодаря перчаткам он не оставил отпечатков. И слинял довольно чисто — потребовалось всего-то обогнать двух никчemuшных полицейских, один из которых знал времена и постройнее, а другой выглядел едва ли достаточно взрослым, чтобы водить патрульную машину. Достоинейшие стражи чикагского порядка. Ломбард оторвался от них в переулке в трех кварталах от особняка прокурорши, а затем, захватив по пути припрятанный в мусорном баке рюкзак, отмахал еще полмили в противоположном направлении — на стоянку, где поставил свою машину. Добираясь до парковки, он стянул маску, перчатки и куртку и превратился в обыкновенного парня в черных нейлоновых штанах и спортивной фуфайке, возвращающегося с сумкой из спортзала после поздней тренировки. Сев за руль и проехав пару миль, Грант свернул в очередной переулочек и переоделся в оставленный в машине костюм. Рюкзак с черными вещами и парой увесистых кирпичей теперь покоился на дне реки Чикаго.

Раздевшись догола, Ломбард вошел в ванную комнату, включил воду в душе и, пока пар наполнял кабинку, присмотрелся к своему отражению в зеркале.

Одно слабое место все же имелось.

Он не располагал алиби. Оно не должно было потребоваться.

Конечно, выбросив рюкзак в реку, телохранитель сразу же отправился на запланированную вечером встречу — в одном из баров района Ривер-Вест со старым знакомым, работавшем в «Трибьюн». Начали поговаривать, будто в шикарном городском отеле была убита дорогостоящая девушка по вызову, и пошел неподтвержденный слухок, будто в списке ее клиентов значился Ходжес. Приятель, который задолжал Гранту пару услуг за все те разы, когда охранник предоставлял сведения из первых рук о политических делах сенатора, позвонил с предупреждением и пригласил встретиться за выпивкой. Ломбарду было любопытно узнать, упоминается ли имя Ходжеса в качестве потенциального подозреваемого и сколько приятелю известно о расследовании ФБР. Оказалось, журналист знал ничтожно мало, и у Гранта возникло ощущение, что информацию хотели выкачать как раз из него.

После телохранитель вернулся в офис и принял участие в ряде совещаний с сотрудниками высшего звена и двумя сенаторскими адвокатами. Первоначально босс планировал на следующей неделе вернуться в Вашингтон, но с учетом предупреждения ФБР не покидать штата требовалось обсудить альтернативные планы. Всех наипервейшим и наиглавнейшим образом беспокоило, как объяснить изменения в графике Ходжеса, не наведя прессу на мысль о связи политика с убийством Мэнди Робардс.

Втайне Ломбард получал удовольствие от этих разговоров. Приглушенные голоса, висевшая в кабинетах напряженность, взгляды, встревоженные тем, что пресса и — о-ох! — даже убийца могут догадываться об интрижке сенатора с Мэнди. Окружающие и не подозревали, что тот, о ком шла речь, сидел с ними за одним столом.

И знал абсолютно все.

После того как встречи наконец завершились, охранник поехал домой, сделав несколько кругов, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. В целом, любому, кто поинтересуется, его нынешний день покажется похожим на все остальные — за исключением единственного недостающего часа. Надо придумать что-то, чтобы заполнить этот пробел, чтобы просто быть готовым.

Грант вернулся мыслями к тому моменту в доме Камерон Линд, когда она впервые увидела его на лестнице — как она попятилась и прошептала: «Что вам нужно?»

Не коситься каждый долбаный раз через плечо, возвращаясь в свою квартиру, — вот что ему нужно.

Свидетельница утверждала, будто не знает, кто он такой. Хотя Ломбард считал, что люди не склонны врать, когда чувствуют прижатое к виску холодное дуло пистолета, он не вполне ей поверил. К счастью, ему и не нужно верить прокурорше на слово.

Для ее же блага Грант надеялся, что она говорит правду. Убийство Мэнди получилось почти идеальным, чуть ли не мастерским. На расследование этого дела назначили лучшего агента в городе, но федералы до сих пор ничего не нарыли. И ничего не нароют до тех пор, пока Камерон Линд не перестанет правильно себя вести.

Разумеется, Грант позаботился о том, чтобы быть в курсе, если такое случится.

Они все полные придурки: что Паллас, что копы. Не видят того, что прямо у них под носом.

Знай он, какой это кайф — убить и остаться безнаказанным, сделал бы это еще много лет назад.

Они с Джеком будут жить под одной крышей.

Реальность этой перспективы навалилась на Камерон во время поездки на квартиру Палласа в район Саут-Луп. Агент попросил напарника подбросить их с Камерон туда, чтобы он мог взять свою машину и «кое-какие» вещи. Когда они выруливали от здания ФБР, Джек перегнулся через спинку сиденья и поинтересовался, есть ли у свидетельницы вопросы по поводу того, как теперь будет осуществляться защитное наблюдение.

Она небрежно ответила, что навскидку в голову ничего не приходит.

Это было неправдой.

У нее возникла масса вопросов. Для начала, где Джек собирается спать? Сможет ли она по-прежнему ходить на работу? Придется ли ей готовить еду, пока ФБРовец живет в ее доме? (Вернейшее средство отправить на тот свет их обоих.) Будут ли они вместе заниматься обыденными делами, например, смотреть по вечерам телевизор? (Так, не забыть бы — нужно удалить из перечня любимых телепередач шоу «Холостяк».) И где именно Паллас собирается спать? (Этот конкретный вопрос занимал настолько значительный процент ее мыслей, что нелишне и повторить.) Разрешается ли агенту в принципе оставлять подопечную одну, например, когда он принимает душ? Или, исключительно из соображений безопасности, в таких случаях ей лучше присоединиться к телохранителю?..

— Это займет всего пару минут, — пообещал Паллас, пока они поднимались в лифте. — С тобой все нормально? У тебя вид, словно ты на какой-то миг отключилась.

— Все еще перевариваю сегодняшние события, — соврала Камерон, надеясь, что невольно не заполыхала при мысли об обнаженном Джеке в своей ванной.

По прибытии на четвертый этаж агент провел спутницу до своей квартиры в конце коридора и открыл дверь, приглашая внутрь.

Камерон не знала, каким ожидает увидеть убранство «Каса дель Паллас» — наверное, суровым, спартанским, с минимумом мебели и обилием серого цвета, — но, шагнув за порог, обнаружила совсем иное. Стены были из нештукатуренного кирпича, а потолок — балочным. Выдержанный в стиле «лофт» первый этаж имел открытую планировку: гостиная переходила в современную кухню, а справа по коридору располагались, кажется, туалетная комната и небольшой кабинет. В квартире был и второй уровень; консольная лестница вела на небольшой балкон. За ним сквозь открытую двойную дверь из матового стекла виднелась хозяйская спальня.

Говоря без преувеличений, жилище ФБРовца оказалось уютнее и гораздо приветливее, чем думалось Камерон. Но не это удивило ее больше всего. Что действительно привлекло ее внимание, так это книги.

Они занимали в гостиной всю стену — сотни томиков, аккуратно выстроенных на полках темно-красного дерева. И еще немного стояло под кофейным столиком.

— Надо же, у тебя тут целая коллекция, — восхитилась гостя, подойдя к стеллажам, где смешивались научно-популярная литература и беллетристика, издания в твердом переплете и в мягкой обложке. — Ты, должно быть, любитель чтения.

— Заполняет свободное время, — пожал плечами Паллас.

Камерон тоже хотелось бы иметь такое собрание книг — в ее планах по обустройству дома значилось превратить часть третьего этажа в библиотеку. Хотя помощница прокурора

и не располагала возможностью читать в свое удовольствие: много свободного времени уходило на общение с друзьями. И это заставило ее задуматься, есть ли в жизни Джека свои Колин или Эйми? Или хоть кто-нибудь? Он казался ужасным... отшельником.

ФБРовец кивнул на второй этаж:

— Пойду, соберу вещи. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, все нормально.

Как только хозяин скрылся наверху, Камерон осмотрелась в гостиной более тщательно, выискивая то, что могло бы дать хоть какое-то представление о тайне по имени Джек Паллас. На стене напротив дивана висел впечатляющих размеров плоский экран — ну конечно, у него бо-о-ольшой телевизор. Может, агент Паллас и загадка, но он все-таки *мужчина*. И, судя по книгам на полке кофейного столика, интересуется черно-белой фотографией.

Взгляд следопытки привлекли несколько рамок на столике у дивана. Любопытствуя, она подошла ближе. Один из снимков был сделан несколько лет назад — Джек и еще трое парней на выпуске из Вест-Пойнтской военной академии, все в парадной форме: серый китель, белые брюки, перчатки, фуражка.

Камерон взяла в руки рамку. На фото Паллас гордо, широко улыбался, положив руки на плечи стоявших рядом однокурсников. Ее поразила эта улыбка — смелая и искренняя. На первый взгляд совершенно не тот человек, которого она знает.

Она повернулась к следующему снимку: черно-белому изображению смеющейся женщины лет двадцати пяти, подталкивающей качели с маленьким мальчиком. У хохотуньи были темные глаза, прямые волосы длиной до подбородка, заправленные под обруч, и поразительное сходство с Джеком.

— Мои сестра и племянник, — прозвучал за спиной голос хозяина дома.

Камерон вздрогнула и повернулась. Паллас стоял перед ней с большой спортивной сумкой у ног. Неизвестно, как долго он пробыл здесь.

Возвращая фотографию на место, гостя постаралась скрыть свою заинтересованность.

— Ты часто видишься с ними?

— Пока был в Небраске, получалось не очень. Надеюсь, теперь удастся почаще. — Агент одной рукой забросил здоровенную сумку на плечо: — Готова?

Окидывая спутника взглядом, Камерон не смогла удержаться от воспоминаний о вечере в ночном клубе. Сильные плечи и руки, припечатавшие ее к двери, поджарые мускулистые бедра, возбужденно прижимавшиеся к ней, крепкая грудь, которую она только начала исследовать. И пылкое желание в темных глазах.

А теперь этот мужчина будет спать в соседней комнате.

Может, безопаснее было рискнуть и остаться без охраны?

* * * * *

По возвращению свидетельницы в ее жилище ФБРовец первым делом убедился, что все отремонтировано в соответствии с его указаниями — и замок входной двери, и французское окно из спальни на балкон. Как он и распорядился, контора прислала бригаду убрать стекло и забить окно досками.

Камерон скептически осмотрела плоды трудов ремонтников:

— Это определенно привносит в отделку дома ту нотку «вандализма», к которой я стремилась.

— Зато надежно, — заметил Паллас. — О стиле позаботимся позже.

Второе, что сделал агент — бок о бок с хозяйкой тщательно проверил помещение, пока не удостоверился, что все в порядке. Учитывая размеры особняка, на процедуру ушло не пять минут.

— Ты была замужем? — поинтересовался Джек, открывая встроенный шкаф в одной из гостевых спален.

— Нет, — ответила Камерон, похоже, удивившись вопросу.

«Версия насчет богатенького бывшего супруга исключается», — подумал Паллас.

Еще одна загадка, до сути которой он скоро доберется.

Третьим номером в списке значилось устроиться. Охранник занял ближайшую к спальне хозяйки комнату — по счастью, в отличие от других гостевых спален укомплектованную мебелью, — и распаковал сумку. Стащил пиджак, повесил его в шкаф, положил запасной пистолет на тумбочку и открыл один из ящиков стоявшего в углу комода.

Внутри обнаружилась мужская футболка.

Джек с грохотом задвинул ящик и выбрал себе другой.

А затем перешел к четвертому пункту повестки вечера: позаботиться о Камерон.

Мисс Линд отлично выдерживала роль нескгибаемого государственного обвинителя, делая вид, будто спокойно справляется со всем случившимся в этот день. Но по дороге к особняку Джек увидел затуманившую ее глаза усталость, за ироничным тоном комментария про заколоченное окно расслышал нервность и заметил секундное колебание, когда помощница прокурора последовала за ним вверх по лестнице на второй этаж, несомненно, припоминая недавнее нападение.

Как он догадывался, Камерон полдня ничего не ела. Похоже, с еды можно начать не хуже, чем с чего-либо другого. Притормозив под дверью хозяйской спальни и убедившись на слух, что все нормально, Паллас направился вниз, на кухню. Агент отыскал в ящике со всякой всячиной потрепанное меню из китайского ресторанчика, расположенного в паре кварталов отсюда, и рассудил, что это беспрюирышный вариант. Он понятия не имел, чего хотелось бы подопечной, поэтому заказал кучу всего — плевать на расходы, запишет на счет Бюро. Кроме того, так у них еще останется еда, а то, судя по холодильнику и морозилке, повар из Камерон еще хуже, чем из него. Благодарение Богу за службу доставки, потому что мужчине ростом под метр девяносто на низкокалорийных замороженных обедах дольше часа не протянуть. Когда в джунглях Колумбии Джек с четверья другими парнями из их спецназовского отряда пять суток перебивался с хлеба на воду, его рацион и то был посытнее.

Затем он проверил бар в столовой. Судя по содержимому, хозяйка дома любила вино, причем красное, так что Джек решил не рисковать и выбрал каберне. Хочет Камерон признавать это или нет, но ей потребуется помощь, чтобы уснуть нынешней ночью. Прислушиваясь к звукам лившейся в ванной воды, Паллас прошел на кухню и наполнил бокал. Через несколько минут в дверь позвонили, и после краткого замешательства, когда ФБРовец общмонал паренька из службы доставки, вытребовал у него удостоверение личности и перезвонил в ресторан для подтверждения, заказ был получен.

Агент водрузил пакеты с провизией на стойку, захватил бокал с вином и отправился наверх. Как он и просил, Камерон оставила дверь своей спальни приоткрытой. Он постучал.

— Входи, — тихо отозвалась она.

Джек толкнул дверь, открывая пошире, увидел подопечную перед открытой

гардеробной и пошел к ней.

— Я подумал, может, тебе захочется вина, чтобы лучше... — Камерон обернулась, и он затих, ошарашенный увиденным.

В аквамариновых глазах стояли слезы.

«Ну, конечно», — сообразил ФБРовец. Здесь же прятался преступник, поджидая свою жертву.

Паллас поставил бокал на пол и шагнул к свидетельнице:

— Камерон... уже все позади. Ты ведь понимаешь, правда?

Она сморгнула, по щеке покатилась слезинка.

Это его просто убило.

Джек обнял ее, привлек ближе и прошептал на ухо:

— Он к тебе больше и близко не подойдет, малыш, обещаю. Никто никогда тебя и пальцем не тронет.

Свидетельница повернула голову, припав щекою к груди телохранителя, и бросила взгляд в гардеробную. Джек мог поклясться, что расслышал всхлип.

— Такое красивое, — наконец пробормотала она.

Паллас посмотрел в ту же сторону. В шкафу висело развернутое к зрителям длинное шелковое платье темно-розового цвета. Он понятия не имел, почему Камерон плачет над нарядом, но рассудил, что в данных обстоятельствах лучше просто кивать и проявлять сочувствие. Может, злоумышленник помял его или еще что.

— Очень красивое, — осторожно согласился агент.

Камерон указала на пару серебристых туфель на высоких каблуках, которые стояли на полу гардеробной прямо под платьем, словно обутые на невидимую женщину.

— И эти туфли... — Полные слез глаза посмотрели на Палласа снизу вверх. — Идеально к нему подошли бы, правда?

Да-а... пожалуй, ужин лучше пропустить, а вместо этого сразу уложить ее в кровать. Кто-то явно расклеился.

Джек прочистил горло. Честно, Уилкинс с такими ситуациями справляется куда лучше.

— И теперь... ты не хочешь надевать эти туфли, потому что... убийца, возможно, прикасался к ним? — «Проклятье, он же мужчина, откуда ему знать? Вдруг женская обувь — такая же святыня, как дамские сумочки и девичники?»

Отодвинувшись, Камерон наградила ФБРовца страннейшим взглядом:

— Что? Да ну, Джек, не считай меня полной идиоткой. Это же платье *подружки невесты*. Я расстроилась, потому что должна была надеть его на свадьбу Эйми. А свадьба в эти выходные, в Мичигане. Среди сегодняшнего хаоса я совсем о ней забыла, — вздохнула свидетельница. — Разве ты не собираешься заявить, что я не смогу поехать?

Паллас задумался:

— Где именно в Мичигане?

— В гостинице в Траверс-Сити^[18]. Эйми в детстве часто отдыхала там с родителями. Она долгие годы планировала свою свадьбу — эта церемония многое для нее значит. Похоже, Колину все-таки придется занять мое место, — выдавила усмешку собеседница. — Вот он расписуется.

Джек видел, что кроется за ее улыбкой. Было невозможно не заметить, насколько Камерон близка со своими друзьями.

Траверс-Сити находился в паре сотен миль от детройтского офиса, но можно попросить

Дэвиса обратиться к тамошним коллегам за услугой. У шефа повсюду имелись должники.

— Я мог бы отвезти тебя на свадьбу, — предложил агент.

— Правда? Думаешь, это будет безопасно?

— При условии, что Бюро пришлет туда на подмогу несколько человек из Детройта, — вполне. Кстати, поездка даже к лучшему. У тебя большой дом — обширная территория для охраны. Я запланировал установить здесь систему безопасности: беззвучную сигнализацию, датчики движения, все, что только можно. Теперь одна из наших техгрупп сможет в выходные этим заняться, а когда мы с тобой вернемся, аппаратура уже будет налажена.

Собеседница выдохнула с видимым удивлением и одновременно облегчением:

— Отлично. Ну что ж — хух, — это оказалось проще, чем я думала.

Джек вскинул голову. Постой-ка... Он не мог решить, разозлило это его или по-настоящему впечатлило. Зацепив пальцем поясok спортивных брюк, в которые переделалась свидетельница, Паллас подтянул ее поближе.

— Одурачила меня, да?

— Ты что, шутишь?! — с вызовом уставилась на ФБРовца Камерон, похоже, оскорбившись подобным предположением. — Разве после такого дня у меня нет права пролить пару слезинок? Пфф...

Паллас ждал.

— Свадьба Эйми действительно важна для меня — не могу поверить, что ты в этом сомневаешься. Честно, Джек, слезы были настоящими.

Агент выждал еще немного. В конце концов она сознается. У него всегда сознаются.

Под его тяжелым взглядом обманщица заерзала:

— Ну, ладно, ладно. Слезы *частично* были настоящими, — и раздосадовано покосилась на допросчика. — Ты в этом действительно профи.

— Знаю, — ухмыльнулся Паллас, поднял с пола бокал и вручил подопечной. Последовав за агентом вниз, она увидела на кухонной стойке пакеты с едой.

— Присаживайся, а я пока накрою на стол, — предложил Джек. — При твоём эмоционально неустойчивом состоянии мне бы не хотелось, чтобы ты и дальше выматывалась.

Камерон наблюдала, как Паллас вытаскивает из пакетов белые картонные коробки и расставляет их по стойке, и вопросительно подняла глаза, когда он остановился.

— Ну вот... пожалуй, и вся сервировка.

— Ничего себе, — рассмеялась хозяйка, — ты действительно пойдешь на что угодно, лишь бы произвести впечатление на девушку, — и ухватила палочки и ближайшую картонку, явно не особо смущаясь непрезентабельной подачей.

Сначала за едой они обсудили расследование дела Робардс. А когда начали убирать со стола, Камерон перевела разговор на ранее запретную для них тему — три года, проведенные агентом в Небраске. Памятуя о подводных камнях такой беседы, Джек решил рассказать об одном из своих последних заданий — поимке банковского грабителя, которого из-за повадки оставлять вазелиновые отпечатки своей филейной части на окнах рядом с выпотрошенными ночью банкоматами местная пресса окрестила «Задничным бандитом»^[19].

Выбрасывая пустые коробки, Камерон старалась не рассмеяться, но с позором провалилась.

— Извини. Уверена, это было очень важное расследование. И как же вы поймали этого типа? — Она снова начала хихикать. — Выстроили подозреваемых со снятыми штанами в

ряд для опознания?

— Ха-ха-ха, — передразнил Джек, протягивая руку ей за спину, чтобы выбросить остальной мусор. — Нет, этого типа поймали, потому что в один из разов, размазывая вазелин по заднице, он оставил отпечатки пальцев, и мы их идентифицировали. Он уже сидел за ограбление круглосуточного магазинчика.

— Хотелось бы мне видеть, как ты производил его арест, — заметила Камерон, прислоняясь к стойке и отпивая вино.

— Это был звездный час моей карьеры, — сухо бросил Паллас, запихивая в холодильник сложенные хозяйкой в судочки остатки ужина. Закрыв дверцу, он увидел, что собеседница смотрит на него с неожиданно серьезным выражением лица.

— Что-нибудь не так? — спросил агент.

— Я должна кое-что тебе рассказать. О том, что произошло три года тому назад... Это не я сослала тебя в Небраску.

Осознавая услышанное, Джек провел рукой по губам:

— Выкладывай.

Пока Камерон исповедовалась, Джек мерил шагами кухню.

Помощница прокурора сперва затронула дело Мартино, рассудив, что желательно прояснить все с самого начала, и рассказала, как Бриггс принял решение не предъявлять обвинений и распорядился не разглашать этот факт ни ФБР, ни кому бы то ни было.

— Я тогда только-только начала работать в прокуратуре — мне не хотелось идти на конфликт, — призналась она. — Если бы разговор с Сайласом случился сейчас, все было бы иначе.

А потом выложила и все остальное: про старания своего шефа уволить Палласа, про знакомого из Минюста, про встречу с Дэвисом и даже про свой ответ на вопрос начальника ФБРовцев, почему она хочет помочь.

— Понимаю, что перевод в Небраску не ахти какой результат, но все же лучше, чем оказаться вовсе уволенным со службы. Это самое большее, чего я могла добиться в сложившихся обстоятельствах.

Когда она закончила, агент ничего не сказал. Прошла минута, и...

Паллас по-прежнему молчал.

А затем, прикипев к собеседнице глазами, прошествовал к ней через кухню.

Камерон подобралась. Судя по взгляду, Джек сейчас ее или придушит, или...

Он поцеловал ее — жарко, требовательно. Когда Паллас оторвал губы от ее рта, они оба не могли отдышаться.

— Почему ты не рассказала мне этого три года назад, до моего отъезда?

— Ты заявил тридцати миллионам человек, будто у меня вместо головы задница. Смешно, но такие слова отбивают всякую охоту к конструктивному разговору.

— Да уж, — улыбнулся Паллас. — Ну, и что нам теперь делать?

Словно она знает.

— Думаю, нам надо обсудить правила в данной ситуации. Правила твоего проживания в этом доме. Со мной.

Джек отодвинулся.

— Верно. Рамки поведения. Неплохая мысль.

ФБРовец пробежал пальцами по шевелюре, прислонился к барной стойке рядом со свидетельницей и, покосившись на нее, шумно выдохнул:

— Полагаю, первое, о чем следует договориться: чтобы ты не шастала по дому в обтягивающих футболках и штанишках для йоги.

— Хорошо. Перестану, как только ты побреешься.

Паллас потер ладонью щеку и ухмыльнулся:

— Нравится щетина, да?

А то.

— Я предупреждал, чтобы ты на меня так не смотрела, — сжал челюсти Джек.

В его взгляде она увидела и возбуждение, и внутреннюю борьбу.

Плевать.

Камерон преодолела расстояние между ними и поцеловала его. Словно отбрасывая всякие вступления — против чего она несколько не возражала, — Джек подхватил ее под бедра и приподнял. Не прерывая поцелуя, Камерон обвила ногами его талию, и Паллас

вынес ее из кухни, направляясь к лестнице.

— Наверное, это плохая идея, — провела Камерон ладонями по мускулистым плечам и рукам, восхищаясь легкостью, с которой они удерживали ее на весу.

Джек с вызовом прикусил ее нижнюю губу:

— Ну, так останови меня. Напомни, что я не должен сближаться с тобой, пока ты свидетельница в моем расследовании.

Она запустила пальцы в темную шевелюру.

— Звучит очень путано.

На верху ступеней Паллас прижал ее спиной к стене, поцеловал в шею и мурлыкнул у основания горла:

— Скажи, что мне надо притормозить.

— Вероятно, надо, — закрыв глаза, почти простонала Камерон и передвинулась так, чтобы твердая выпуклость в его джинсах оказалась между ее бедер.

Резко втянув воздух, Джек внес ее в спальню.

— Скажи, что у тебя просто комплекс благодарности за то, что я сегодня спас тебе жизнь.

— Думаю, это вполне возможно.

Он опустил ее на кровать и медленно наполз сверху. Голос звучал хрипло.

— Просто скажи, что не хочешь этого, Камерон.

Она провела пальцем по ссадине на щеке агента:

— Извини, но врать я не стану.

Паллас поцеловал ее, и в обоих словно что-то щелкнуло. Камерон стала дергать наплечную кобуру, понятия не имея, как снять эту чертову штуковину. Руки Джека блуждали по ее телу. Он сгреб подол ее футболки, собираясь стащить одежду через голову.

— Только швы не зацепи, — пробормотала Камерон в его губы.

— Ч-черт, — прошипел Джек и внезапно откатился в сторону.

— Нет... куда это ты? — Если не за презервативом, то сейчас у них состоится крупный разговор. И очень многие ее слова будут нецензурными.

— Тебя же сегодня подстрелили, — выдавил он между прерывистыми вдохами.

— Ничего страшного, — потянулась к нему Камерон. — Всего-то две десятых балла, забыл?

Ухватив за кисти, Джек прижал ее к постели.

— Теперь уже на что-то похоже, — одобрительно глянула она.

— Господи, Камерон. Я только что узнал, что последние три года был настоящим придурком. Не заставляй меня быть придурком и сейчас. Давай хотя бы это сделаем правильно. Ты ранена, ты в расстроенных чувствах — я не хочу воспользоваться ситуацией.

Свидетельница сердито зыркнула снизу вверх:

— Неудачный момент ты выбрал, чтобы снова начинать вести себя мило. По-моему, мы уже об этом говорили.

— Поверь — мне ничуть не легче, — слез с кровати Джек. — Как бы там ни было, тебе сегодня нужно отдохнуть. А если я не уйду, отдых ты получишь в последнюю очередь. — Он протянул руку и помог ей подняться.

Камерон встала с кровати и последовала за агентом до порога. Глядя на нее, Джек задержался в дверях: волосы его были взъерошены, глаза приобрели оттенок горячего шоколада. Сексуальные глаза, вот только секса она так и не получила.

— Знаешь, утром я, наверное, буду благодарна за то, что сегодня ты оказался таким джентльменом.

— А сейчас?

— А сейчас мои чувства к тебе далеки от приятных.

— Мне не привыкать, — ухмыльнулся Паллас и пошел по коридору в гостевую спальню, но, прежде чем войти в комнату, остановился: — Кстати, у меня в комодке лежит какая-то мужская футболка.

— Белая, с эмблемой «Сокс»?

— Угу.

— Это Колина. Он, должно быть, забыл ее здесь в одну из своих ночевок.

— Вы двое точно просто друзья? — с подозрением переспросил агент.

— Да, — рассмеялась на это Камерон.

— И ты уверена, что он гей?

— Абсолютно.

Джек с удовлетворенным видом кивнул:

— Спокойной ночи, Камерон.

И до утра она его не видела.

* * * * *

Паллас переделался в спортивные брюки и футболку, оставив пистолет на лодыжке, и постоял в дверях своей комнаты, прислушиваясь к доносящимся из коридора звукам. Камерон готовилась ко сну. ФБРовец неторопливо проделал собственную процедуру, затем проверил почту на смартфоне. Покончив с делами, Джек бросил пару подушек к спинке кровати и лег, закинув руки за голову. Он подумывал полистать прихваченную с собой книгу, но настроение у него было совсем не для отдыха.

После того как шум стих, агент выждал еще тридцать минут — на всякий случай, затем встал, прокрался по коридору и, неслышно шагнув в спальню Камерон, остановился на пороге, прислушиваясь к ее тихому, ровному дыханию. Удовлетворенный тем, что свидетельница уснула, Паллас скользнул в угол комнаты, опустился на пол возле заколоченного досками французского окна, которое выходило на балкон и пожарную лестницу, и прислонил голову к стене.

Джек сидел в темноте и сторожил.

Он знал, что сон в конце концов сморит его — доводилось спать и в более неудобных местах, — но это будет неглубокая дрема без сновидений. При необходимости он окажется наготове в одно мгновение.

И помоги, Боже, тому, кто попытается пробраться мимо.

На следующее утро Камерон открыла глаза совершенно дезориентированная. Ей потребовалось время, чтобы стряхнуть ночные кошмары и убедить себя, что это всего лишь сновидения.

Она села, пытаясь различить в тишине особняка какие-то звуки, но ничего не услышала. С другой стороны, Палласа никогда не было слышно, пока он этого не хотел. На долю секунды Камерон задалась вопросом, не следует ли ей забеспокоиться о ФБРовце, но затем рассудила, что (а) это же Джек и (б) случись что-нибудь с ним, она не раздумывала бы в кровати, потому что попросту была бы мертва.

Странное ощущение — валяться в постели, зная, что где-то в твоём доме бодрствует Паллас. Поднявшись, Камерон побрела в ванную, почистила зубы и включила душ, чтобы вода прогрелась, пока она разденется. Когда она вытянула руку над головой, чтобы снять с себя футболку, раненое плечо жалобно запротестовало. Отогнув нащепку, Камерон глянула в зеркало, желая убедиться, что рана выглядит нормально.

Принять душ и вымыть голову, стараясь не намочить при этом швы, оказалось не такой уж легкой задачей. По предписанию врача в течение первых суток рану требовалось держать сухой. Пострадавшей определенно пригодилась бы сторонняя помощь в ванной — и эту помощь можно было бы получить, не реши кое-кто, что самое время вести себя по-джентльменски.

В результате она еще больше разворчалась на Джека.

После душа, прежде чем отправиться вниз, Камерон быстренько накрутила волосы, но волосы сушить не стала, решив, что не стоит возиться, раз ей перед репетицией свадебной церемонии, скорее всего, придется причесываться заново. Зайдя на кухню, она увидела, что агент работает, устроившись за стойкой.

— Доброе утро, — глянул на нее поверх компьютера Джек. А потом посмотрел снова, на этот раз подольше. Кажется, она сегодня «забыла» надеть бюстгальтер. Еще одно «упс». — Ты что, дразнишься?

— Твои проблемы, приятель. Я и так вдоволь повеселилась, смывая с волос кондиционер.

Агент какое-то время переваривал услышанное.

— В толк не возьму, что это значит.

Так и задумывалось. Заметив, что ее ждет свежесваренный кофе, свидетельница вздохнула. Джек Паллас просто невозможен — на него все труднее и труднее сердиться. А ведь раньше это у нее отлично получалось.

Камерон достала из шкафа кружку с изображением озера Мичиган, налила себе кофе и, сделав глоток восхитительно горячего напитка, мало-помалу начала чувствовать себя человеком.

— Похоже, ты очень занят.

— Впереди насыщенный день, — ответил Джек.

С влажными волосами, в серой футболке с коротким рукавом и джинсах Паллас выглядел неформально шикарным и довольно бодрым. Камерон рассудила, что охраннику, должно быть, неплохо спалось в гостевой кровати.

— У тебя слабый сигнал интернета, — посмотрев на свой компьютер, нахмурился

агент.

Хозяйка обогнула стойку и устроилась рядом.

— Раньше с этим никогда не возникало проблем. — Бросая взгляд на экран, она заметила на предплечье Палласа шрам. При коротком рукаве его было невозможно не заметить: рваный, уродливый, несколько сантиметров в длину. Из материалов дела помощница прокурора знала, что с противоположной стороны тоже остался рубец — там, где нож пробил руку насквозь.

Она промолчала, не желая ставить Джека в неловкое положение.

— Выглядит не очень симпатично, правда?

Камерон мысленно отругала себя за бестактное разглядывание. С другой стороны, ФБРовец подмечал любую мелочь.

— Не представляю даже, насколько это было больно. — Подняв глаза, она увидела, что Паллас наблюдает за ней.

— Чуть больше, чем ноль целых две десятых. Итак, — сменил тему агент, — нам сегодня предстоит пятичасовая поездка. А значит, в дорогу следует отправляться не позднее одиннадцати, если хотим, чтобы ты успела на репетицию.

— Мне нужно позвонить Колину, — вдруг вспомнила Камерон. — После того, как его бросил Ричард, мы решили ехать на свадьбу вместе.

— Я уже поговорил с твоим приятелем — он звонил сегодня с утра, чтобы узнать, как у тебя дела. Колин поедет на своей машине.

— Ты что, отвечал по моему телефону?

Джека, похоже, развеселил ее вопрос.

— А в чем проблема?

— Ты сегодня явно в ударе — с самого утра всем распоряжаешься.

— Наверное, нужно внести в дело ясность: независимо от того, что произошло нынешней ночью...

— Да, но ведь *ничего* не произошло, забыл?

— ...когда речь идет о твоей безопасности, порядок тот же, как в любом другом случае защитного наблюдения. В том смысле, что главный здесь я — и на эти выходные, и на все время, которое понадобится, пока мы не поймем убийцу. — Решив, что вопрос исчерпан, агент взял со стойки блок розовой бумаги для заметок. — И вот еще — я говорил с твоей подругой о свадьбе.

Камерон взглянула на часы на духовке.

— Ты уже и с Эйми успел пообщаться? Сейчас только восемь тридцать.

— Нашел ее номер в твоём мобильном. Мне требовалось попросить ее прислать по электронной почте список приглашенных. Команда ФБР, которая будет встречать нас в гостинице, организует контрольно-пропускной пункт, и только те, кто указан в списке, получат доступ на церемонию.

— Готова спорить, Эйми пришла в восторг.

— Действительно, она заявила, что это придаст свадьбе «ультраэкссклюзивность», — Паллас пролистал стикеры. — Эйми оставила для тебя несколько сообщений, которые мне поручено передать слово в слово. Во-первых, велела не забыть некие особые украшения, потому что ты знаешь, сколько времени она угрохала на их покупку и как важно, чтобы ты выделялась среди других подружек невесты. Во-вторых, попросила выбросить все упоминания о студенческих пьянках из черного варианта свадебного тоста, который ты

присылала на прошлой неделе. В-третьих, уверила, что ты не должна интерпретировать первые два указания насчет украшений и тоста как признак того, что твоя подруга не ужасно-преужасно встревожена всем случившимся с тобой вчера и не тронута тем, что ты все равно придешь на свадьбу. Наконец, невесте не хочется, чтобы остальные гости решили, будто почетная свидетельница — настучавшая на своего дружка любовница мафиози и поэтому ее охраняет ФБР. Так что Эйми интересовалась, согласишься ли ты сделать вид, вроде я просто твой парень. Я ответил, что против последнего пункта мы не возражаем, — отложил записи Джек.

Пункта, где они притворяются парой.

— Так значит, мы с тобой теперь «мы»?

— По крайней мере на эти выходные, солнышко, — ухмыльнулся Паллас. — Роль не должна оказаться слишком сложной, учитывая, что мы будем жить в одном номере.

Боже правый...

* * * * *

Их пятичасовая поездка пролетела быстро.

С тех пор как Джек выяснил правду о случившемся три года назад, для него многое изменилось. Поэтому он задавал массу вопросов, желая больше узнать о Камерон. А еще потому, что старался удержаться от мыслей, насколько сногсшибательно выглядит спутница в обтягивающих джинсах, заправленных в высокие коричневые замшевые сапоги, и свитерке цвета слоновой кости с треугольным вырезом. Наряд пассажирки определенно представлял опасность для вождения: на первой же паузе в разговоре Паллас начал воображать ее в одних сапогах верхом на себе и чуть было не выехал за разделительную полосу.

Примерно на полпути они наконец коснулись темы, очень интересовавшей Джека. Агент как раз пытался найти способ тонко вернуть этот вопрос в разговор, когда Камерон опередила его:

— Почему ты спрашивал, была ли я замужем?

— Твой дом кажется слишком большим для одного, — аккуратно подбирал слова Паллас. — Мне подумалось, что с тобой, вероятно, кто-то жил.

Усаживаясь поудобнее, спутница вытянула ноги. Джек старался смотреть на дорогу, а не на возбуждающую неприличные мысли обувку. В основном.

— До смерти хочется узнать, как я могу позволить себе такие хоромы, да? — довольно констатировала помощница прокурора.

— Если учесть, что в нашем последнем разговоре на тему финансов я обвинил тебя во взяточничестве, ты, конечно, имеешь полное право ответить, что это не мое дело. Но если ты расположена поделиться данными личными сведениями, я с радостью выслушаю.

— С таким ответом ты мог бы сойти за юриста, — рассмеялась Камерон. — Никакого криминала — я унаследовала этот дом. Долгие годы в нем жила моя бабушка, здесь, собственно, вырос мой отец. Он был единственным ребенком, и после бабушки дом перешел бы к нему. Но папа умер раньше нее, а поскольку мои родители развелись задолго до этого, особняк достался мне как единственной наследнице. Сперва я подумывала его продать, но не отпускало чувство, что это как-то неправильно. Смерть бабушки была скоропостижной... после гибели папы она словно просто сдалась. Потеряв родных людей одного за другим, я не смогла смириться с мыслью, что откажусь от семейного гнезда. Думаю, они бы обрадовались, что я оставила дом себе.

Джек покосился на спутницу, пытаясь определить, на той ли они стадии отношений, когда позволительно задать следующий напрашивающийся вопрос. С учетом всего произошедшего за последние сутки можно было предположить, что как раз на той.

— Как погиб твой отец?

Камерон помедлила, и Паллас поначалу подумал, что она не собирается отвечать.

— Папа работал в полиции здесь, в Чикаго. Четыре года назад погиб при исполнении служебных обязанностей. Они с напарником выехали в многоквартирный дом на вызов по поводу бытового насилия: кто-то из соседей позвонил с жалобой. Дверь никто не открыл, но, услышав, что внутри кричит женщина, мой отец и его товарищ нашли домовладельца и заставили отпереть замок. Войдя в квартиру, они повсюду увидели наркотики и поняли, что дело не в бытовом насилии — это обколотая наркоманка вопила, что ее пытаются обмануть. Заметив полицейских, торговцы — а их на кухне сидело двое — открыли огонь. Папиного напарника ранили в ногу, домовладелец получил пулю в плечо. Отец погнался за одним из преступников в спальню, где третий наркоторговец пытался удрать через окно. Запаниковав, он выстрелил отцу в грудь и в живот.

Джек мог только вообразить, какую боль она пережила.

— Черт, Камерон... Прости. — Агент быстро сложил в уме два и два. — Четыре года назад. Именно тогда ты перешла на работу в прокуратуру.

— Хотела бы я похвастать, что на должности государственного обвинителя первым делом засадила за решетку мразь, убившую моего отца. Да только мне никогда бы не позволили вести данное разбирательство.

— Этого типа поймали?

Собеседница кивнула.

— Он признал себя виновным в непредумышленном убийстве. Слушание прошло быстро, заурядно и очень... неудовлетворительно.

— Зато теперь ты сажаешь за решетку других негодяев.

— И это приносит мне больше удовлетворения.

Какое-то время спутники ехали молча.

— Камерон, ты меня поражаешь.

Слова Палласа вызвали у нее легкую улыбку.

— Высокая похвала из уст того, кто способен убить человека канцелярской скрепкой или чем-то вроде того.

— Ты знаешь о скрепках? — с удивлением глянул ФБРовец и потер подбородок. — Да-а, это было неплохо. Даже для меня.

Камерон остолбенело уставилась на него.

— Шучу, — рассмеялся агент. «По большей части. Скобами, может быть, но никак не скрепками». — Если уж речь зашла о твоей — и моей — работе, я хотел бы обсудить один момент, который всплыл при разговоре в кабинете Дэвиса. Ты упомянула, что Бриггсу известно о твоей роли в деле Робардс.

— Похоже, твоего шефа этот факт тоже заинтересовал.

— У меня из головы не выходит, что три года назад Сайлас велел тебе оставить в покое Мартино. Одно дело, когда я полагал, что ты, рассмотрев материалы расследования, сама решила, будто для судебного процесса доказательств недостаточно. Но теперь, когда я знаю, что Бриггс давил на тебя, эта история производит неприятное впечатление. Я не доверяю твоему начальнику.

Камерон задумалась. Джек видел, как она мысленно перебирает возможные варианты.

— Мы должны действовать очень осмотрительно, — заметила собеседница. — Сайлас Бриггс — федеральный прокурор США. Нельзя бросаться в него обвинениями только из-за неприятных впечатлений. Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, каким мстительным он может быть.

— Просто хочу, чтобы ты подумала над этим. Тебе следует остерегаться Сайласа. Очень хорошо, что я в понедельник пойду с тобой в прокуратуру — будет возможность присмотреться к этому сукиному сыну. Если он хотя бы глянет на тебя как-то не так, я, пожалуй, воспользуюсь твоей идеей насчет канцелярской скрепки.

Камерон повернула голову к ФБРовцу:

— Прозвучало зловеще.

— Теперь, когда мне известно, что это твой шеф подставил меня три года назад, мои чувства к нему, как ты выражаешься, далеки от приятных.

— Ради блага нас обоих надеюсь, в присутствии Бриггса ты сможешь себя контролировать.

Паллас отвел глаза от дороги и посмотрел на спутницу:

— За все годы службы в армии и ФБР проблемы с самоконтролем у меня возникали в присутствии одной-единственной особы.

Особа улыбнулась, но ничего не ответила, а только откинулась на спинку сиденья и забросила одну ногу на другую. Джек изо всех сил отбивался от атаковавших его мысли образов Камерон в позе всадницы.

— Ты разве не видишь, что съехал на обочину?

— Спасибо, что заметила, Камерон.

По распоряжению Палласа они со свидетельницей вошли в курортный комплекс «Гранд-Траверс-Резорт» через черный ход и были немедленно препровождены в кабинет управляющего. Камерон никогда раньше здесь не бывала, но моментально поняла, чем гостиница так впечатлила Эйми: роскошным декором, шестью с лишним сотнями номеров, великолепным пляжем и видом на канал, а также полным ассортиментом спа-услуг. Это место было грандиозным во всех смыслах слова. Даже Джек, заявивший, что поселит свидетельницу в другом отеле, если не будет на сто процентов удовлетворен аспектами безопасности, похоже, счел его приемлемым.

— Сойдет, — обронил агент в ответ на немой вопрос спутницы, когда они шагали по коридору, отделанному белым мрамором и вишневым деревом.

Паллас уже поговорил с управляющим по телефону и объяснил ситуацию в общих чертах, не раскрывая подробностей. В администрации он вытребовал для себя схему территории гостиницы и подчеркнул основной момент: никто, кроме них троих, не должен знать месторасположение номера Камерон. Джек также попросил отдельную переговорную комнату, в которой можно было бы встретиться с начальником гостиничной службы безопасности, а затем организовать рабочее место на выходные для себя и двух коллег, приезжающих из Детройта.

Затем ФБРовец поинтересовался, отведены ли для свадебных гостей определенные номера.

— Да, невеста забронировала блок номеров в главном корпусе, — подтвердил менеджер. — Все приглашенные будут размещаться здесь.

— Отлично. Отмените бронирование для мисс Линд и дайте нам другой номер на имя Дэвида Уорнера. Поселите нас в «Башне», — Паллас имел в виду расположенное рядом семнадцатизэтажное здание.

— Дэвид Уорнер^[20]? — переспросила Камерон после того, как управляющий вышел за ключами от их номера.

— Один из моих старых псевдонимов, — объяснил Джек.

— Ух ты... псевдоним. А кто тогда я?

— Полагаю, на эти выходные ты — миссис Дэвид Уорнер.

— Гм. Не уверена, что я из тех, кто берет фамилию мужа. Я еще не решила.

— На следующие два дня побудешь из тех.

— Так-так, а мистер Уорнер, похоже, любит покомандовать.

— Извините, — просунул голову в кабинет менеджер, — забыл упомянуть: в «Башне» все номера стандартные, не люксы. Вам, наверное, предпочтительнее две кровати вместо одной двуспальной?

Камерон с Джеком переглянулись, но ни один из них ничего не сказал.

Управляющий замялся на пороге:

— Если потребуется номер попросторнее, я всегда смогу перевести вас обратно в главный корпус.

— Нет, — покачал головой ФБРовец. — Нам желательно держаться в отдалении от остальных гостей. А это высотное здание гораздо безопаснее. Никаких балконов, никаких окон, доступных снаружи, и один-единственный вход в номер.

— С двумя отдельными кроватями, — добавила Камерон, рассудив, что это самая благоразумная фраза.

— Отлично, — кивнул менеджер и опять исчез.

Двадцать минут спустя, когда путешественники принялись устраиваться, Камерон осознала, что решение «одна кровать или две» на самом деле не имело никакого значения. Основной момент: они с Джеком живут в одной комнате. А она-то воображала, будто находится рядом с ним на четырехстах пятидесяти квадратных метрах особняка — это слишком близко.

Камерон с порога смотрела, как агент обследует встроенный шкаф и ванную комнату. Закончив проверку, Паллас направился к свидетельнице:

— Ну, что? На какой кровати?

— Извини, что?

Выражение ее лица рассмешило Джека:

— Которую из кроватей выбираешь? Я положу на нее твой багаж, чтобы ты могла распаковаться.

— А-а. Ту, что дальше от двери.

— Правильный ответ.

Наблюдая, как Паллас кладет ее чемодан, а затем забрасывает свою спортивную сумку на другую кровать, поближе к входу, Камерон внезапно ощутила... панику. До сих пор всякий раз, когда они с Джеком давали волю рукам, это случалось импульсивно, под влиянием безумных обстоятельств. Но сейчас, глядя на постели, Камерон поймала себя на сознательных размышлениях о том, о чем склонна думать одинокая тридцатилетняя женщина, оказавшись в гостиничном номере с мужчиной, к которому ее явно влечет — да и его, по-видимому, влечет к ней, — но с которым она еще не спала.

Несмотря на все колкости и браваду у нее появляются чувства к Джеку. А ведь только вчера — Господи, это точно было вчера?! — она заявляла Колину, будто между ней и Палласом исключительно физическое притяжение. Она и вправду обманывала саму себя. С того момента *столько* произошло. Но еще никогда Камерон так сильно не желала ошибиться в чем-то, как сейчас.

Она доверила Джеку свою жизнь. Похоже, назрел следующий вопрос: можно ли доверить ему свое сердце?

Камерон смотрела, как Паллас бросает свернутые носки в один из ящичков тумбочки. Он уже снял пиджак, открыв глазам свидетельницы наплечную кобуру, и выглядел суперопасным специальным агентом. Но это бесхитростное занятие — складывание носков — на мгновение придало ФБРовцу вид обыкновенного парня.

— Ты в порядке? — спросил Джек, заметив, что спутница все еще стоит у двери.

— Да, конечно, — улыбнулась Камерон, приблизилась и остановилась между кроватями, осматриваясь. — Эта обстановка напоминает мне про стены Иерихона.

— Из Библии?..

— Нет, — рассмеялась она. — «Это случилось однажды ночью»^[21].

— Я опять не понял. Что случилось ночью?

— Ну, помнишь, фильм «Это случилось однажды ночью»? — Джек отрицательно покачал головой. — Правда, не знаешь? Обязательно посмотри — это же классика. Герои Кларка Гейбла и Клодетт Колбер находятся в бегах и на ночь останавливаются в мотеле. Они не женаты, но ради приличий им приходится притворяться женатыми. Гейбл натягивает

посредине комнаты веревку и вешает на нее одеяло, называя сооружение «стенами Иерихона».

Паллас растянулся на кровати, заложив руки за голову. Ну конечно, будучи мужчиной, он с распаковкой вещей уже закончил, а Камерон только-только начала.

— И что же происходит в фильме дальше, после того как герой возвел стену? — любопытствовал агент.

— О, с этого места страсти накаляются. Кларк Гейбл спрашивает Клодетт Колбер, не хочется ли ей увидеть, как раздеваются мужчины. А потом снимает перед ней свою одежду.

— Похоже на душещипательное «мыло» для дамочек. Бьюсь об заклад, Уилкинс смотрел это кино раз десять.

— Вот и умница. Думаю, большинство мужчин могли бы почерпнуть пару-тройку полезных сведений из так называемого «мыла».

— Например?

— Например, как думают женщины. Что их заводит.

— Если я захочу узнать, о чем думает женщина, то просто спрошу ее. А если захочу узнать, что ее заводит, — уголки губ Джека приподнялись в коварной улыбке, — что ж, спрошу и об этом.

— Хм-м-м, — проворчала Камерон по дороге в ванную. Невозможный человек — весь такой рациональный и здравомыслящий. Распаковав зубную пасту, щетку, шампунь и бальзам для волос, она выставила их на мраморный туалетный столик, как бы намекая, что за целый уикенд ей больше ничего не понадобится. Ну-у, Паллас ведь мужчина, ему ни к чему знать о ритуале, происходящем за кулисами. И об остальных четырнадцати флаконах в ее чемодане.

Выйдя из ванной, она увидела, что агент стоит у окна, занимающего всю стену.

— Подойди на минуту, — махнул он рукой.

Камерон приблизилась. Паллас удивил ее, привлекая в объятия, спиной к своей груди, чтобы вместе посмотреть на улицу. Их номер выходил на яркие осенние холмы и сады и на залив Ист-Гранд-Траверс-Бей.

— Мне нравится этот вид, — хриловато проговорил Джек ей на ухо.

Камерон откинула голову спутнику на грудь — такой редкостью была эта спокойная минутка с Джеком в отличие от хаоса, омрачавшего их жизни последние пару недель — и крепче прижала к себе его руки.

— Мне тоже.

* * * * *

Для ужина, который последовал за репетицией церемонии, Эйми полностью зарезервировала бар «Ээри Лаундж», расположенный на шестнадцатом этаже «Башни», на расстоянии комфортно короткого спуска на лифте от номера Камерон и Джека. Однако ощущение комфорта испарилось, когда кузины невесты приперли почетную подружку к выходящему на залив панорамному окну, горя желанием сыграть в «Двадцать вопросов» о ее спутнике. С того момента, как Камерон появилась с агентом на репетиции, сестрички, опознавшие в Палласе парня с девичника, не давали ей проходу.

Она с облегчением ощутила на своем локте мужскую ладонь и услышала рядом знакомый голос:

— Извините за вторжение, дамы, но мне нужно на несколько минут позаимствовать у

вас Камерон.

— Пожалуйста, позаимствуй меня на подольше, — шепнула она, когда Колин повел ее на противоположный конец зала, и поцеловала приятеля в щеку в знак приветствия.

Поскольку Эйми попросила Колина выступить чтецом на свадьбе, он тоже присутствовал на предварительной прогонке, но у Камерон, забегавшейся от множественных обязанностей почетной свидетельницы, не выдалось возможности пообщаться с другом раньше.

— Хотела сказать еще на репетиции: ты сегодня невероятно стильный. Мне нравится твой темно-синий спортивный пиджак и этот галстук, — Камерон легонько подергала за предмет своего восхищения.

— Ричард подарил мне его на прошлое Рождество.

Камерон заметила в глазах друга боль, а ведь он чрезвычайно редко открывал свои чувства.

— У тебя все нормально?

Колин кивнул, удерживая ее взгляд.

— Просто... размышляю кое о чем. Гей тридцати с лишним лет, без пары, пятое колесо на свадьбе своей подруги — вот об этом. А вдобавок ко всему, я скучаю по Ричарду.

— Ричард дурень, — заявила Камерон, — а ты никакое не пятое колесо. С формальной точки зрения, у меня на этом мероприятии всего лишь фиктивный кавалер.

— При том, как ты выглядишь, недолго ему оставаться фиктивным, — хмыкнул журналист, оценивая ее коктейльное платье цвета карамели и высокие каблуки. Посредине процедуры выпрямления волос у раненой разболелось плечо, поэтому она собрала локоны обратно в пучок и вместо прически сосредоточилась на дымчатом макияже. — Удивляюсь, как это Паллас выпустил тебя из номера без того, чтобы как минимум на час не опоздать на репетицию.

— И рискнуть навлечь на себя гнев невесты? Исключено — Эйми устрашает даже меня, — произнес ФБРовец у них за спиной.

Присоединяясь к беседующим, Джек на мгновение положил ладонь на поясницу Камерон. Свидетельница стояла лицом к гостям, так что никто не видел жеста агента, но даже от этого мимолетного прикосновения ее тело обдало жаром.

— Мне показалось, тебе не помешает выпить, — протянул Паллас стакан красного вина.

Она улыбнулась — отчасти потому, что собиралась подойти к бару еще за двадцать минут перед допросом сестричек, а еще потому, что просто не могла удержаться, до того сексуально смотрелся Джек в сером пиджаке и черной рубашке с воротником апаш.

— Спасибо.

Спутник подался вперед, и Камерон на секунду показалось, что он собирается ее поцеловать.

— Ты не предупреждала, что церемония состоится на открытом воздухе, — негромко заметил ФБРовец.

— Я не подумала о такой возможности. Из рассказов Эйми о месте проведения едва ли можно было догадаться. А это проблематично? — меньше всего ей хотелось усложнять и без того непростую задачу своего телохранителя.

— Я пообещал отвезти тебя на эту свадьбу, и я справлюсь. — Загородив их спиной от взглядов остальных гостей, Джек переплел пальцы с пальцами Камерон, притянул ее ближе

и произнес тихо-тихо, чтобы услышала только она: — А ведь Колин прав. Вы очень рискуете, мисс Линд, выглядя так сегодня вечером, — и, прежде чем отойти, провел большим пальцем по ее губам.

Камерон смотрела вслед Палласу, который направился к столику у двери, где сидели двое агентов из детройтского отделения Бюро. Неторопливо потягивая вино, она наслаждалась видом Джека.

Он принес ей выпить и отпустил комплимент по поводу внешности. Ее фиктивный парень с каждой минутой казался все более и более настоящим.

Камерон повернулась к приятелю:

— Это означает, что я — глупейшее существо в мире, да? Раз чувствую себя радостной и счастливой, несмотря на преследования неизвестного психопата?

Колин сверху вниз глянул на подругу:

— Думаю, ты понимаешь, что это означает, — и чокнулся с ней бокалами.

* * * * *

Позже вечером Паллас, подложив под спину подушку, сидел на кровати и разговаривал по сотовому телефону. Он позвонил напарнику, чтобы узнать, есть ли какие-нибудь сдвиги в расследовании, в надежде, что произведенный Уилкинсом опрос чикагских полицейских дал желаемый результат. К сожалению, пока поддерживалось впечатление, что никто из копов не разглашал сведения о причастности к сенаторскому делу помощницы федерального прокурора.

— А как там у тебя? — поинтересовался коллега. — Развлекаешься?

Разумеется, Камерон выбрала именно этот момент, чтобы высунуть голову из ванной.

— Эй, знаешь какой-нибудь фокус, чтобы добыть здесь горячую воду?

— Надо дать крану стечь минут пять, — подсказал Джек и вернулся к телефонному разговору.

— Живете в одном номере, угу? — спросил Уилкинс.

Паллас вспомнил Камерон в карамельном платье. Он никогда раньше не видел ее ни с такой прической, ни с таким чувственным макияжем. Свидетельница выглядела изысканно и в то же время невероятно соблазнительно, и в результате Джек весь вечер был на полувзводе. И даже на полном взводе, когда увидел, как она ест коктейльную вишенку из бокала Колина. Повезло еще, что в ту минуту он стоял за столом.

Агент свернул разговор прежде, чем напарник начал задавать вопросы из разряда тех, которые он обычно любил задавать и на которые Джек отвечать не собирался. Он и так-то человек скрытный, а когда речь идет о Камерон Линд, то и подавно. Повесив трубку, ФБРовец откинул голову на спинку кровати.

Он понимал, что должен делать. Хоть умри, но должен.

Джек схватил компьютер и попытался отвлечься работой. Ни черта у него не получилось — в том-то и состояла проблема. Тем временем Камерон, закончив с водными процедурами, вышла из ванной. Первым делом в глаза охраннику бросился наряд подопечной.

— У тебя нет ничего менее откровенного? — нахмурился агент.

Свидетельница осмотрела свое ночное облачение: велюровый спортивный костюм.

— Но на мне же штаны, футболка и толстовка на молнии.

Паллас хмыканьем выразил недовольство.

Камерон обошла свою кровать с той стороны, которая была ближе к Джеку.

— Кажется, кто-то слегка придирается.

Да, придирается. Потому что кто-то старается поступать правильно, несмотря на то, что кому-то другому явно хочется поизмываться. Господи Иисусе, Камерон прямо перед ним наклонилась над кроватью, чтобы поправить подушки, и велюровые штанишки туго обтянули изумительную попку, которая идеально поместилась бы в его ладонях, пока он языком...

— Так, все, отбой. Завтра у нас ответственный день, — щелкнул Джек лампой на тумбочке. Последнее, что он увидел, прежде чем в номере погас свет, было недоуменное выражение на лице соседки по комнате. Не волнует. Если сейчас он хотя бы взглянет на Камерон, ему каюк.

— Как я догадываюсь, это означает, что мы ложимся спать. — Ее голос в темноте звучал слегка позабавлено.

Споря сам с собой о дальнейших действиях, Паллас встал и подошел к кровати Камерон. Зрение уже освоилось в потемках, и он видел очерченную лунным светом фигурку под одеялами. Агент сел на кровать рядом с ней.

— Камерон, я пытаюсь сохранять сосредоточенность. Моя первоочередная задача в эти выходные — твоя безопасность.

— Ну конечно — я просто дурачилась, Джек.

— Я должен быть начеку, особенно теперь, когда известно, что церемония состоится на открытом воздухе. Этот факт меняет правила игры — завтра как никогда мне нельзя отвлекаться.

— Я понимаю. Честное слово, тебе не нужно больше ничего объяснять.

В свете луны глаза Камерон мерцали, словно камни в ручье. Не в силах сопротивляться, Джек протянул руку и коснулся длинных темных волос, разметавшихся по подушке.

— Кажется, я очень обрадуюсь, когда свадебная церемония закончится, — сказал он и увидел, как подружка невесты улыбнулась.

— И ты, и практически все, кто имел дело с Эйми в течение последних восьми месяцев.

— Отлично. Хорошо, что в этом вопросе мы единодушны. А теперь, — Паллас укутал подопечную до плеч, — независимо от того что произойдет дальше, ни в коем случае не отпускай одеяло. Считай его версией стен Иерихона двадцать первого века.

— Ладно... — с замешательством посмотрела она на агента.

— Обещай мне, Камерон. Что бы ни случилось.

— Обещаю. Но почему?

— Потому что я собираюсь пожелать тебе спокойной ночи. — С этими словами он наклонился и завладел ее губами. Камерон запустила пальцы ему в волосы и ответила на поцелуй, нетерпеливо встречая его язык своим. Паллас не успел опомниться, как оказался на кровати, придавив Камерон своим телом. Она раздвинула под одеялом ноги, и Джек жадно опустился между них, твердый как камень, подрагивающий от такой долгожданной близости к ней, а когда бедра Камерон выгнулись навстречу, он чуть не потерял самообладание.

— Ты погубишь меня как агента. Стоит мне добраться до твоего тела, и я буду не в состоянии думать ни о чем другом — только о том, чтобы повторить это снова и снова, — хрипло пробормотал Джек и потянулся к краю покрывала. Его пули не останавливали, а тут какая-то тряпка. — Я сделаю тебе чертовски хорошо... — Он целовал шею, горло, горя желанием спуститься ниже, попробовать ее везде.

— Ты играешь нечестно, — прерывисто выдохнула Камерон, но одеяло не отпустила.

Паллас зарылся лицом в подушку, из последних сил собирая остатки самоконтроля.

Поднявшись с кровати, он схватил с тумбочки пистолет и протянул подопечной:

— Держи.

— Ладно, — округлились от веселого изумления ее глаза. — Но, по-моему, нам следует просто сдать и послать к чертям завтрашнюю свадьбу, если для того, чтобы удержать на расстоянии, мне придется стрелять в тебя.

— Не в меня. Я хочу, чтобы в течение следующих пяти минут ты присмотрела за дверью. А я тем временем собираюсь принять холодный душ.

— Так ты с ним наконец-то переспешь?

Камерон огляделась по салону:

— Может, повторишь погромче, Эйм? Не уверена, что за гулом фенов все тебя слышали.

Хорошо еще, что Паллас ожидал снаружи, хотя бы частично уменьшив смущение Камерон от реплики подруги. Когда девушки явились в спа-салон, агент произвел полную проверку его помещений, после чего занял позицию у двери, служившей единственным выходом и входом.

Свидетельница и невеста сидели рядышком, дожидаясь завершающих штрихов к своему макияжу.

— Знаешь, с нами сейчас столько всего происходит, — укоризненно напомнила Камерон. — Например, небольшая неприятность с нападением на меня вооруженного налетчика в моем собственном доме.

У Эйми тут же сделался покаянный вид.

— Ты права, я сболтнула глупость. У тебя есть причины для переживаний поважнее, чем моя свадьба.

Подруги переглянулись в зеркале.

— Вот это да, — заулыбалась невеста, — я сама в шоке от своих слов. Ну что ж, к счастью, тебе осталось потерпеть всего каких-то несколько часов. Готова спорить, ты ждешь не дождешься от меня избавиться.

— Не выдумывай — мне нигде не хотелось бы провести эти выходные, кроме как здесь. Даже при том, что ты уже сидишь у меня в печенках.

Рассмеявшись, Эйми вытерла глаза:

— Прекрати, а то из-за этой сентиментальной чепухи я разревусь.

— Не трогайте глаза, — сурово пригрозил пальцем визажист, накладывавший невесте румяна. — Это одна из моих лучших работ.

Занимавшаяся макияжем свидетельницы косметолог — с пурпурными волосами и множеством татуировок и пирсинга — присовокупила и свои приказания:

— Посмотрите вниз.

Камерон повиновалась, стараясь не моргать, пока на ресницы наносился второй слой туши.

— Точно водостойкая? — услышала она вопрос Эйми к визажисту.

— Разумеется, — уверил тот.

— Теперь можете посмотреть вверх, — закончив, разрешила Пурпуровласка.

Камерон вернулась взглядом к подруге в зеркале.

— Кроме того, у меня есть правило: не ложиться в постель с парнем, пока он не пригласит меня на что-то вроде свидания.

— Если парень спас тебе жизнь, думаю, этот этап позволительно пропустить.

— В тот вечер Паллас заказал на дом ужин, хотя, по-моему, счет оплатило Бюро. Полагаешь, можно засчитать?

Пурпуровласка перестала растушевывать румяна по скулам клиентки.

— Пойдите-ка, вы говорите о темноволосом красавчике, который зашел вместе с вами?

И обыскал меня, прежде чем я начала вас красить?

— Извините, — состроила гримасу Камерон.

— Не извиняйтесь — то был лучший момент за целый месяц. И с этим парнем вы тянете волынку?! — Косметолог бросила на свидетельницу взгляд «ты-что-с-Луны-свалилась?». — Милочка, да вам нужно срочно арканить этого жеребчика и гарцевать на нем, что твой ковбой.

— Я... мы с вами не очень-то знакомы, но спасибо за совет.

— Идет в комплекте с макияжем, — подмигнула Пурпуровласка. — Ну, что скажете?

Камерон посмотрела на себя в зеркало. Волосы ей оставили распущенными, уложив волнами и придав такой объем, какого самостоятельно никогда не добьешься. И макияж, который казался чересчур затянувшимся, выглядел идеально, добавляя губам полноты, скулам — выразительности, а глазам — блеска.

— Симпатично.

— Симпатично?! Да брось, — фыркнула Эйми, элегантная даже при всей несочетаемости собранных под фатой в замысловатый пучок локонов и джинсов с белой рубашкой на пуговицах, затем пододвинулась в своем кресле и обняла подругу. — Тебе повезло, что я очень тебя люблю и поэтому разрешаю так потрясающе выглядеть в день *моей* свадьбы.

— Ты сногшибательна, Эйм. — Без преувеличения — если убрать джинсы и рубашку, невеста смотрелась настоящей золотоволосой красавицей из сказки. — Аарон просто упадет, когда увидит тебя в проходе.

— Лучше не надо. Это будет ужасный эпизод в свадебном видео.

Девушки рассмеялись, и Эйми взволнованно вдохнула:

— Ну что? Хочешь помочь мне надеть подвенечное платье?

Камерон кивнула:

— Еще как.

* * * * *

— А почему с агентами О'Доннелом и Роулингсом? Почему нельзя просто взять с собой Джека? — поинтересовалась Камерон, выходя за Эйми на улицу. Два ФБРовца сопровождали подруг, отстав на пару шагов.

— Потому что я считаю его гостем, а единственный из гостей, кому разрешен предварительный просмотр — это ты. Кроме того, Джеку самому нужно несколько минут, чтобы подготовиться к церемонии.

Камерон с опаской ступила серебристыми шпильками с тротуара на белоснежную ковровую дорожку и последовала за Эми через лужайку к огромному белому купольному шатру, установленному на холме с видом на залив.

Свидетельница осторожно семенила в своем наряде, хотя, пожалуй, в этом не было особой необходимости. Платье обтягивало фигуру, но сбоку шел разрез до бедра, позволявший достаточно свободно двигаться. За последние восемь месяцев единственным капризом Эйми, против которого Камерон не имела возражений, стал выбор костюма для почетной свидетельницы: того же цвета и материала, что у Мелани и Джолин, но отличавшегося по стилю. «Как для тебя шили», — уверяла Эйми. Но когда из следующей фразы выяснилось, что наряд розовый, Камерон чуть тут же не сложила с себя полномочия подружки невесты.

А потом увидела выбранное для нее платье: завязывающееся на шее, симпатичное спереди — хотя перед не шел ни в какое сравнение с видом со спины.

Точнее, с тем фактом, что в платье вовсе не было спины.

После чего Камерон закрыла рот и зареклась впредь сомневаться в компетентности суждений Эйми по любым вопросам, касающимся свадьбы.

— Тебе точно можно разгуливать здесь в этом наряде? — нервно поинтересовалась Камерон Преданная Почетная Подруга. Во время покупки подвенечного платья она чуть не задохнулась, увидев ценник на том, которое выбрала Эйми: от Каролины Эррера, без бретелек, из розовато-сливочной тафты с затейливой отделкой рюшами, достойной бального туалета девятнадцатого века. — А если споткнешься и посадишь на нем травяное пятно или еще что?

— Придется смириться, — пожала плечами невеста.

— Та-ак, — заморгала свидетельница. — Кто ты такая и что ты сделала с моей подружкой?

Та расхохоталась, и в этот момент они подошли к концу ковровой дорожки. Эйми подождала, пока агент Роулингс произведет в палатке осмотр, а когда ФБРовец кивнул, схватила спутницу за руку и потянула внутрь.

— Итак, когда гости войдут в шатер через центральный вход, они увидят... вот это.

На мгновение Камерон утратила дар речи.

Картина открывалась умопомрачительная — другие слова для описания просто не годились. Подруги стояли у входа в шатер, лицом к алтарю. Ковровая дорожка простиралась дальше, превращаясь в центральный проход, разделявший ряды серебристых с белым стульев в стиле «Версаль», предназначенных для гостей. Дорожку усыпали лепестки фуксий и красных роз и пестрые листья, по которым должны были ступать невеста и ее подружки. Вдоль всего прохода мягко мерцали высокие колонны свечей. Стоило посмотреть и на сам алтарь, элегантно освещенный дополнительными серебристо-белыми свечами и убранный таким количеством роз и фуксий, какого Камерон еще не доводилось видеть.

А больше всего поражали тысячи крошечных серебристых лампочек, развешенных изящными гирляндами в верхней части шатра. Свидетельница представила, что вечером потолок будет похож на звездное небо.

Она прошла дальше в шатер, осматривая его убранство.

— Пока гости рассаживаются, при входе будет играть арфа, — продолжала рассказывать Эйми. — Церемония начнется в полседьмого, как раз на закате. После нее мы будем фотографироваться, приглашенные выпьют по коктейлю и перекусят в беседке, мимо которой мы прошли по дороге сюда, а тут накроют столы для приема. Вон там во время церемонии будет музицировать струнный квартет, а на приеме его место займет ансамбль. А здесь установят танцплощадку... Ой, а я говорила об обогревателях? Видишь — спрятаны по периметру? Мы чертовски долго не могли придумать, куда деть все электрошнуры... — Невеста запнулась и обеспокоено глянула на подружку: — Ты ничего не говоришь. По-твоему, это чересчур?

— Нет, — покачала головой Камерон. — У тебя все получилось, Эйми. Твоя свадьба действительно идеальная.

Эйми улыбнулась:

— Когда я была маленькой, мы приезжали сюда каждые выходные перед Днем труда [\[22\]](#). Впервые, наверное, когда мне исполнилось лет девять. Я уже тогда знала, что хочу выходить

замуж именно здесь.

При звуках недовольного голоса за своими спинами подруги переглянулись.

— Я сказал Эйми, что у нее с вами, ребята, двадцать минут, — отчитывал Паллас коллег, бдительно дежуривших у входа. — Но уже прошло двадцать пять, и мне...

Камерон покосилась через плечо на размашисто прошедшего внутрь Джека.

Взгляд агента впервые упал на спинку платья Камерон. Точнее, на ее отсутствие.

Паллас запнулся на полушаге.

— Ух ты! — Его глаза задержались на Камерон еще на какой-то миг, прежде чем ФБРовец повернулся к невесте и обвел рукой шатер: — Здесь великолепно, Эйми. Вы отлично потрудились.

— Быстро оправились, Джек, — ухмыльнулась та.

Не в силах сопротивляться влечению, Камерон подошла к Палласу и дотронулась до его лица, проводя пальцами по гладкой щеке.

— Ты побрился. — Она любовалась классически красивыми чертами, которые агент обычно прятал под щетиной, и тем, как потрясающе он смотрится в темно-сером костюме. Мужчинам должно быть запрещено разгуливать в таком виде без специального разрешения.

Паллас осклабился:

— Не волнуйся — через два часа все будет по-прежнему, — и сам неторопливо окинул спутницу взглядом. — Разишь наповал.

Эйми за их спинами откашлялась.

— Не то чтобы мне хотелось вас прерывать, но пора уже начинать и свадьбу... Камерон, у тебя программа сегодняшнего вечера с собой?

— Угу, в сумочке.

— Джек?

Агент похлопал по пиджаку:

— Здесь все шесть страниц.

— Как указано на второй из них, через пять минут жду вас в беседке на фотографировании гостей с моей стороны. — Эйми ткнула пальцем в Камерон: — Не опаздывай и не заставляй меня сожалеть, что я выбрала тебя, а не Колина.

— Ты что, всерьез рассматривала его кандидатуру? — немного обиженно поинтересовалась подруга.

— Очень недолго. Рассудила, что в его свадебном тосте будет полно всяких занудных упоминаний о спорте. От тебя я ожидаю выступления получше, — сделала строгое лицо невеста и удалилась в вихре розово-кремовой тафты.

Джек кивнул агентам Роулингу и О'Доннелу, которые вышли наружу, оставив его с Камерон на минутку наедине.

С теплой улыбкой Паллас повернулся к спутнице и протянул ей ладонь:

— Ну что? Готова?

Камерон взяла его за руку, сплетая пальцы.

— Целиком и полностью.

* * * * *

Под аплодисменты и одобрительные возгласы Джек сопровождал Камерон обратно к столику и только наклонился к ней, чтобы поздравить с успешным выступлением, как Колин опередил его, подняв свой бокал.

— Фантастический тост, — воодушевленно провозгласил журналист. — Немножко юмора, немножко сантиментов — нет, серьезно, ты утерла нос шаферу.

Камерон шикнула на приятеля, занимая место между ним и агентом и бросая многозначительный взгляд в сторону двух других пар за их столиком. «Друзья жениха, — шепнула она Джеку раньше, — часть плана Эйми способствовать знакомству и общению между гостями». Хотя ФБРовцу уже и так было известно, кто эти люди и чьи они друзья наряду с их полной кредитной историей и отсутствием приводов в полицию, поскольку он отправил эсэмэской их имена Уилкинсу для проверки анкетных данных, как только соседи по столику представились.

Пододвигая подопечной стул, Паллас пытался сосредоточиться на чем-нибудь, помимо обнаженной атласной кожи под своими пальцами. Платье прикрывало Камерон весьма коварным способом — точно по изгибу поясницы. Пару сантиметров ниже — и можно было бы видеть упругую...

Он просто теряет свой гребаный рассудок.

— Разве нарядам подружек невесты не положено быть страшенькими? — проворчал Джек, усаживаясь рядом со свидетельницей.

— Как будто Эйми допустила бы на своей свадьбе что-нибудь страшенькое. — Камерон под столом положила ладонь на бедро спутника и легонько его сжала.

Паллас с зубным скрежетом втянул в себя воздух. А вот Колина, сидевшего по другую руку от подруги, ее внешний вид, казалось, совершенно не трогал. «Пусть лучше так», — раздумывал Джек, осмотрительно не выпуская Маккенна из поля зрения. Голубой-не голубой, друг-не друг, а никто с членом не подойдет к Камерон ближе, чем на полметра, пока она в этом платье.

— Единственное замечание к твоей речи — лично мне не было уделено того внимания, которого я заслуживаю, — пожаловался журналист.

— Внимания тебе было уделено предостаточно, — отмахнулась от упрека подруга. — Разве я не рассказала, как мы втроем на последнем курсе жили вместе? Я даже упомянула, что ты готовил блинчики для нас с Эйми, когда мы возвращались домой из баров.

— А потом мы обсуждали парней, с которыми встречались, — объяснил Колин агенту.

Палласу стало любопытно. Плюс надо было чем-то отвлечься от Камерон и от ее платья.

— А как вы трое познакомились?

Свидетельница открыла рот, но приятель перебил ее, подняв руку:

— Кхм... Раз уж мне не доверили провозгласить сегодня тост, я хотя бы отвечу на вопрос. Кроме того, я рассказываю эту историю куда интереснее. — Он подался вперед, театрально понижая голос: — Все случилось темным ненастным вечером...

— О, Господи, — закатила глаза Камерон.

— А что? — вскинул ладони Колин. — Вечер действительно был темным и ненастным. Мне ли не знать — я ведь тогда провожал тебя домой, помнишь? — Рассказчик повернулся к Джеку: — Шел второй курс. На ту пору я жил в студенческой общежитии и мучился, пытаюсь определиться, гей я или нет. Я учился в Мичигане, получая спортивную стипендию, а в кругу бейсболистов темы гомосексуализма не обсуждаются непринужденно. Как бы там ни было, однажды в начале учебного года наше братство организовало ночную гулянку, а на улице полило как из ведра. Я околачивался у входной двери, прихлебывая свое обычное на ту пору пойло — виски «Джим Бим» с кока-колой, — как вдруг на пороге появилась Камерон, теснясь под красным зонтиком с Эйми и еще одной девчонкой. Все трое хохотали, потом

закрыли зонтик, Кэм прошла в комнату и тряхнула волосами. Это выглядело, словно кадр из фильма — она была самой красивой девушкой, которую я когда-либо встречал.

Паллас перебирал серебряные столовые приборы. История стремительно приобретала нежелательный уклон... То, что рука агента задержалась на остром столовом ноже, могло и не быть простым совпадением.

— Поэтому я завел с Камерон разговор, и мы моментально нашли общий язык, — продолжал Колин. — Стали встречаться после занятий, в выходные, и я понял, что если у меня когда-нибудь и получится с женщиной, то именно с этой. Как-то в субботу пару недель спустя мы с Кэм оказались в моей комнате, а у меня уже все было спланировано: тем вечером я собирался сделать решительный ход. Мы сидели на диване, слушали приемник — как раз был вечер музыки восьмидесятых, — и тут в эфире Ким Карнс запела «Глаза Бетти Дэвис»^[23]. Камерон вздохнула, откинула голову на спинку дивана и сказала: «Мне нравится эта песня».

— А ты придвинулся ближе, — вклинилась в рассказ подруга, — повернулся ко мне и отозвался: «И мне нравится».

— Это был самый подходящий момент, — подхватил журналист, — и я наклонился к Кэм и поцеловал ее.

Убрав ладонь с бедра Джека, Камерон вытащила у него из пальцев неизвестно как очутившийся там нож для стейков. Агент бросил на спутницу невинный взгляд. Словно он тронет хоть один волосок на голове ее драгоценного Колина... при свидетелях.

Приближаясь к кульминационному моменту истории, — для блага самого же рассказчика следовало надеяться, что исключительно в фигуральном смысле, — Маккенн продолжал:

— Поцелуй немного затягивается, и я говорю себе: «Да, кажется, действительно срабатывает». Отодвигаюсь, чтобы убедиться, что Кэм по вкусу, — а она смотрит на меня снизу вверх с таким потешающимся видом и произносит... — Журналист повел рукой, передавая слово подруге.

— Почтовые марки, которые мне доводилось облизывать, и то возбуждались сильнее, чем ты от этого поцелуя.

Паллас разразился смехом.

— Вот, так я и знал, — с ухмылкой мотнул головой Колин. — Джек, поверь, я был буквально раздавлен. Но только на миг, потому что затем Камерон взяла мое лицо в ладони и спросила: «Колин, мы ведь друзья?» И хотя с нашего знакомства прошло всего несколько недель, я уже понимал, что эта девушка станет важной частью моей жизни. Поэтому утвердительно кивнул, а Кэм и говорит: «Отлично. Тогда послушай меня: тебе следует собраться с духом и просто признать, что ты гей». Услышать эти, сказанные так побудничному спокойно, слова было чем-то сродни освобождению. Поэтому на следующий день я решил пойти на совершенно иную вечеринку на другом конце университетского городка. И там впервые поцеловался с парнем.

— С Патриком, — уточнила Камерон.

— Ты помнишь?

— Ну конечно, помню.

Колин улыбнулся.

— А когда вернулся вечером домой, Кэм была первой, с кем я поделился новостью.

— Твоя правда, — Камерон накрыла ладони друга своими. — Ты действительно

рассказываешь эту историю лучше, чем я.

— И мне нравится, — прозвучал голос за их спинами. — Я никогда раньше ее не слышал.

Паллас инстинктивно потянулся к кобуре под пиджаком, между тем как их троица уставилась на подошедшего к столику атлетически сложенного блондина в стильном костюме.

— Ричард... — первым произнес выглядевший изумленным Колин.

Джек расслабился, узнав имя. Бывший парень Маккенна, отказавшийся ехать на свадьбу.

— Что ты здесь делаешь? — спросил журналист.

При виде Колина лицо новоприбывшего на мгновение затопило волнение, затем он взял себя в руки и оценивающим взглядом окинул свадебный прием.

— Так вот какой этот Мичиган. Неплохо.

Колин промолчал, залегла неловкая пауза. Блондин нервно переступил с ноги на ногу.

— Почему бы нам не потанцевать? — шепнул Паллас на ухо Камерон.

— По-моему, отличная идея, — согласилась та.

Они быстренько поприветствовали нового гостя и направились к танцевальной площадке, предоставляя парням свободу действий. Проследив за взглядом покосившейся через плечо спутницы, агент увидел, что Ричард, явно принимая на себя инициативу в разговоре, сел рядом с Колином. Тот по крайней мере прислушивался, а в какой-то из моментов положил руку на спинку стула собеседника.

На этом месте Камерон довольно улыбнулась и повернулась обратно к Джеку.

Паллас провел ее в дальний угол площадки, где можно было остаться с подопечной в относительном уединении, одновременно наблюдая за окружающими. Взяв за руку, Джек привлек Камерон в свои объятия, положил ладонь на обнаженную поясницу, притягивая ближе, и они начали танцевать. Партнеры идеально подходили друг другу: с этими высоченными шпильками ее макушка как раз доставала ему до подбородка.

— Спасибо тебе, — заговорила Камерон. — За все. Если бы не ты, у меня не было бы этого замечательного вечера.

— Жаль, что мы не оказались здесь при других обстоятельствах.

— Сложись обстоятельства по-другому, мы могли бы и вовсе тут не оказаться. — Она придвинулась ближе. — Я рада, Джек, что именно ты вошел тогда в мой гостиничный номер.

— Вот так перемена, — хмыкнул агент. — Две недели назад в номере «Пенинсулы» ты терпеть меня не могла.

— Тогдашний наш разговор прошел бы совсем по-другому, случись он сейчас. Прежде всего... мы вряд ли стали бы долго разговаривать, — грудным голосом проворковала партнерша.

— Камерон, я на пределе, — пробуравил ее взглядом Джек. — Осторожнее.

«Нет», — покачала она головой.

— По-моему, нам самое время уйти с церемонии.

— Если уйдем сейчас, пути обратно не будет. Ты моя на всю ночь.

— Обещаешь? — сверкнули аквамариновые глаза.

Ну, все.

Паллас ухватил ее за руку и сдернул с танцплощадки. Возле дежурившего весь вечер у главного входа агента Роулингса ФБРовец остановился и сообщил:

— Мы возвращаемся в номер. А вы с О’Доннелом должны будете присмотреть за вестибюлем «Башни», обоими лифтами и лестницей.

Ковровая дорожка вела в другом направлении, и Джек, выведя свидетельницу из шатра, потянул ее напрямик через лужайку к «Башне» — к их комнате.

— Здорово, — покосилась на спутника Камерон. — Твой коллега наверняка догадывается, чем мы собираемся заняться.

— При том, как ты сегодня выглядишь, каждый мужчина на этой свадьбе точно знает, чем я собираюсь с тобой заняться.

— Ух ты, это, пожалуй, самые эротичные слова, которые мне когда-либо... черт, я испорчу туфли. Каблуки застревают в траве.

Не сбавляя шаг, Джек подхватил ее на руки.

— Я могла просто разуться, — с улыбкой заметила Камерон.

— Не желаю терять время, пока ты расстегнешь эти чертовы ремешки.

В вестибюле Паллас поставил ее на пол, завел в лифт и нажал кнопку нужного этажа. В ту же минуту, как створки закрылись, Камерон потянулась к спутнику. Он поймал ее за кисти, развернул спиной к своей груди и хрипловато пробормотал на ухо:

— Не сейчас, малыш. Я должен доставить тебя в номер в целости и сохранности. — Джек крепко удерживал ее руки, сомневаясь, что совладеет с собой, стоит ей только прикоснуться к нему.

Подавшись назад, Камерон дразняще потерлась о телохранителя едва прикрытой попкой.

— Ах ты ж, — гортанно рыкнул Паллас, подумывая о том, чтобы нажать кнопку аварийной остановки, задрать чертовке платье и овладеть ею прямо в лифте. Но как бы его ни сводило с ума жаркое видение Камерон, которая на своих высоченных каблуках опирается на стенку и постанывает его имя, пока он входит в нее сзади, в их первый раз вместе все должно быть иначе.

Джек наклонил голову и, не доверяя себе настолько, чтобы приближаться к манящему рту, поцеловал Камерон у основания горла, чувствуя под губами ее учащенный пульс.

— Помнишь, как я сказал, что главный здесь — я? Это касается и нынешней ночи.

С лукавой улыбкой она закрыла глаза, выгибая шею, чтобы ему было удобнее.

— Это мы еще посмотрим.

«Посмотрим», — согласился Паллас. — «В ту самую минуту, как окажемся в номере».

Лифт звякнул, сигнализируя о прибытии на этаж. Створки разъехались, и Джек легонько шлепнул спутницу ниже спины, подталкивая к выходу.

Пока спутники торопливо шагали по коридору, все тело Камерон трепетало от предвкушения. Джек едва притронулся к ней, а она уже возбудилась до предела.

Паллас отпер дверь в номер и бросил ключи на столик в углу. Пока агент проводил стандартную проверку помещения, свидетельница обратила внимание, что гостиничная обслуга расстелила кровати на ночь, оставив приглушенный свет.

Камерон положила сумочку на тумбочку и, когда ФБРовец закончил осмотр, повернулась к нему с мыслью, что задохнется от сгустившегося в воздухе напряжения, если Джек немедленно ее не поцелует.

Она ожидала, что Паллас ринется к ней и опрокинет на ближайшую кровать.

Но он этого не сделал.

— Пожалуй, твои киношные «стены Иерихона» будут в самый раз, — скрестил Джек руки на груди. — Правда, не сама стена, а тот эпизод, где я показываю тебе, как раздевается мужчина.

Температура в комнате подскочила так резко, что даже экран телевизора запотел.

— Ну давай, — выдохнула Камерон, — я вся внимание.

Первым делом агент снял пиджак, продемонстрировав наплечную кобуру, затем одним махом избавился и от нее, положил на стол и взялся за галстук. Ослабил узел, стянул — и зрительница с трудом подавила порыв перейти в атаку и сорвать с него остальную одежду.

Темные глаза сверкнули, но раздеваться дальше Джек не стал.

— Извини, это ремейк двадцать первого века.

— И что же происходит в новейшей версии?

— Ты снимаешь платье.

Ах, так.

— Но под ним почти ничего нет, — обронила Камерон. Покрой наряда просто не оставлял выбора.

— Я на это и рассчитываю.

Взявшись за язычок вшитой сбоку молнии, она медленно потянула его вниз. Затем, не отпуская взгляд Джека, дернула завязку на шее. Платье лужицей стекло к ступням, и Камерон осталась только в черных шелковых стрингах.

И, само собой, в туфлях на высоком каблуке.

Ее соски съезжились от прохладного воздуха гостиничного номера — а может, от горячего взгляда Джека.

Затуманенными от вожделения глазами он поглощал каждую клеточку ее тела, и Камерон никогда еще не чувствовала себя такой сексуальной — и смелой — как сейчас.

— Твоя очередь, — сказала она.

Расстегнув пуговицы, агент стащил с себя рубашку, оставшись в белой футболке, туго обтягивавшей мускулистый торс.

Желание потрогать его сделалось мучительным. Словно почувствовав это, Паллас пошел к ней через комнату. Пульс Камерон запредельно участился при его приближении, но Джек так и не коснулся ее даже пальцем.

— Теперь ты.

Камерон вынула из ушей длинные серебряные серьги «под старину», выбранные Эйми к

наряду, и бросила их на пол рядом с платьем.

— Это жульничество, — заметил Джек.

— Но ведь на тебе в четыре раза больше одежды, чем на мне.

Одним стремительным рывком он сдернул футболку через голову.

— Так лучше?

О, черт... еще бы.

Камерон не спеша наслаждалась открывшимся зрелищем. Твердые мускулы... шесть кубиков накачанного пресса... легкая россыпь темных завитков на груди... Ей хотелось попробовать на вкус каждый его дюйм.

А потом, вынырнув из своих грез, заметила кое-что еще. Ясное дело...

Она забыла про шрамы.

Три года назад помощница прокурора читала в материалах следствия подробный отчет об аде, через который ФБРовец прошел за два дня в плену у подручных Мартино. Но она не подумала о физических следах, которые должны были остаться после истязаний.

Ее взгляд упал на знаки от сигаретных и электрических ожогов на правом плече, скользнул по рубцам от ножевых ран на боку и под ребрами и остановился на круглом шраме размером с четвертак высоко под левой ключицей — от пули, которую федерал поймал при побеге.

Камерон подняла глаза к лицу Джека. Он насторожено наблюдал, ожидая ее реакции.

Шагнув вперед, она положила ладони ему на грудь и нежно поцеловала отметины на плече, проделала то же самое со шрамом от пули, наклонившись, провела губами по рубцам на боку. Затем, не в силах удержаться, пробежала языком вдоль темной дорожки, начинавшейся от пупка и уходившей под пряжку пояса.

Паллас дернул Камерон вверх, впился в глаза с неистовством, которое при других обстоятельствах могло бы напугать до смерти, потеснил назад, и когда она почувствовала под коленками край кровати, ей не потребовалось особого приглашения, чтобы тут же улечься.

— Но на тебе все равно куда больше одежды, чем на мне, — приподнялась Камерон на локтях.

— Это легко исправить.

Джек расстегнул пряжку пояса, затем пуговицу на брюках, потянул вниз молнию, поедая глазами простертую на постели Камерон. Она мельком заметила серые боксеры, прежде чем Паллас стянул их с себя вместе с брюками, носками и туфлями, а затем выпрямился перед ней во всем великолепии своей наготы.

Больше никогда, никогда в жизни она не станет сравнивать этого мужчину с шоколадным кексом. После увиденного обнаженного тела Джека никаких других вкусов для нее отныне просто не существует.

Понятное дело, внимание зрительницы захватила *та самая* его часть: мощная, напряженная, рвущаяся действовать. Все для нее.

Паллас забрался на кровать, и Камерон откинулась на спину. Темный, обжигающий взгляд заставлял вздрагивать от предвкушения, но Джек по-прежнему не прикасался к ней.

— Выбирай, что следующее, — кивнул он на ее почти обнаженное тело.

Неужели ему хочется, чтобы она умоляла? Потому что она уже почти готова молить.

— Господи, Джек... Потрогай же меня...

Паллас ухмыльнулся.

Вот чертяка.

— Выбирай, — повторил он.

— Оставляю свои шпильки, — с вызовом заявила Камерон.

— Я на это и надеялся. — Руки Джека легли ей на бедра и потянули трусики вниз, через туфли. Затем его губы прижались к ее коленке и начали медленное путешествие вверх: по ноге, изгибу бедра, по животу, к ложбинке между грудей, вдоль шеи — пока не обрушились на ее рот. Наконец-то получив возможность поцеловать мучителя, Камерон застонала. Паллас подсунул ладонь ей под спину и подтянул к себе так, что Камерон оказалась у него на коленях, обхватывая ногами его бедра.

— До чего же ты красивая, — пробежал он пальцем по овалу ее лица. — Вопреки всему, что произошло, я за последние три года много раз не спал ночами, думая о тебе.

— И о чем же ты думал? — провела Камерон ладонями вверх по мускулистому торсу.

— Вот об этом, — захватил Джек губами ее грудь. Язык скользнул по вершинке влажной, шелковой лаской, облизывая и посасывая до тех пор, пока Камерон не стало казаться, что она теряет рассудок. Тогда он перешел ко второму соску, уже отвердевшему, умоляющему о прикосновении. Нежно приподняв ладонью грудь, Паллас втянул в рот розовую горошину.

Камерон начала раскачиваться на его коленях, отчаянно желая большего. Продолжая терзать губами ее груди, Джек погладил ладонями бедра, одной рукой подхватил под ягодицы, другой потянулся между их телами, пробираясь до самого сокровенного местечка, раскрывая нежные, влажные складки. Найдя чувствительную точку, он принялся дразнить ее, потирая, пока Камерон не задрожала. Внутри нее скользнул палец, затем второй, и Камерон ахнула, когда они медленно задвигались, находя ритм, который почти отправил ее на небеса. Она взяла лицо Джека в ладони и приподняла к себе, жарко целуя.

Когда их языки сплелись, Камерон провела рукой вниз по груди Палласа, мимо пупка и ниже, туда, где ее пальцы отыскивали подрагивающую твердость. Она обхватила мощную плоть, наслаждаясь его внезапно сбившимся дыханием, и принялась поглаживать, обводя большим пальцем вокруг набухшей головки плавные круги.

— Лежа по ночам без сна, ты думал вот об этом?

— Черт возьми, да... — закрыв глаза, простонал Джек.

Камерон скользнула ладонью ниже, накрывая основание, и шепнула на ухо:

— А чтобы я так сделала ртом, тоже мечтал?

— Господи, — пробормотал Паллас, и в мгновение ока Камерон очутилась на спине, а он — между ее бедер. Туфли слетели на пол прежде, чем она успела возразить.

— Как ни сексуальны твои острые каблочки, на моем теле уже достаточно шрамов, — часто дыша, объяснил он.

— У меня в тумбочке есть презервативы, — сообщила Камерон, до того разгоряченная, что едва не задыхалась.

— И у меня. Целая куча.

— Доставай. Прямо сейчас.

Паллас дернул ящик, чуть не вырвав его из пазов, быстро нашел то, что искал, и звук рвущейся упаковки музыкой прозвучал в ушах нетерпеливицы.

— Дай я надену, — потребовала она.

— Тогда все может закончиться, не начавшись.

Зрелище Джека, раскатывающего презерватив, распалило ее еще сильнее, и Камерон

выгнула бедра, призывая:

— Джек...

Он надвинулся на нее, ухватил за кисти, прижал их к постели над ее головой и успокаивающе шепнул на ухо:

— Я здесь.

Камерон ощутила его между своих ног — горячего, твердого, возбужденного. Джек медленно начал входить в нее, наполняя собой.

— Впусти меня, малыш, — выдохнул он. Камерон шире развела бедра, и Джек проник в нее глубже, затем еще глубже, устанавливая медленный, томительный ритм, скользящими движениями придавливая ее к постели. Камерон снова и снова принимала в себя мучительно плавные толчки, которые подвели ее к самому краю и задержали там, казалось, на целую вечность. Она простонала имя Джека, неистово желая дотронуться до него, но он не отпустил ее прижатых к кровати кистей, замедлил движения и почти полностью отстранился от ее тела, дразня неглубокими выпадами.

— Ну пожалуйста, Джек... — в конце концов взмолилась она.

Паллас освободил ее руки, и Камерон, подняв глаза, увидела, что он, как и она сама, на грани.

— Обхвати меня ногами, — прозвучал отрывистый приказ.

Она повиновалась, и Джек стремительно погрузился в нее до упора.

— Боже мой, Камерон, до чего в тебе хорошо, — охнул он.

Она провела ладонями вверх по его спине, теснее обвила ногами его бедра, подталкивая глубже, желая, чтобы Джек наполнил ее так, как под силу только ему. Сминая ее груди своими твердыми мускулами, он вбивался в нее все сильнее, быстрее, затем передвинулся, находя точку, которая довела бы любовницу до разрядки, скользнул ладонями под ягодицы Камерон, приподнимая ее навстречу своим ударам.

— Как же мне нравится быть в тебе, малышка, — властно пронизывал Джек ее тело. — Три года я мечтал до тебя добраться. А теперь хочу почувствовать, как ты кончаешь со мной.

Большого не требовалось. Достигая вершины, Камерон схватила любовника за плечи и вскрикнула, прижимаясь к нему в накатовавшем волна за волной наслаждении. Паллас, туго охваченный ее пульсирующим оргазмом, последовал за ней. Камерон распахнула глаза как раз вовремя, чтобы увидеть тот момент, когда Джек, на губах которого напряженным шепотом застыло ее имя, утрачивая всякий контроль над собой, вздрогнул, застонал и в последнем глубоком толчке рухнул на нее.

Они оба лежали, пытаясь отдышаться. Джек, зарывшийся лицом в подушку, отчего голос звучал приглушенно, заговорил первым:

— Вот это да.

Камерон повернула голову и прижалась щекой к его щеке:

— Точь-в-точь мои мысли.

* * * * *

В кои-то веки Паллас радовался, что не способен спать дольше пары часов подряд. Открыв глаза, он увидел, что еще темно, и посмотрел на часы на прикроватной тумбочке. Еще нет и четырех утра.

Обнаженная, как и он, Камерон лежала рядом, свернувшись калачиком. После первого раунда она облачилась в свое белье и рубашку Джека — зрелище, показавшееся ему

невероятно сексуальным, особенно в сочетании со спутанными локонами. Настолько сексуальным, что... ну, он ведь предупреждал, что произойдет, если разгуливать вокруг него в подобном виде.

Паллас переживал, что во второй раз был грубее, хотя и за это большую часть ответственности возлагал на партнершу. Словно провокационного шастанья по номеру в его рубашке и этих черных трусиках было мало, так после того, как Паллас стащил их с Камерон, она толкнула его на спину и устроила ртом самую изощренную пытку из всех, которым его когда-либо подвергали. Облизывая, лаская и дразня, она довела его до такого сумасшествия, что Джек рывком поставил ее на колени и брал сзади, не останавливаясь до тех пор, пока любовница, застонав, не выкрикнула его имя и не рухнула на подушки.

Он не мог ею насытиться.

И это немного пугало, поскольку Джек никогда раньше ни к кому такого не испытывал. В свои без малого тридцать пять Паллас отнюдь не был безгрешным: он переспал с изрядным количеством женщин, с некоторыми даже работая под прикрытием. Но все его увлечения были временными — и он четко давал это понять с самого начала. В прошлом агент избегал серьезных отношений, отговариваясь своей работой. А сейчас вдруг осознал, что с подходящей женщиной ему не потребовались бы отговорки.

Придвинувшись к Камерон, Джек тихонько прошептал ее имя. Да, он ненасытный и эгоистичный ублюдок, раз собирается ее разбудить, но ему нравится плотское подтверждение тесной связи между ними, нравится единение без необходимости говорить какие-то слова. Кроме того, он поспал уже пару часов, а она лежит у него под боком голышом. Так что или сидеть в темноте со стояком, или что-нибудь предпринять.

Он снова позвал Камерон по имени, и та шевельнулась. Перекатившись вместе с ней на другой бок, Джек поцеловал ее в шею, спустился губами по изгибу груди, обвел языком вокруг соска.

— Ммм... — улыбнувшись, Камерон проснулась, со вздохом пробежала руками по телу любовника, лаская грудь и живот, затем потянулась ниже, нащупывая его болезненно твердую эрекцию. — Как, опять? — лукаво приоткрылись аквамариновые глаза.

— Похоже, рядом с тобой это происходит постоянно.

Камерон закинула коленку ему на бедро.

— Мне нравится.

Не нуждаясь в дальнейшем поощрении, Джек достал из тумбочки презерватив. Надев резинку, он притянул Камерон за бедра, медленно погрузился в ее теплые, влажные глубины и, накрыв ладонью ее ягодицы, задвигался в плавном, неторопливом ритме.

Услышав, как она ахнула, Паллас остановился:

— Слишком сильно?

Камерон закрыла глаза и шевельнула бедрами, подталкивая его глубже.

— Просто идеально. Можешь хоть каждую ночь будить меня так.

Наклонившись, Джек поцеловал ее.

Вот это ему повезло.

На следующее утро во время позднего свадебного завтрака к Камерон подсел Колин. Джек минуту назад встал из-за стола, чтобы ответить на звонок по мобильному.

— Итак, — произнес приятель, устраиваясь поудобнее.

Камерон отложила вилку с черничным блинчиком:

— Итак...

— У тебя сегодня утомленный вид, — начал с отнюдь не тонкого намека Колин, бросив многозначительный взгляд на Палласа, который стоял у панорамного окна, разговаривая по телефону.

— Да и ты выглядишь измотанным, — парировала подруга и кивнула на Ричарда, направлявшегося к столику Эйми и Аарона, чтобы поздравить молодоженов.

— Мы до утра проговорили — выясняли отношения. Только и всего.

— А-а. Что ж, у меня все было по-другому.

— Вот и славно. Давно пора. Ну-с, слушаем.

Камерон набрала воздуха — конечно, она расскажет Колину про свою ночь с Джеком, она всегда все ему рассказывает — и...

Ничего. Поколебавшись еще какой-то миг, она захлопнула рот и просто улыбнулась.

— Что, настолько хорошо? — со смешком спросил приятель.

Зардевшись, Камерон отмахнулась:

— Мне вот интересно, как все прошло у тебя с Ричардом. Вы помирились?

— Кое-какие моменты еще требуют доработки, но думаю, мы попробуем снова съехаться.

Камерон была рада за друга. Если воссоединение с Ричардом — это то, чего хочется Колину, значит, таково и ее желание.

— И что, ты заставил его ползать на коленях и извиняться?

— Не пришлось заставлять. Он и сам все сказал — мне оставалось только слушать.

Со своего места друзья видели, как Ричард пожимает руку Аарону и обнимает новобрачную. Стоявший у окна в нескольких шагах от столика Паллас закончил телефонный разговор и начал следующий, ни на минуту не прекращая вполглаза присматривать за подопечной.

Джек подмигнул ей, и она улыбнулась.

— Ты втрескалась в него по уши, — отметил журналист.

И в ответ на эту реплику Колина кое-что произошло. Во-первых, Камерон осознала, насколько друг прав. А во-вторых, ее мысли приняли неожиданно серьезный оборот. Хотя в свете последних событий, пожалуй, не так и неожиданно.

Сколько времени будет подвергаться опасности из-за расследования она сама, столько же будет рисковать и Джек. И любой другой близкий ей человек. Колин уже пострадал — а вдруг бы на свадьбе что-нибудь случилось снова, с ним или с Эйми? Камерон верила, что Паллас — и Бюро в целом — обеспечит их безопасность, и все же... Пока убийца Мэнди Робардс на свободе, ей не избавиться от давящего чувства страха. Разумеется, дело ведет ФБР, и свидетельница будет выполнять все, что ей скажут, но в ее подсознании уже вертелась идея о том, как ускорить события. Ради всеобщего блага.

Закончив разговор по телефону, агент вернулся к столу.

— Как блинчики? — поинтересовался он, занимая свое место.

— Пальчики оближешь. А как твой звонок?

— Система безопасности в особняке установлена и готова к работе. Так что мне теперь будет гораздо спокойнее. — Джек ухватил вилку и стащил кусочек блинчика с ее тарелки. — Твоя правда. Очень вкусные.

Сообщение ФБРовца насчет сигнализации заставило свидетельницу задуматься.

— Знаешь, наблюдая твои действия в эти выходные, я удивляюсь, как это ты в ночь после нападения спокойно себя чувствовал на другом конце коридора от меня. За все время нашего пребывания в гостинице ты не выпускал меня из-под своего личного присмотра дольше, чем на полчаса. — Она заметила на лице агента странное выражение. — Что?

— В интересах взаимного доверия... в ту ночь я тоже не выпускал тебя из-под присмотра. Я спал на полу твоей комнаты. Точнее, под стеночкой. — Он неправильно расценил молчание подопечной. — Я тогда ничего не сказал тебе, чтобы не нагнетать обстановку.

— Нет, все понятно, — мотнула головой Камерон. — Я просто... не ожидала, что ты поступишь так ради меня.

Паллас понизил голос, чтобы Колин не расслышал:

— Не делай такое серьезное лицо. Поверь — нынешней ночью ты вознаградила меня с лихвой.

Камерон нацепила улыбку, не желая портить праздничное настроение.

— Извини. Я очень-очень обрадуюсь, когда это расследование закончится.

— Уже скоро, обещаю, — уверил Джек.

Она молча кивнула в знак согласия.

Хотя ей было что сказать.

* * * * *

Вскоре после завтрака они отправились в обратный путь. Камерон не торопилась испытывать судьбу — весь уикенд был замечательным, и ей хотелось, чтобы он таким и оставался.

Поездка домой предоставила достаточно времени для раздумий. У помощницы прокурора появились кое-какие соображения насчет возможного следующего шага в деле Робардс, но она решила не поднимать этот вопрос до возвращения домой. Джек убедится, что система безопасности работает, они внесут и распакуют вещи, а уже потом, надеясь Камерон, сядут и обсудят ее идею. Хотя предчувствие подсказывало, что агент без особого восторга отнесется к ее предложению, по крайней мере поначалу.

Осенние дни становились короче, и когда Паллас заехал в гараж, на улице начинало смеркаться. ФБРовец велел Камерон подождать в машине, пока он убедится, что на заднем дворе все спокойно, потом вернулся, подхватил их багаж, поставил чемоданы у двери и отконвоировал подопечную до дома.

Выходя из гаража, хозяйка заметила на верхнем балконе новое французское окно.

— Выглядит точно, как прежнее, — одобрила она.

— Я распорядился, чтобы наша бригада за выходные, помимо прочего, заменила разбитое. Окно должно включаться в контур системы сигнализации.

Паллас отпер заднюю дверь, на пару минут оставил Камерон снаружи, затем махнул рукой, приглашая войти. Хозяйке дома все казалось спокойным и безопасным, но она

следовала из комнаты в комнату за охранником, ожидая подтверждения из его уст.

— Все чисто, — подытожил он, закончив проверку последнего, третьего этажа.

После этого дышать стало легче, тем более когда Джек подвел ее к пульту сигнализации возле двери, выходящей на террасу на крыше. Он потыкал в какие-то кнопки, а затем показал, как устройство работает.

— На все двери и окна установлена сигнализация, и на каждом этаже есть датчики разбития стекла. Особняк сдается под охрану нажатием вот этой кнопки. Видишь, что загорелась красная лампочка — знаешь, что можно уходить. Система должна быть постоянно включенной. Я запрограммировал короткую задержку: после входа в дом у тебя десять секунд, чтобы снять охрану, прежде чем сигнализация сработает. Наши сотрудники из команды безопасности поставили панельки рядом со всеми дверями, так что времени у тебя будет достаточно. Чтобы снять дом с охраны, просто введи пароль.

— Какой пароль? — поинтересовалась Камерон.

— Выбирай сама — любая комбинация из четырех цифр, которую легко запомнить. Только не свой день рождения или что-нибудь настолько же очевидное.

Агент наблюдал, как подопечная вводит код.

— А что такое пять-два-два-пять?

— Так на пульте набирается «Д-ж-е-к». Достаточно легко запомнить.

Они спустились обратно на первый этаж. Ее багаж стоял в холле, и Камерон взяла чемодан, чтобы отнести наверх и распаковать.

Джек обнял ее со спины и развернул к себе лицом.

— Не хочешь поговорить о том, что целый день тебя беспокоит? — пытливо заглянул он в ее глаза. — Ты всю поездку молчала.

Понятное дело, он обратил на это внимание.

— Да, — признала она, — я действительно хочу кое-что с тобой обсудить. Только подумала, что сперва стоит устроиться с дороги. — Тут Камерон увидела, как уперто напрягся подбородок Палласа. — Догадываюсь, мой план тебе не подходит.

— Правильно догадываешься. — Взяв за руку, агент провел подопечную через кухню в гостиную и жестом предложил сесть на диван.

— Почему всякий раз, когда мы вот так разговариваем, у меня ощущение, будто я нахожусь в комнате с зеркальными стенами, а в лицо мне бьет слепящий свет?

— В таком случае я изменю стандартную тактику допроса и сразу перейду к сути: это насчет нас?

— Что насчет нас?

— То, что тебя тревожит — это насчет нас с тобой?

— Конечно, нет, — бросила на него странный взгляд Камерон, — это, пожалуй, был самый замечательный уикенд в моей жизни. Почему вдруг у меня возникла бы такая проблема?

С лица Джека схлынуло напряжение.

— Вот и хорошо. — Он сел рядом, ухмыльнулся и забросил руку на спинку дивана, устраиваясь поудобнее. — Знаешь, и у меня тоже с этим нет проблем. Просто потрясающие выходные.

— Но тебе все равно не понравится то, что я собираюсь сказать.

Появилось привычное выражение.

— Теперь включится слепящий свет? — подначила Камерон.

— Если ты не начнешь говорить, я, пожалуй, обойдусь без вступлений и сразу перейду к тому приему с канцелярскими скрепками, который мы как-то обсуждали.

— Только пообещай, что хорошенько обдумаешь мои слова, прежде чем дать ответ.

Джек обвел ее хищными темными глазами.

— Ладно, — наконец согласился он.

Камерон подобрала под себя коленки.

— Меня, естественно, очень волнует расследование убийства Робардс. Это постоянное нервное напряжение для меня и для тебя и риск для всех, с кем я знакома. Знаю, твоя команда делает все возможное, но результата до сих пор нет.

Судя по дернувшейся щеке агента, ему не особо понравилось напоминание об этом факте.

— Просто невыносимо, что этот придурок — хозяин положения, а мне остается только сидеть и гадать, не заявится ли он снова.

Выражение лица Палласа свидетельствовало, что напоминание об этом понравилось ему еще меньше.

— Но, пожалуй, есть способ взять ситуацию под свой контроль, — продолжала Камерон.

— Как ты предлагаешь это сделать? — поинтересовался Джек.

— Вот об этом-то я и думала в машине. И, кажется, кое-что придумала. Мы поняли, что происходит утечка информации — возможно, получится использовать ее в наших интересах. Нам известно, что убийца был в курсе, как избежать гостиничных камер наблюдения. А если вы распустите слух, будто нашелся некий человек, который в тот вечер снимал в «Пенинсуле» собственной видеокамерой — в отпуске или на мальчишнике, что-то вроде того? Дадите понять, что этот постоялец запечатлел на пленке мужчину в серой футболке с капюшоном, блейзере и джинсах, который выходил из гостиницы вскоре после убийства Мэнди. Намекнете, что эксперты лаборатории ФБР пытаются снять с пленки изображение лица подозреваемого и что вы рассчитываете в ближайшее время его идентифицировать. Надеюсь, эта новость попадет в нужные уши.

Паллас поднялся с дивана. Странно, что когда-то ей казалось сложным разгадать мысли этого мужчины — потому что сейчас не представляло абсолютно никакой сложности увидеть, как сильно ему не по душе ее предложение.

— Ты знаешь не хуже меня, что субъект в серой футболке с капюшоном, вышедший в определенный промежуток времени из гостиницы, сам по себе ничего не значит, — возразил агент. — Только ты можешь связать его с убийством. Ты единственная. И преступнику это тоже известно. И то, что ты предлагаешь, означает дать убийце Мэнди Робардс дополнительный мотив вывести тебя из игры.

— Я предлагаю подтолкнуть его на шаг, к которому мы будем готовы.

— Не морочь мне голову — ты хочешь, чтобы я использовал тебя в качестве наживки. Чтобы спровоцировал этого типа снова напасть на тебя.

— Да, я считаю, нам следует рассмотреть такую возможность.

— Нет.

— Ты обещал подумать, прежде чем ответить.

— Уже подумал, — твердо посмотрел ей в глаза Джек. — Я скорее следующие двадцать лет буду спать на полу твоей комнаты, чем намеренно подвергну тебя риску.

Услышав такие слова, Камерон тоже поднялась с дивана и приблизилась к своему

телохранителю.

— Знаешь, после этих выходных я, пожалуй, не отправлю тебя спать на пол.

Но Паллас был не в настроении шутить, поэтому отодвинулся от нее к окну.

— Камерон, я серьезно.

— Думаешь, под твоим прикрытием и с командой федералов, загодя расставленных по местам, мне может грозить опасность? Если бы ты пришел ко мне как к прокурору, я бы одобрила подобную операцию. Особенно в таком резонансном расследовании.

— Если бы я пришел к тебе как к прокурору, ты бы задала вопрос о потенциальном риске. И я бы ответил, что никто, включая меня, не гарантирует в подобной операции полную безопасность. С другими я мог бы отважиться на такое. Но не с тобой.

Его слова повисли в воздухе. Наконец Камерон заговорила первой:

— Я согласилась, что главный здесь ты. Поэтому, если моя затея не кажется тебе стоящей, я оставлю ее. Пока, — добавила упрямец. Понятно, что сейчас Джеку хочется злиться и упираться, но вот досада — она ему не позволит. — Хотя не обещаю, что в дальнейшем не вернусь к данному вопросу снова. Я могу быть очень приставучей, если захочу.

Свидетельница заметила в глазах ФБРовца веселые искорки.

— А когда это ты наконец признала меня главным? — полюбопытствовал он. — Похоже, я прозевал важный момент.

— Это было скорее презумируемое согласие. Оба раза, когда ты высказывал данное утверждение, я не отклонила его как неприемлемое.

— Ты юрист до мозга костей, — тряхнул головой Паллас, выглянул в окно и вздохнул: — Камерон, я считаю твою затею действительно стоящей. И не меньше тебя хочу, чтобы все это поскорее закончилось. — Он повернулся обратно к окну, уставился на улицу, о чем-то размышляя, и провел ладонью по рту. — Не знаю, может, если удастся подобрать двойника... женщину-агента, похожую на тебя, и поселить в этом доме... Может, если... — обернулся к собеседнице Джек и вдруг запнулся — должно быть, от выражения ее лица. — Что? Что-то случилось?

Случилось — и прямо сейчас, когда Паллас провел рукой по губам. Свидетельницу словно громом ударило: вот кусочек, которого ей недоставало все это время. Вот что она увидела в те несколько секунд, когда смотрела в дверной глазок на выходящего из соседнего номера убийцу, вот что потом не в состоянии была вспомнить.

Блейзер на плечах преступника натянулся, когда он поднял руку, толкая дверь на лестничную клетку. А под блейзером угадывались те же очертания, которые она только что заметила под пиджаком ФБРовца, поднявшего руку к лицу.

Камерон с изумлением уставилась на Джека.

— Не знаю, имеет ли это значение... но я почти уверена, что у типа, задушившего Мэнди Робертс, в ночь убийства был при себе пистолет.

Джеку понадобилось какое-то время, чтобы осмыслить услышанное.

— Пистолет? Почему ты так думаешь?

Камерон указала на спину агента.

— У убийцы под блейзером проступало похожее утолщение — по-моему, тоже наплечная кобура. Работая с ФБРовцами, я наблюдала подобное, наверное, сотни раз, но никогда осознанно не обращала на это внимания. Но когда ты сейчас поднял руки и потер лицо, пиджак возле лопатки так оттопырился, что... — свидетельница умолкла, словно не была уверена, как описать увиденное.

— Ты заметила контуры моего оружия.

— Именно, — кивнула она.

— И ты уверена, что такие же очертания были под блейзером мужчины, вышедшего из номера Мэнди Робардс?

— Да. Я все время чувствовала, будто что-то упускаю, но не могла определить, что именно. А наличие у преступника пистолета имеет какое-то значение?

Паллас прокручивал в уме открывшееся обстоятельство. Им так мало известно об убийце, что *все* имеет значение. А этот конкретный кусочек информации может означать очень многое.

— Естественно, ведь возникает вопрос, почему тот тип задушил жертву, если мог ее попросту застрелить.

— Огнестрельное оружие производит шум.

— Да, действительно. Но профессионал воспользовался бы глушителем. Теперь я даже в большей степени, чем раньше, считаю, что это убийство не было спланированным заранее.

— Ревнивый ухажер? — предположила Камерон. — Возможно, они с Мэнди сцепились из-за сенатора и ссора переросла в насилие.

Джек отрицательно покачал головой.

— Мы уже проверяли данную версию. Наплечная кобура — это интересный поворот. Ты могла и не заметить, а вот кто-нибудь с наметанным глазом в два счета засек бы пистолет. При существующих ограничениях расхаживать в таком виде по городу было бы глупо и рискованно, — рассуждал ФБРовец, имея в виду запрет для жителей Чикаго владеть короткоствольным оружием и носить его. — Напрашивается мысль, что у нашего парня есть лицензия на скрытое ношение оружия.

— Хочешь сказать, как у полицейского? Или у агента?

— Может быть... — призадумался Паллас, и тут ему пришло в голову кое-какое соображение. Он стремительно прошагал в холл, открыл брошенную там спортивную сумку и вытащил папку с материалами дела, которую возил с собой на свадьбу. Оригиналы остались у Уилкинса, но Джек сделал со всего копии. ФБРовец достал файл с фотографиями людей, опрошенных в связи с убийством.

Отыскав нужную, агент взгляделся попристальной.

Любопытно...

Он передал фотографию Камерон.

— Снимок из тех, которые ты показывал мне в день девичника, — отметила свидетельница.

— Мужчину зовут Грант Ломбард, — сказал Джек. — Он обеспечивает личную безопасность сенатора Ходжеса. И носит оружие — я заметил это при взятии показаний. Все соответствующие разрешения у телохранителя имеются, а поскольку Мэнди была задушена, наличие пистолета не стало для нас тревожным звоночком. Я помню Ломбарда по опросу — этакий хладнокровный профессионал. А еще он ростом примерно метр восемьдесят и весит около семидесяти семи килограммов, следовательно, подходит под физическое описание разыскиваемого преступника. Мне помнилось, вроде и глаза у него карие, но я решил свериться с фото.

— У типа, напавшего на меня, были карие глаза.

— Вот именно.

— А Грант Ломбард располагает алиби на ночь убийства Робардс?

— Он утверждает, что спал дома. Один.

— Учитывая время совершения преступления, вряд ли нам удастся прищучить его на лжи.

— Верно. Но, пожалуй, мне следует поинтересоваться у телохранителя его алиби на момент нападения на тебя.

Камерон еще раз взгляделась в снимок.

— Использовать отговорку «спал дома один» для полпятого днем Ломбард однозначно не сможет. А совпадений вполне достаточно, чтобы стоило проверить.

Вытащив из кармана мобильник, агент набрал напарника. Тот не отвечал, поэтому пришлось оставить сообщение на голосовой почте: «Уилкинс, это Джек. Похоже, у меня по делу Робардс появилась зацепка, к которой имеет смысл присмотреться. Как получишь сообщение, позвони, расскажу подробнее».

ФБРовец нажал отбой, радуясь, что после двухнедельного тыканья вслепую в расследовании наконец-то наметилась конкретная ниточка.

— Не будем сообщать никому, кроме Уилкинса и Дэвиса, — предупредил он свидетельницу. — Во всяком случае, пока. Не хочу рисковать, чтобы тот, кому не следует, не пронюхал, что тебе известно больше, чем мы полагали поначалу.

И хотя Паллас не озвучивал всех своих мыслей, он не сомневался, что Камерон как опытный обвинитель понимает: наличие пистолета может стать ключевой уликой. Если Ломбард окажется тем, кого они ищут, значит, она невольно выявила связующее звено, которое в перспективе позволит арестовать убийцу.

От этого соображения Джеку сделалось очень тревожно.

— Извини, что не вспомнила сразу, — помощница прокурора выглядела раздосадованной на саму себя. — Ты ведь в ту ночь в «Пенинсуле» предупреждал, чтобы я не была небрежной. Мне следовало задуматься раньше. И это после того, как я столько раз устраивала свидетелям выволочку за заявления, будто они что-то припомнили задним числом. А теперь сама такое учудила.

— Не хотелось бы огорчать тебя, Камерон, — потянулся к ней Паллас, — но ты всего лишь человек.

— Ш-ш-ш... Я долгие годы стараюсь удержать это в секрете.

Улыбнувшись, он поцеловал ее в лоб.

— Обещаю свято хранить твою тайну.

Камерон приникла к нему, прильнула щекой к плечу.

— Итак, в свете всего этого какие планы на вечер?

— К сожалению, — обнял ее за плечи Джек, — в свете всего этого мне нужно поработать. Хочу проверить пару моментов.

Она отстранилась, пробежала руками по его груди и с притворно скромной улыбкой поинтересовалась:

— Каких моментов? И, что важнее, сколько времени займет твоя проверка?

«Два дня», — подумалось Палласу. Два дня он выдерживал пытки подручных Мартино и не сломался — не проронил ни слова. А эта женщина в секунду вьет из него веревки одной-единственной улыбкой.

Пожалуй, ему следует бежать от нее прочь и как можно быстрее.

Вместо этого он поцеловал ее.

Ответный поцелуй Камерон поначалу был игривым, пока Джек, оплетая ее язык своим и опустив ладони на талию, не прижал ее к кухонной стойке.

— Мне нужно приниматься за работу, — напомнил Паллас, прикасаясь губами к особо чувствительному местечку на нежной шее и заставляя Камерон терять голову.

— Ага, — согласилась она, скользя ладонями вниз по его торсу. — А мне нужно распаковать вещи.

— Провожу тебя до лестницы, — предложил Джек, тесня Камерон спиной вперед из кухни. Всю дорогу они целовались, а когда добрались до ступенек, его руки непонятно как очутились уже под ее блузкой.

— Так ты поднимешься ко мне, когда закончишь свои дела? — поинтересовалась Камерон.

— Угу. Дела не займут много времени. — После этих слов поцелуи продолжились, и внезапно Камерон оказалась сидящей на ступеньках, а Джек — между ее ног. Задрал блузку, он провел губами по ее обнаженному животу.

Камерон втянула в себя воздух.

— Ну все, я пошла.

— Да, давай. — Собрав волю в кулак, Паллас позволил себе еще один поцелуй, напоследок. И тут почувствовал, как ловкие пальчики расстегивают молнию его джинсов и забираются в боксеры. Охнув, Джек глянул вниз и увидел искорки в аквамариновых глазах.

Черт подери, работе придется немного обождать.

— В твоем чемодане остались презервативы? — прерывисто спросил Паллас. По крайней мере его выдержки хватило, чтобы при таких ласках вспомнить хотя бы об этом. У мисс Камерон Линд невероятно умелые руки.

— В верхнем наружном кармашке.

Джек шагнул в сторону, с чертыханьем зашарил в чемодане, в конце концов сообразил, что ищет не в том отделении, выдернул пакетик и вернулся.

Ах, чтоб тебе...

Маленькая распутница перехватила инициативу и уже выскользнула из джинсов.

Зато осталась в эротических сапожках.

— Ты же знаешь, — лукаво объяснила она, — без каблуков я чувствую себя голой.

Паллас бросил презерватив на лестницу, высвободился из пиджака, снял наплечную кобуру и пристроил ее рядом.

— Поднимись на две ступеньки, — скомандовал он.

Камерон подчинилась. Джек развел ее бедра и встал между ними на колени. Глядя в округляющиеся аквамариновые глаза, он закинул себе на плечи одну стройную ногу, затем

вторую, наклонился и, чувствуя, как вздрагивает ее тело, провел языком по кружевной кайме трусиков.

— Джек... — мурлыкнула Камерон, запуская пальцы в его волосы.

Подцепив пальцем резинку стрингов, он стянул ее на несколько сантиметров вниз и последовал за ней губами.

— О, господи — простонала Камерон, — ты действительно чертяка.

Этим все было сказано.

Камерон в своей гардеробной застегивала чехол на платье подружки невесты, когда заметила нависшую над порогом фигуру.

— Ты только что напевала «Глаза Бетти Дэвис»? — с ленивой ухмылкой поинтересовался Паллас. Камерон, не отдавая себе в этом отчета, залилась румянцем. Здорово: два умопомрачительных оргазма один за другим — и она уже буквально поет.

— Ну, может, немножко мурлыкала под нос, — небрежно признала она.

— Я думал, это ваша с Колином особая песня, — склонил голову набок Джек.

— Нет никакой нашей с Колином «особой» песни, — рассмеялась Камерон. — Просто мне нравится этот мотив.

Похоже, ее ответ немного смягчил собеседника.

— У тебя слишком медленное соединение с интернетом.

Слава Богу — он чем-то недоволен. С недовольным Джеком она справится. А вот Джек который, обхватив ее лицо ладонями, нашептывал самые романтичные и возбуждающие слова, какие Камерон когда-либо доводилось слышать, и при этом занимался с ней любовью на ее собственной лестнице, был совершенно необоримой силой.

— Ты на днях уже упоминал об этом. У меня никогда раньше не возникало подобных проблем. Пытаешься запустить какую-то супербыструю секретно-агентскую программу?

— Угу. Но интернет и без того ужасно тормозит.

Под насмешливым взглядом темных глаз желудок ухнул вниз. «Вот оно на что похоже — влю... потише, не забегай вперед паровоза», — одернула себя Камерон. Сколько они с Джеком вместе? Два дня?

— Надеюсь, ты не ожидаешь получить от меня квалифицированный ответ, — заявила она ФБРовцу. — Когда с компьютером какие-то непонятки, я выключаю его, а затем опять включаю. Если это не помогает, зову Колина.

Паллас скрестил руки на груди.

— По-моему, нам следует обсудить твою колинозависимость. Потому что в городе теперь новый шериф.

— Хм... Чересчур мачистый, как на мой вкус, — неодобрительным тоном заявила Камерон, стараясь не выглядеть безумно довольной.

— Собираюсь подняться наверх, взглянуть на твой компьютер, — сообщил агент. — Возможно, кто-то из соседей пользуется твоим беспроводным соединением. В городе, где дома расположены так близко друг к другу, это запросто. Какой у тебя пароль?

— А пароль не понадобится. Я оставляю компьютер включенным, даже если не работаю на нем — просто перевожу в спящий режим.

Джек бросил на нее взгляд, говоривший, что это ужасное «ай-я-яй».

— Кажется, теперь ясно, почему у тебя проблемы с интернетом.

— А что, кстати, ты пытаешься сделать со своего лэптопа? — поинтересовалась Камерон.

— Да надо кой-чего подготовить к тому времени, как отзовется Уилкинс. У меня есть возможность войти в сеть Бюро удаленно — хочу еще раз взглянуть на распечатки звонков Ломбарда, которые мы поднимали пару недель назад. Плюс подумываю установить маячок на его мобильный телефон, хотя тут понадобится помощь кого-нибудь из наших технарей.

Тогда можно будет несколько дней последить, куда наведывается телохранитель сенатора — по крайней мере со своим сотовым.

Вешая платье на его прежнее место за дверью шкафа, Камерон покосилась через плечо:

— В отсутствие ордера твои намерения звучат противозаконно.

— Законно, незаконно — существует столько расплывчатых формулировок...

— Я этого не слышала, Джек.

— Разумеется, советник, я не произнес ни словечка.

* * * * *

Поднявшись на третий этаж, Паллас свернул налево и направился в кабинет Камерон. Письменный стол располагался у окна, выходящего на передний двор и улицу. Джек сел в кресло, пошевелил мышкой, и компьютер проснулся.

Скорее всего, достаточно просто-напросто перезагрузить систему, поскольку неизвестно, долго ли та работает. Тем не менее Палласу хотелось разобраться. Агент полез посмотреть, сколько компьютеров подключено к роутеру Камерон — возможно, как он и говорил, кто-то присосался к ее беспроводному соединению, замедляя канал.

Через какую-то секунду окно развернулось. Увиденное поразило ФБРовца словно громом.

«Быть такого не может».

В списке оказалось пятнадцать устройств! Джек знал о двух — компьютере хозяйки дома и своем собственном ноутбуке.

А откуда, черт подери, остальные? Пусть пара-тройка соседей подворовывают у Камерон, но крайне маловероятно, чтобы ее линией пользовались аж тринадцать окрестных жителей.

С другой стороны, может, это и не компьютеры, а что-то другое. Следующее, что сделал агент — проверил поток данных с первого из подключенных устройств.

Странно.

Оно передавало аудиосигнал.

Но при этом ничего не было слышно. Джек добавил громкости. По-прежнему тихо. Паллас перешел к следующему устройству, тоже передающему звуковой сигнал.

И опять тишина.

Что за чертовщина?

ФБРовец быстро проверил остальные сигналы — все аудио — и наконец обнаружил, что по восьмому что-то транслируется.

Негромкое пение. Грудной женский голос, хорошо знакомый Джеку.

«Все парни считают ее шпионкой — у нее глаза Бетти Дэвис».

Камерон. В своей спальне.

Послышался стук закрываемого ящика, затем вжиканье «молнии» — хозяйка дома явно продолжала распаковывать вещи.

«Сукин сын».

Паллас намеренно забарабанил пальцами по столу — достаточно громко для проверки, но не чересчур, — одновременно поспешно прослушивая остальные устройства. Он уже догадывался, что обнаружит в конечном итоге. Когда агент добрался до последнего аудиосигнала, из динамиков компьютера ясно как Божий день донеслось постукивание пальцев по дереву.

Джек выматерился бы вслух, если б мог себе такое позволить.

Особняк был напичкан «жучками».

В голове у Палласа заметались десятки мыслей. Человек в маске... Четверг днем... Они предположили, будто злоумышленник дожидался возвращения Камерон с работы домой, чтобы напасть на нее. Но теперь ФБРовец понимал: убийца Мэнди Робардс проник к особняку посреди дня не для того, чтобы обойти охранное наблюдение — а с совершенно иной целью.

Он хотел слышать.

Он хотел знать, что известно свидетельнице.

Современные микрофоны-передатчики совсем крохотные — меньше пуговицы. Для запуска прослушки дополнительно требовались только компьютер, беспроводная сеть и IP-адреса подслушивающих устройств. Не сложнее, чем установить видеоняню, особенно для человека, знающего свое дело.

Джек вытащил смартфон — к счастью, теперь, когда задумка преступника стала ясна, можно добраться до него с другой стороны. Если этот тип активно мониторит «жучки», ФБР отследит IP-адрес приемника, который ловит сигнал с микрофонов. Как только Бюро получит данную информацию, они точно установят местонахождение искомого компьютера — и убийцы.

Агент начал набирать текстовое сообщение Уилкинсу — понятное дело, из особняка нельзя звонить ни напарнику, ни кому-либо еще, — но остановился, сообразив, что будет быстрее вывести Камерон в машину и поговорить по телефону оттуда. Само собой, придется черкнуть подопечной записку с объяснением ситуации, поскольку нельзя произнести вслух ничего, что дало бы убийце хоть малейший намек — он ведь может в эту самую минуту слушать их разговор.

Внутренности Палласа скрутило в узел.

«Убийца может слушать».

Раз особняк под колпаком у злоумышленника, тот в курсе каждого сказанного этим вечером слова. В голове Джека зазвучали обрывки их с Камерон фраз:

«Я почти уверена, что у типа, задушившего Мэнди Робертс, в ночь убийства был при себе пистолет...»

«Мужчину зовут Грант Ломбард. Он обеспечивает личную безопасность сенатора Ходжеса... Подходит под физическое описание разыскиваемого преступника...»

«А Грант Ломбард располагает алиби на ночь убийства Робардс?»

«Мне следует поинтересоваться его алиби на момент нападения на тебя».

Но тут Паллас припомнил еще более ранний их разговор и буквально похолодел.

«Чтобы снять дом с охраны, просто введи пароль».

«А что такое пять-два-два-пять?»

«Так на пульте набирается «Д-ж-е-к». Достаточно легко запомнить».

Убийца знает код сигнализации.

— Камерон, — прошептал Паллас. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Он оставил ее одну... он не слышит ее... на втором этаже сделалось слишком тихо... Бросив смартфон, Джек потянулся к наплечной кобуре.

— Не двигаться, — скомандовал глухой голос за спиной агента.

По кабинету разнесся характерный звук досылаемого в ствол патрона.

С застывшей на кобуре рукой Джек оглянулся через плечо и увидел на пороге мужчину,

целившегося ему в голову из пистолета.

— Ломбард, — рыкнул ФБРовец.

— Тебе почти удалось, Паллас. Почти, — отозвался сенаторский телохранитель. — А теперь снимай с себя оружие. Медленно.

Первое, что бросилось в глаза Джеку: на пистолете противника не было глушителя. А значит, Камерон внизу еще жива. Убийца пришел сначала по его душу.

— Я сказал, снимай кобуру. Сейчас же, — спокойно повторил Ломбард.

По лицу Гранта было понятно, что он не блефует. Расстегнув ремни, Паллас положил кобуру на пол. Если его мозги сейчас разлетятся по всему кабинету, какой от этого будет толк для Камерон?

— Пододвинь ко мне ногой, — велел Ломбард.

Джек подчинился, не сводя глаз со спускового крючка нацеленного на него оружия. «Одним рывком вскочить с кресла, нырнуть на пол, опрокинуть стол, закрыться столешницей...» План не ахти, но хоть какой-то.

И тут противник изменил ход игры.

— Камерон Линд, — гулко раскатился по верхнему этажу его громкий оклик. — Мой пистолет направлен в голову твоему дружку. Если не появишься на лестнице через три секунды, я его грохну.

Джек усилием воли заставил свой голос звучать спокойно и сдержанно.

— Камерон, немедленно уходи из дома. Позволь мне самому разобраться.

Ломбард и глазом не повел.

— Три секунды, Камерон. Раз, два...

— Стойте, — прозвучало с площадки между этажами единственное прерывистое слово.

— Вот и умница, — кивнул Грант.

Все трое выжидали на своих местах: Ломбард на пороге, держа ФБРовца под прицелом, Камерон за спиной злоумышленника на лестнице вне поля зрения мужчин.

— Только услышу выстрел — сразу убегу, — предупредила свидетельница. — Ты ведь на самом деле явился за мной.

— Никто из вас не пострадает — я знаю способ покончить дело миром, — заговорил Ломбард.

— Не верь ни единому его ублюдочному слову, Кэм. Уходи сейчас же, — приказал Джек.

— Я хочу заключить сделку, только и всего, — перебил агента Грант. — Ты прокурор, Камерон — это в твоей власти. А пистолет в моих руках — отличный стимул для тебя пойти навстречу моим предложениям. Давай сторгуемся. Мне много чего известно — например, имя человека, слившего информацию о расследовании. Это «крот» — большой, жирный «крот», и я в состоянии помочь тебе прижать его к ногтю. Но нам нужно потолковать обо всем с глазу на глаз. Откуда мне знать, может, ты стоишь с телефоном и уже звонишь копам? Так что поднимайся по лестнице медленно, держа руки перед собой. Сейчас, Камерон. А не то Джеку крышка.

Слова звучали почти убедительно. Паллас молился, чтобы свидетельница не повелась на уговоры.

— Это ловушка, Камерон. Как только ты поднимешься сюда, мы оба умрем.

Залегла пауза. Хозяйка дома оставалась странно молчаливой, по-видимому, взвешивая существующие варианты.

Джек понял, что пора действовать. В его мыслях существовал единственный вариант — убрать Камерон от убийцы как можно дальше. Любой ценой.

Она заявила, что сбежит, если услышит выстрел. Придется положиться на ее обещание. Он вынудит Ломбарда открыть огонь, тем самым давая подопечной шанс спастись. И не остановится, пока не достанет гада, сколько бы пуль тот в него ни всадил.

Джека Палласа и раньше пробовали убивать. Ради Камерон он готов проверить, повезет ли этому козлу больше, чем остальным.

ФБРовец приготовился к броску.

Над бровями Гранта выступили бисеринки пота. Он окликнул снова, напряженным и встревоженным голосом:

— У тебя всего две секунды, Камерон. Или тащи свою задницу сюда, или попрощайся с Палласом.

— Хорошо! Я иду! — поспешно воскликнула та.

Но на лестничной площадке ее уже не было. Послышался еле различимый звук открываемой двери — из коридора на втором этаже. Скрипнула петля, звякнуло что-то металлическое.

— Она достает пушку, — прошипел Ломбард.

К счастью, ФБРовец гораздо лучше изучил планировку особняка. «Не пушку», — сообразил он, догадываясь, что именно задумала хозяйка дома.

До чего же умнющая!

Ближайшая к лестнице дверь вела в кладовку для белья. И хотя спрятанного оружия — по сведениям Джека, по крайней мере — там не было, зато имелось кое-что, способное помочь.

Электрический рубильник.

Теряя терпение, Ломбард рявкнул:

— На хрен вас обоих! — и прищурился на агента.

Все произошло мгновенно. В тот самый момент, как убийца нажал на спусковой крючок, Джек, зная, что произойдет, бросился наземь. С нижнего этажа донесся громкий щелчок и...

В доме погас свет.

Пистолет пальнул в сумрак, пуля просвистела у Палласа над головой. Не теряя ни секунды, он сорвался с места и ринулся к Ломбарду. Тот отреагировал на неожиданную темноту быстрее, чем надеялся Джек, и выскочил в коридор, беспорядочно отстреливаясь. Пули решетили стены рядом с ФБРовцем, но он не останавливался. Настигнув Гранта перед самой лестничной площадкой, Джек увидел свой шанс — и в мощном прыжке врезался в противника. Хватаясь за пистолет, агент одновременно со всей силой толкнул Ломбарда, швыряя их обоих на деревянную балюстраду. Напрягшись — сейчас будет больно, — Паллас шмякнулся о перила, и те с громким треском проломилась.

Сцепившиеся мужчины полетели с почти одиннадцатиметровой высоты в открытый лестничный колодец и жестко приземлились на полу холла первого этажа. Рухнувший сверху Джек слышал отвратительный хруст ломающейся кости и вопль Гранта.

Паллас инстинктивно потянулся к оружию Ломбарда, стискивая зубы от вспыхнувшей в грудной клетке боли — похоже, треснуло несколько ребер. Преодолевая нахлынувшее от удара при падении головокружение, он оттолкнулся от противника, подхватился и направил на преступника пистолет.

И только потом перевел дух и вытер рукавом кровь со лба — одна из пуль вонзилась в стену настолько близко, что отлетевший кусок штукатурки пропорол кожу.

— Почти удалось, Ломбард, — выдохнул агент. — Почти.

Сверху послышался топот. ФБРовец поднял глаза на сбегавшую вниз по ступенькам Камерон. Увидев Палласа, она остановилась на площадке между первым и вторым этажами и с облегчением привалилась к стене. Джек осознал, что они с Ломбардом, должно быть, пролетели как раз мимо нее.

Потрясенно прищурившись на третий этаж, Камерон перевела взгляд обратно на агента:

— Господи, Джек...

Заметив в лунном свете Ломбарда, свидетельница сглотнула. Тот лежал на полу с вывернутой под неестественным углом правой ногой, прижимая к груди правую руку, и, тяжело дыша, с опаской поглядывал на Палласа.

Во всей этой суматохе ФБРовец сбился со счета, сколько раз противник выстрелил в него, поэтому вытащил из пистолета обойму, чтобы проверить, есть ли в ней еще патроны. Три — более чем достаточно. Джек задвинул обойму обратно.

У него с этим типом остались кое-какие нерешенные вопросы.

— Поднимись в свою спальню, Камерон, — велел он свидетельнице. — И не выходи, пока я не позволю.

— Хорошо, — кивнула она. — Я вызову подмогу и скорую.

— Никому не звони. Просто иди наверх.

Аквамариновые глаза округлились.

— Что ты собираешься делать?

— Тебе ни к чему об этом знать. Как сотруднику прокуратуры тебе нельзя быть причастной.

Зрачки Ломбарда нервозно расширились.

Помощница прокурора медлила на лестничной клетке, и Палласу на какой-то миг показалось, что она намерена его не послушаться. Наконец Камерон произнесла:

— Ладно, — и ушла, а через пару секунд до Джека донесся стук закрываемой двери ее спальни.

ФБРовец переключил внимание на простертого у его ног, покрытого испариной преступника.

— Наверху ты вякнул об информаторе, который донес о роли мисс Линд в деле Робардс. Я хочу знать, кто он.

Ломбард закашлялся, присвистывая от боли.

— Да пошел ты, Паллас.

— Прибереги посылы на попозже. Я ведь еще не начинал.

— Все равно пошел ты...

Джек присел рядом и спокойно сказал:

— Ты все это время подслушивал нас с Камерон.

Грант попытался хохотнуть, но смешок получился натянутым:

— Почти каждое слово. Особенно мне понравился эпизод, когда ты пожалел трахнуть эту фифу после того, как я подстрелил ее. Ты такой же слабак, Паллас, как и остальные. А все из-за бабы.

Пусть Грант Ломбард считает его слабым из-за Камерон. Но сегодня эта женщина — самая большая его сила.

— Ну, раз ты слышал, то понимаешь, что она для меня значит. Я готов убить любого, кто причинил ей зло, — с холодной искренностью заявил ФБРовец. — Назови имя информатора, и я сделаю для тебя исключение.

Ломбард ничего не сказал. Но самоуверенным больше не выглядел.

Джек поднес пистолет ближе.

— Ты стрелял в нее. Я смотрел, как ты тыкал этот самый ствол ей в лицо. Вот так. — Агент схватил сенаторского телохранителя за челюсть и сунул оружие ему под подбородок. Грант отдернулся, тяжело сопя носом.

Паллас вдавил дуло в кожу.

— Дай мне повод нажать на крючок. Так тянет это сделать, прямо пальцы сводит.

— Я хочу заключить сделку, — сквозь стиснутые зубы процедил Ломбард.

— Верю, сейчас ты действительно этого хочешь, — кивнул Джек, приставляя пистолет ко лбу преступника. — Вот условия сделки: скажи мне то, что я желаю знать, и мне не придется втирать патологоанатому, будто я выстрелил тебе промеж глаз в порядке самозащиты.

Противник с трудом сглотнул и поначалу промолчал, но ФБРовец увидел все в его взгляде.

Поражение.

Обмякая на полу, Ломбард наконец дал долгожданный для Джека ответ:

— Сайлас Бриггс.

* * * * *

Меньше чем через десять минут после телефонного звонка Палласа дом наполнился людьми — и в форме, и в штатском. Федерал сообщил медикам «неотложки», что произошло с Ломбардом, затем коротко переговорил с Уилкинсом и полицейскими.

Стоя бок о бок с напарником, Паллас наблюдал, как врачи накладывают шейный корсет закованному в наручники Ломбарду и просовывают под него носилки. Агент взглянул на Камерон, которая сидела на ступеньках с тех пор, как прибыли полиция и ФБР. Чувствовалось, что она не хочет приближаться к простертому у подножья лестницы убийце. Джек надеялся, что она не пытается точно так же избежать общения с ним самим.

— Мне бы хотелось побыть минутку с Камерон наедине, — обратился он к Уилкинсу. — Можешь устроить?

— Само собой, — кивнул тот. — Присмотрю, чтобы все оставались внизу.

Джек схватил одеяло, принесенное медиками, проскользнул мимо Ломбарда на лестницу и, опустившись на колени возле Камерон, укутал ей плечи.

— Ты в порядке?

Она покачала головой.

— Нет.

Заметив, что подопечная дрожит, Джек помог ей подняться и повел вверх, в ее спальню. Затем закрыл за собой дверь, взял Камерон за руку и усадил на кровать.

— Скажи что-нибудь, Кэм. Что угодно.

Она приглушенно заговорила:

— Когда Ломбард с верхнего этажа окликнул меня, я стояла вот здесь, у постели и решала, какое белье надеть. Раздумывала, черное понравится тебе больше или красное. — Камерон нахмурилась, голос дрогнул. — И тут кто-то кричит, что его пистолет нацелен тебе

в голову и тебе осталось жить три секунды.

Джек опустил перед ней на колени.

— Ты просто молодец. Вырубить электричество — это был самый умный ход в данной ситуации.

Она вытерла глаза.

— Ну, конечно, я прямо герой. Ты сиганул с десятиметровой лестницы. А я героически выключила рубильник.

— Это был... невероятно ключевой рубильник.

Камерон шмыгнула. Нос у нее покраснел, под глазами расплылась тушь, но Паллас подумал, что в жизни не видел никого красивее. Когда он представлял, что могло произойти... как он едва не потерял ее...

— Опять ты делаешь серьезное лицо. — Камерон коснулась щеки Джека, окидывая его обеспокоенным взглядом. — Ты не пострадал? При таком падении это неизбежно.

— Похоже, сломал парочку ребер, — признался Паллас.

— Что?! Нужно, чтобы тебя осмотрел кто-нибудь из медиков. Может же открыться внутреннее кровотечение.

— Да все нормально. Покажусь кому-нибудь позже, когда закончу со всеми делами.

— Нет, Джек, — мотнула она головой. — Не позже — сейчас. Знаешь, ты не железный.

— Ш-ш-ш... Я долгие годы стараюсь удержать это в секрете.

Наконец-то он добился слабой улыбки. Поднявшись, Джек сел на кровать рядом с Камерон.

Она склонила голову на его плечо.

— Знаешь, я тогда не ушла в спальню. Осталась в коридоре послушать.

— Я догадался.

Повернувшись, Камерон посмотрела ему в лицо:

— То, что ты говорил Гранту Ломбарду... ты ведь блефовал?

Джек задумался над ответом. Он много чего сказал Ломбарду. Но хороший или плохой, а мужчина, чьи слова она слышала — это и есть Джек Паллас.

— А это имеет значение?

Камерон какой-то миг помолчала, прежде чем покачать головой:

— Нет.

— Мисс Линд, к вам посетитель.

Покосившись на монитор, Камерон удивилась: время перевалило за два часа дня. Надо же, так увлеклась изучением материалов дела, что проработала весь обеденный перерыв.

— Спасибо, Элейн. — Помощница прокурора проверила ежедневник — на сегодня после обеда никаких встреч в нем не значилось. — А у этого посетителя имеется имя?

Голос дежурной из общей приемной в динамике громкой связи понизился до шепота:

— Велели не называть.

После всего недавно пережитого Камерон не была уверена, что ей по душе такое слышать. Она сняла трубку:

— Но мне хотя бы известна его личность?

— Да, несомненно, — подтвердила Элейн.

— Тогда почему я не могу заранее узнать, кто это?

— Понятия не имею — мне просто сказали, чтобы я попросила вас выйти. Ой, он смотрит в мою сторону. Мне пора, — и дежурная отключилась.

Камерон вернула телефонную трубку на место, взвешивая варианты.

Джек или Колин?

«Кто бы из них двоих ни явился, — решила умиравшая с голоду труженица, — он поведет меня на ланч».

Она выбралась из-за стола и направилась в коридор, любопытствуя, к чему такая таинственность. Интуиция подсказывала, что пришел Джек. За последние две недели ФБРовец частенько заглядывал к ней в офис — как по профессиональным, так и по личным причинам.

Мысли о нем неизменно вызывали на лице Камерон улыбку. Со времени ареста Ломбарда Джек почти каждую ночь проводил в ее доме — за исключением тех нескольких раз, когда Камерон ночевала в его квартире. В будние дни они с головой погружались в работу, зато вознаграждали себя по вечерам и в выходные.

Паллас решил собственноручно отремонтировать перила лестницы, а заодно произвести еще пару переделок в особняке. Хозяйка вызвалась помогать — что означало сидеть в уголке, потягивая вино, и читать очередную книгу из многотомной библиотеки ФБРовца, которая мало-помалу переключивалась в ее дом. Время от времени помощница поднимала голову и вставляла свои пять копеек, затем где-то на втором бокале начинала замечать, как играют под футболкой мышцы работающего Джека и как аппетитно он выглядит, весь разгоряченный и взъерошенный, а потом — трах-бах — они внезапно оказывались на полу, уже оба разгоряченные и взъерошенные от занятия, не требующего ни молотка, ни гвоздей.

Но больше всего Камерон любила их с Джеком разговоры — по дороге из кинотеатра, за ужином в ресторане или дома на диване, когда агент рассказывал о своих прежних расследованиях, а она, примостив голову ему на грудь, делилась воспоминаниями об отце.

К счастью, внимание, которым средства массовой информации окружили Палласа и Камерон, похоже, наконец-то пошло на спад — чего оба ждали с нетерпением. Предъявление обвинений федеральному прокурору по Северному округу штата Иллинойс и последовавшая отставка стали самой громкой сенсацией в прессе в течение последних двух недель. По мнению Камерон, в конечном счете задержание Сайласа Бриггса прошло

довольно гладко. В понедельник утром после нападения Ломбарда помощница прокурора «случайно» оказалась в приемной шефа в тот момент, когда Джек с Уилкинсом явились с ордером на арест. Сайлас поначалу поднял нешуточный крик, в частности, когда ФБРовцы надевали на него наручники. Камерон, стоявшая в сторонке с другими сотрудниками, наблюдала, как Джек, оставаясь спокойным и профессиональным, вполголоса произнес что-то, слышное только арестованному, и тот с задрожавшей нижней губой молча кивнул. Удивительно, но после этого Бриггс сделался весьма сговорчивым.

Почти такую же шумиху вызвал скандал с Грантом Ломбардом — в конце концов, не каждый день личного телохранителя сенатора США арестовывают за убийство девицы по вызову в одном из самых роскошных отелей Чикаго. К сожалению, вследствие этого Джек и Камерон оказались в эпицентре внимания: после нападения стало невозможным хранить в тайне тот факт, что помощница прокурора являлась в некотором роде свидетелем убийства. Средства массовой информации быстренько связали ее и Палласа с незабвенным комментарием трехгодичной давности насчет задницы вместо головы.

Хотя возобновившееся цитирование злополучной реплики, как правило, вызывало у ФБРовца очередной приступ набыченности, лично Камерон находила это даже забавным. Однажды, когда Джек попытался выдрать у нее из рук пульт и выключить десятичасовые вечерние новости, она насмешливо заметила, что когда-нибудь им надо будет показать эту запись детям в качестве доказательства своей любви с первого взгляда. Причем после ее высказывания Паллас не схватился с дивана и не обратился в бегство, а наоборот, исполнился амурного настроения, и Камерон расценила это как знак, что не нагнала на него особого страха.

Предвкушая нежданную встречу с Джеком, она ускорила шаг и повернула за угол в общую приемную.

Палласа там не оказалось. На самом деле, в вестибюле вообще было пусто.

Элейн за столом дежурного вскинула ладони.

— Этот человек сказал мне, что не желает дожидаться здесь — что предпочел бы побеседовать с вами в более укромном месте. Я провела его в бывший кабинет Сайласа, поскольку сейчас тем помещением никто не пользуется.

«Очень странно», — подумала Камерон. Заинтригованная еще больше, чем прежде, она пересекла приемную и прошла по коридору. Добравшись до бывшего офиса Сайласа Бриггса, она увидела стоявшего перед дверью высокого, хорошо сложенного мужчину. При приближении Камерон он кивнул:

— Можете войти, мисс Линд.

Держась начеку, она с опаской открыла дверь и ступила за порог. У окна с видом на озеро Мичиган стоял плотный немолодой человек с аккуратно подстриженными седыми волосами и в дорогом костюме. Когда Камерон прошла в кабинет, он повернулся и вежливо улыбнулся:

— Добрый день, мисс Линд. Спасибо, что так быстро согласились встретиться со мной. Камерон закрыла за собой дверь и с удивлением произнесла:

— Сенатор Ходжес... Рада вас видеть. Что... привело вас сегодня в прокуратуру? — Несмотря на причудливое пересечение их жизненных путей и тот факт, что Камерон была осведомлена о личной жизни сенатора гораздо лучше, чем ей бы хотелось, они до сих пор никогда не встречались и не разговаривали друг с другом.

— Думаю, Камерон, мы оба понимаем, что этот визит следовало нанести давным-давно.

Ничего, что я называю вас по имени? — Ходжес пересек комнату и устроился в одном из двух кожаных кресел перед столом. — Почему бы вам не присесть?

— Конечно, — кивнула Камерон.

В свете всего произошедшего в ту злополучную ночь в гостинице «Пенинсула» посиделки с сенатором в бывшем кабинете Сайласа Бриггса вызывали странное ощущение. Хотя, по правде, странное ощущение возникло бы, сиди она с Ходжесом в любом другом месте.

— Я в большом долгу перед вами, Камерон, и мне хотелось лично поблагодарить вас, — заговорил Ходжес. — Судя по словам специального агента Дэвиса, именно вы уберегли меня от ареста и, несомненно, сохранили мне место в Сенате. Виновный или нет, я бы не удержался на плаву после скандала с обвинением в причастности к убийству. Не говоря уж о моих... отношениях с мисс Робардс.

— Спасибо за благодарность, господин сенатор. Но, если честно, вся заслуга принадлежит расследовавшей дело команде ФБР. Я всего лишь оказалась в неподходящем месте в неподходящее время.

— Вы едва не погибли из-за пребывания в том месте и в то время. Невозможно передать, как сильно я сожалею об этом. Как сильно на самом деле я сожалею о многом. Я вел себя безответственно и глупо, из-за моих ошибок пострадали другие люди, причем некоторые смертельно. — Глаза собеседника затуманила печаль.

Камерон кивнула, не зная, как реагировать. Разговор с Ходжесом подействовал на нее отрезвляюще. Замыслы Мэнди Робардс в отношении высокопоставленного любовника были менее чем благовидны — как подтвердил Паллас после данных Ломбардом показаний о плане шантажа, — и весь этот инцидент явился очередным прискорбным свидетельством того, на какие крайности некоторые люди готовы пойти ради денег.

— Я расстроил вас, — заметил Ходжес

— Ничего страшного. Меня утешает, что все это уже позади.

— Вообще-то, не совсем все, — возразил сенатор. — После отставки Сайласа Бриггса передо мной возникла важная задача. Как старший сенатор от штата Иллинойс я обязан порекомендовать президенту человека для назначения новым федеральным прокурором. И, кажется, у меня на примете есть подходящая кандидатура, — собеседник сделал многозначительную паузу.

— Я? — с изумлением отпрянула Камерон.

— Вы, — кивнул Ходжес.

Камерон раздумывала, как лучше ответить.

— Господин сенатор, я искренне ценю ваше внимание. Но, если позволите говорить откровенно, я не жду от вас предложения столь высокого поста в качестве благодарности. И не хочу этого.

Ходжес улыбнулся, словно одобряя ее слова.

— Я предчувствовал, что вы так скажете. Позвольте заверить — мое предложение не имеет никакого отношения к моей благодарности. После обвинений, предъявленных бывшему прокурору, мне меньше всего хочется идти на риск очередного скандала, выдвигая кандидата, который не в полной мере соответствует данной должности. Если уж на то пошло, ваше знакомство со мной работает против вас.

Камерон сохраняла скептический вид.

— Мне нужно продолжать уговоры? — хмыкнул сенатор.

— Если ваши намерения серьезны, то да.

— Оказывается, меня не разыгрывали, когда предупреждали, что вы крепкий орешек, — проворчал собеседник. — Хорошо, я перечислю основные моменты, которые показались наиболее вескими *мне*, когда команда по проверке благонадежности упомянула ваше имя. У вас лучшая результативность из всех помощников прокурора этого округа. Судьи — да-да, мы поговорили и с ними — утверждают, что в зале суда вы бесстрашны и упорны. Честно говоря, после Бриггса этой конторе необходим именно такой руководитель. У вас отличные анкетные данные: вы вышли из рабочей среды, закончили юридическую школу, ваш отец геройски погиб, защищая закон, а после передраги с Ломбардом средства массовой информации уже считают, что у вас достаточно крепкие яйца. Но больше всего, Камерон, меня убедил тот факт — о котором вы скромно не распространяетесь, — что по личной просьбе Генерального прокурора вы после отставки Бриггса временно исполняете все его обязанности. А раз прокуратура до сих пор на плаву, имеет смысл дать вам возможность занять это место на постоянной основе. То есть... если захотите.

У Камерон замерло сердце. Мама дорогая, это происходит на самом деле. Уговаривать ее дальше нет никакой надобности.

— Господин сенатор, я сочту за честь быть вашим кандидатом на данный пост.

— Вот и хорошо, — с облегчением вздохнул Ходжес. — Откровенно признаюсь — у нас не имелось никакого запасного варианта. Я под этим пиджаком даже немного вспотел.

— Постараюсь в дальнейшем вредничать меньше, — засмеялась Камерон.

Тепло улыбнувшись, сенатор пожал ей руку.

— Поступайте так, как считаете нужным.

Поднявшись с кресел, собеседники вместе пошли к выходу.

— Забавно, что вы так выразились, господин сенатор... поскольку, надеюсь, вы понимаете, что, в отличие от Сайласа, я не намерена быть номинальным руководителем. Я хочу и дальше вести судебные процессы.

— С вашим послужным списком можете братья за любые дела, какие захотите. Главное, выигрывайте их, — подмигнул Ходжес, открыл дверь и кивнул своему охраннику.

Камерон смотрела, как они удаляются по коридору. Она постояла, пытаясь свыкнуться с мыслью, что у кабинета Сайласа Бриггса в не слишком отдаленном будущем есть весомый шанс стать ее кабинетом.

Федеральный прокурор Камерон Линд.

Звучит неплохо.

Улыбаясь во весь рот, она устремилась обратно в свой почти бывший офис настолько быстро, насколько позволяли чувство собственного достоинства и девятисантиметровые шпильки. Оказавшись у себя, Камерон для пущей конфиденциальности закрыла дверь, затем уселась за стол и сняла телефонную трубку.

Разумеется, первым делом она позвонила Палласу и все ему рассказала. Закончив делиться новостью, Камерон почувствовала на другом конце провода улыбку.

— Мои поздравления, советник. Вы этого заслуживаете. — По тону Джека было ясно, что он о чем-то умалчивает.

— Так ты знал?!

ФБРовец рассмеялся:

— Ну ладно-ладно, знал. Дэвис намекнул, что двум нашим агентам поручили проверку твоих биографических данных. Я каждый день бронировал столик в «Спьяджа», дожидаясь,

когда Ходжес тебе сообщит. Должна же ты наконец получить свой ужин в том шикарном ресторане, а такое событие — отличный повод.

Невозможный человек — весь такой милый и заботливый.

— Я еще не решила, как отнестись к тому, что тебе стало известно о моем назначении раньше, чем мне.

— Не расстраивайся, — посоветовал Джек. — То, что я уже который день горжусь тобой, не должно умалять твоих восторгов по этому поводу. Кроме того, я практически всегда все знаю заранее. Пожалуй, тебе пора начинать к этому привыкать.

— На этой оптимистической ноте я вешаю трубку, — предупредила Камерон.

— Спешешь отделаться от меня, чтобы позвонить Колину? — подначил агент.

— Ничего подобного, — решительно возразила собеседница.

Вот черт, он действительно все знает заранее.

* * * * *

Через две недели у них случился еще один повод для празднования, хотя на этот раз Джек проявил гораздо меньший энтузиазм.

— С днем рождения, — провозгласила Камерон, устраиваясь за столиком в баре. Этим вечером она повела Палласа в «Сокка», ресторанчик-бистро буквально в нескольких кварталах от ее дома. — Тридцать пять. Такая дата, по-моему, достойна парочки подарков.

— Я же говорил, — насупился Джек, — не надо ничего мне дарить.

— Скажем так, я решила, что это одно из тех, похоже, нескончаемых твоих распоряжений, которые можно проигнорировать. — Камерон достала из сумочки и выложила на стол два конверта, один большой, сантиметра два толщиной, второй — маленький, но с какой-то вещичкой внутри. — Выбирай.

Паллас взял тот, что побольше.

— Хороший выбор, — одобрила дарительница.

Открыв пакет, Джек обнаружил там объемный многостраничный документ. Вытащил его, перевернул, и в глаза тут же бросилось заглавие: «Соединенные Штаты Америки против Роберто Мартино и других».

Это был подписанный лично новоначенным федеральным прокурором обвинительный акт по уголовному делу против тридцати четырех членов преступного синдиката, в том числе и самого Роберто Мартино. Акт насчитывал более ста пунктов нарушения законов страны и штата, начиная от рэкета, распространения наркотиков и огнестрельного оружия и заканчивая разбойными нападениями, покушениями на убийство и убийствами.

Джек молча пролистывал страницы. Примерно на середине документа агент задержался и внимательно перечитал обвинительные статьи, касающиеся убийства сотрудника Управления по борьбе с наркотиками, которого пытался спасти, и истязаний самого Палласа молодчиками Мартино. Все это было изложено абзац за абзацем с ужасающими подробностями.

— Плевать, если я не достану мерзавцев по каким-то другим пунктам — я за одно это отправлю их на виселицу, — спокойно пообещала Камерон. — Собираюсь передать дело в суд на следующей неделе. Мне подумалось, что неплохо бы при вступлении в новую должность навести шороху.

ФБРовец засунул документ обратно в конверт. Да, шорох будет еще тот. Протянув руку,

Джек переплел пальцы с пальцами собеседницы. Камерон наверняка понимает, насколько важен для него этот обвинительный акт, но нужно убедиться, что она поступает так не из ошибочных побуждений.

— Ты уверена?

— На все сто. Мне три года хотелось взяться за данное дело.

— Может начаться серьезная заваруха, — предупредил Паллас. — К такому процессу следует подходить осторожно. Ломбард и Бриггс — ерунда по сравнению со схваткой с Мартино.

— Я много размышляла над тем, как нам следует действовать, — сказала Камерон. — Хочу привлечь всех агентов из чикагского отдела Бюро, а также из некоторых других подразделений, и произвести все аресты практически одновременно. Накрыть Мартино и его шайку одним махом, чтобы лишить их возможности ответного хода. Мне нужен надежный человек, который возглавит работу оперативной группы. Я подумала, что этим человеком должен быть ты. Я также считаю, что именно ты должен лично арестовать Мартино.

Джек поразмыслил над прозвучавшими словами. Часть из них вызвала у него легкую панику.

Неверно истолковав выражение его лица, Камерон недоуменно вскинула голову:

— Я думала, ты будешь рад почетной миссии уничтожить этого мафиози.

— Еще бы.

— Тогда почему такой вид?

— Просто пришло в голову, что теперь ты как федеральный прокурор имеешь в отношении меня властные полномочия.

Камерон вскинула бровь:

— Ваша правда, агент Паллас. В городе действительно новый шериф.

— Остроумно. И долго ты выжидала, чтобы заявить это?

— Примерно две недели, — засмеялась хитрюга и подтолкнула к нему второй пакет. — Не забудь про еще один свой подарок.

— По-моему, преподнесенную мне на блюде голову моего заклятого врага уже ничто не сможет превзойти, — заметил Джек, вскрывая конверт и вытряхивая содержимое.

Он ошибался.

Ключи от входной двери и пульт от гаража.

На мгновение застигнутый врасплох — небывалый случай, — Паллас вскинул глаза на спутницу:

— Это означает то, что я думаю?

— Все зависит от того, что ты думаешь. Если предполагаешь, что я прошу тебя переехать ко мне, то ты прав. — Ее лицо посерьезнело. — И если думаешь, будто я каждое утро просыпаюсь с вопросом, чем заслужила твое возвращение в мою жизнь, — что ж, в этом случае ты тоже прав.

Джек какое-то время сидел просто... ошеломленный. Никто и никогда не говорил ему ничего подобного.

— Иди ко мне, — хрипло пробормотал он, взявшись за стул Камерон, подтянул ближе и поцеловал ее — вначале нежно, затем, когда эмоции взяли верх, положил руку ей на талию и прижал к себе сильнее. Отодвинувшись, Джек заглянул в аквамариновые глаза. — Я люблю тебя, Кэм. Ты знаешь это, правда?

Она ответила поцелуем и прошептала ему на ухо:

— Я тоже тебя люблю.

Палласу потребовалась вся сила воли, чтобы сию же минуту не выдернуть Камерон из ресторана и не потащить домой. Сказанные ею слова — не говоря уже о черной кофточке, обтягивающей юбке и высоченных каблуках — сводили его с ума. Он метнул в спутницу коварную улыбочку:

— Надеюсь, ты не против сегодня отказаться от десерта. Я тут буквально умираю, так хочу остаться с тобой наедине.

— Эй, Джек — судя по вашим лицам, вам двоим немедленно нужен номер. И постарайтесь на этот раз выбрать такой, по соседству с которым не окажется мертвого тела.

— Реально, Камерон, твои друзья всегда появляются не вовремя, — услышав знакомый мужской голос, буркнул под нос Паллас и, повернувшись, обнаружил перед собой Колина.

— Поздравляю, приятель, — ухмыльнулся журналист, похлопывая именинника по спине. За Колином стояли Уилкинс, Ричард и Эйми с мужем.

— Я пригласила несколько человек, чтобы отпраздновать твой день рождения, — смущенно вскинула ладони Камерон. — Сюрприз.

— Мы идем в комплекте, — объяснил Колин. — Считаю это общим подарком от всех нас: пятеро по-настоящему вредных и чрезмерно докучливых новых лучших друзей.

— Которые дарятся, и дарятся, и дарятся, — добавил Уилкинс.

— Я тронут, — осклабился Джек — Честно. И поскольку я, похоже, переезжаю, мы с Камерон всегда будем рады вас видеть в нашем доме. При условии предварительного уведомления минимум за сорок восемь часов.

Когда администратор зала подошла к ним, чтобы провести к столику, Камерон немного придержала Джека позади остальных и спросила:

— Ничего, что я их позвала?

— Это здорово, — поцеловал ее в лоб Паллас. — Спасибо.

Камерон обвила руками его шею.

— И в ответ на заданный ранее вопрос — я не против отказаться от десерта. Вообще-то, сладкое планировалось в домашней обстановке.

Звучит заманчиво.

— А можно хотя бы намек?

— Я в твоих наручниках.

Ну все, полный стояк. Сама мысль об обнаженной Камерон целиком в его власти бросила тело Джека в штопор.

Оттащив Камерон в уголок, где они были скрыты от остальных, Паллас прорычал:

— К черту ужин — уходим прямо сейчас.

— Мы не можем покинуть вечеринку так рано, — с напускной скромностью покачала головой спутница. — Это будет неприлично.

В ответ на поддразнивание Джек оперся ладонями о стену по обе стороны от Камерон, заключая ее в кольцо.

— Ага, мисс Линд... так вот как это будет с вами?

В аквамариновых глазах заплясали чертики:

— Причем всегда.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Маноло Бланик (Manolo Blahnik) — бренд дорогой женской обуви. Отличительной чертой туфель от Бланика являются тонкий высокий каблук, узкий носок, оригинальная отделка и использование самых различных материалов. Не в последнюю очередь благодаря высокой цене (от 400—4000 долларов за пару) постоянными клиентами являются многие знаменитости, например, Мадонна, Наоми Кэмпбелл, Сара Джессика Паркер, Кайли Миноу и Вайнона Райдер. В 1996 Мадонна произнесла культовую фразу о том, что обувь «Маноло Бланик» лучше, чем секс. Но пика популярности бренд достиг благодаря сериалу «Секс в большом городе». Фраза Кэрри Брэдшоу, которую настиг грабитель на улице Нью-Йорка: «Сэр, пожалуйста, берите сумочку, берите кольцо и часы, но только не трогайте мои Manolo Blahnik» вошла в историю мира моды.

"Фраска" (Frasca) — сеть пиццерий/винных баров в Чикаго.

"Чикаго Сан-Таймс" — старейшая газета в Чикаго, издаваемая с 1844 года. Одна из крупнейших ежедневных газет в США, имеющая на своем счету 8 Пулитцеровских премий.

«Эгг Битерз» (Egg Beaters) — продукт позиционирован на рынке США как здоровая замена куриных яиц, поскольку не содержит желтка. Представляет собой яичные белки с добавлением ароматизаторов, витаминов и загустителей.

«Лин Кюизин» (Lean Cuisine) — марка низкокалорийных замороженных блюд и обедов корпорации "Нестле".

Лу Пинелла — тренер команды «Чикаго Кабс». 18 лет играл в этой команде, а затем 22 года работал тренером. Ушел на пенсию в 2010 году.

«Чикаго Кабс» (Chicago Cubs, «Чикагские щенки») — профессиональный бейсбольный клуб, который был создан в 1870 году и базируется в городе Чикаго. Команда является членом Главной бейсбольной лиги (MLB) с 1876 года.

В 1945 году владелец паба «Коза Билли» Билли Сианис пришел со своей домашней козой на игру Мировой серии в Чикаго, в которой Кабс встречались с Детройт Тайгерс, но был выгнан со стадиона из-за того, что запах от козы мешал другим болельщикам. Билли был очень оскорблен изгнанием и, уходя со стадиона, провозгласил: «Эти Кабс, они больше никогда не выиграют!». С тех пор команда не может не то что выиграть, а даже выйти в Мировую серию, несмотря на многочисленные и разнообразные попытки снять проклятие.

Терри Брэдшоу — в прошлом известный американский футболист, талантливый кватербэк, член Высшей футбольной лиги. В настоящее время Терри является футбольным аналитиком и соведущим популярной телевизионной программы FOX NFL Sunday.

Речь о «**Чикаго Уайт Сокс**» (англ. Chicago White Sox) — профессиональном бейсбольном клубе, исторческих соперниках «Чикаго Кабс». Команда была основана в 1893 году.

Эния — ирландская певица и автор музыки к фильмам, работающая в жанрах нью-эйдж (совокупность музыкальных стилей, характеризующихся расслабляющим и позитивным звучанием), этнической и кельтской музыки.

Великолепная миля (Magnificent Mile) — одна из самых знаменитых торговых улиц в мире, северный участок Мичиган Авеню. Подсчитано, что на Великолепной миле расположено 460 дорогих магазинов, 275 шикарных ресторанов и 51 фешенебельный отель.

«Улика» (Clue) — популярная настольная игра детективного жанра, впервые выпущенная еще в 1949 г. Цель этой игры: с помощью дедукции выяснить ответы на три вопроса: кто, где и чем убил доктора Блэка (в североамериканской версии — мистера Бодди). Игровое поле представляет собой план особняка, в котором девять комнат (гостиная, бильярдная, кабинет, зимний сад, кухня и т. п.).

«**Маслянистый сосок**» (Buttery Nipple, вариация коктейля «Скользкий сосок» / Slippery Nipple) — коктейль, появившийся в Америке в середине 1980-х, когда в моду вошли шокирующие названия вроде «Кричащего оргазма» или «Секса на пляже». Рецепт: Берется шутер (в простонародии — стопка), наливается до половины баттерскотчем (сладкий ликер с ароматом ириса), затем доливается ликером "Бейлис" (не смешивать!), выпивается залпом. По словам очевидцев, после употребления в течение 5 минут трех таких коктейлей подряд женский организм не хочет больше ничего в этой жизни.

Камерон вспоминает старинный стишок о том, что должно быть на невесте в день свадьбы для счастливого замужества:

Something old,

Something new,

Something borrowed,

Something blue,

And a silver sixpence in your shoe.

(Дословный перевод: Что-то старое, что-то новое, что-то позаимствованное, что-то голубое и серебряный шестипенсовик в туфельке.)

«КомЭд» (ComEd, Commonwealth Edison) — крупнейшая электроэнергетическая компания в штате Иллинойс, обслуживающая в том числе и Чикаго.

Олдермен — в США член городского совета.

«Форд ЭлТиДи Краун Виктория» (Ford LTD Crown Victoria) — полноразмерный заднеприводный седан, выпускавшийся компанией «Форд» с 1983 по 1991 годы. Короче, у нашего Джека на зиму старенькое, но очень практичное и крепкое "корытце".

Траверс-Сити (Traverse City) — замечательный городок с населением около 15 тысяч, расположенный в Северном Мичигане на берегу озера Мичиган. Округа специализируется на выращивании вишни. Ежегодно в первую неделю июля (как раз можно ехать) в Траверс-Сити проводится недельный Вишневый фестиваль, привлекающий примерно 500 000 посетителей. Местность также славится своими виноградниками и является одним из центров производства вина на Среднем Западе.

Описанный случай основан на реальных событиях, так что можно точно знать, где именно в Небраске "выпасался" наш доблестный агент. В 2008 году в городишке под романтическим названием Валентайн (Valentine) (а еще его, естественно, называют "Городом сердца") некий Томас Ларви не только обворовывал местные лавочки, аптеки и честных горожан, но и оставлял на окнах отпечатки своих намазанных вазелином или детским маслом неприличных мест. Причем ловили похабника больше года — и это при населении в 3 тысячи человек!

Дэвид Уорнер — английский актёр, сыгравший множество ролей (в основном второго плана и в основном злодеев, негодяев и подлецов). Среди его работ — роли в фильмах "Соломенные псы", "Омен", "Женщина французского лейтенанта", "В компании волков", "Музей восковых фигур", в трех частях "Звездных войн" и даже в "Титанике"!

«Это случилось однажды ночью» (It Happened One Night) — романтическая комедия 1934 года с Клодетт Колбер и Кларком Гейблом в главных ролях. В 1935 году эта картина была названа фильмом года и стала первым фильмом в истории Голливуда, завоевавшим «Оскары» сразу в пяти самых престижных номинациях: лучший фильм, лучшая режиссура, лучшая женская роль, лучшая мужская роль и лучший сценарий.

День труда — отмечается в США в первый понедельник сентября и большинством американцев празднуется как символический конец лета.

Ким Карнс (Kim Carnes) — американская кантри-рок-певица и автор песен, за свою карьеру выпустила тринадцать альбомов и получила две премии «Грэмми». Прославилась благодаря своему хиту 1981 года «Глаза Бетти Дэвис» (Bette Davis Eyes), который провел девять недель на вершине главного музыкального чарта Billboard Hot 100 и в итоге был признан самым популярным синглом 1981 года.